

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

9
2023

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

- 5.9.3. Literary theory (Philology)
- 5.9.4. Folkloristics (Philology)
- 5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Cultural Studies)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (History)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Art Studies)

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

e-mail: iurganov@yandex.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: iurganov@yandex.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS/ Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

II. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

- E.Yu. Ivanova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
- A.V. Kostina*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- G.E. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.A. Krongauz*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
- I.A. Kuptsova*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
- A.B. Letuchii*, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
- M.N. Lipovetskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Maltsev*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- I.G. Matyushina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.E. Pekelis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.I. Reinhold*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
- E.L. Rudnitskaya*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

- B.L. Shapiro*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Sharoff*, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom
- I.A. Sharonov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.V. Sideltsev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- A.E. Skvortsov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
- N.A. Slioussar*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- A.N. Taganov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- Yu.I. Tsvetkov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.G. Vladimirova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- V.I. Zobotkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.V. Zagidullina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
- A.V. Zimmerling*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editor

A.L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Аницферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Гришчер, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жепниковска, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- М.В. Загидуллина*, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
- Е.Ю. Иванова*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонна, Париж, Франция
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
- А.В. Костина*, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.А. Кронгауз*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия;
- И.А. Кушцова*, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Б. Летучий*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация;
- М.Н. Литовецкий*, доктор филологических наук, Университет Колумбия, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Рудницкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Российская Федерация
- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.И. Чельшева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Б.Л. Шапиро*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

CONTENTS

<i>Introduction</i> . The logic of assumption in the modus operandi of everyday life. <i>Andrei L. Yurganov</i>	12
<i>Andrey V. Smirnov</i> Action and substance. Hammam, wine and palms in classical Arabic texts	17
<i>Alexei E. Belikov</i> Everyday exoticism in school rhetorical exercises of Ancient Rome (on the material of Quintilian's "Institutes of Oratory" and Tacitus' "Dialog on Orators")	39
<i>Dmitrii A. Redin</i> Communicative dissonances in everyday practices of the Petrine era	50
<i>Pavel E. Spivakovskii</i> Pushkin. Ethics and ideal in a relativizing context	68
<i>Oksana I. Kiyanskaya</i> "The demon of propaganda" and "mademoiselle Catherine". On the story of the failed marriage of the Decembrist M.P. Bestuzhev-Rumin	83
<i>Vladislav B. Aksenov</i> Rumors as a phenomenon of pre-revolutionary everyday life in 1914–1916. Functions, sources, plots, consequences	103
<i>Mikhail P. Odesskii</i> The category of <i>conscience</i> in Soviet literature of the 1920s (on the material of A. Fadeev's novel "The Debacle")	125
<i>Andrei L. Yurganov</i> The "Weirdo" on stage and the playwright in life. The sociocultural context of the emerging Stalinism	139

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение. Логика допущения в модусах повседневности.</i> <i>Андрей Л. Юрганов</i>	12
<i>Андрей В. Смирнов</i> Действие и субстанция: бани, вино и пальмы в классической арабской литературе	17
<i>Алексей Е. Беликов</i> Повседневная экзотика в школьных риторических упражнениях Древнего Рима (на материале «Воспитания оратора» Квинтилиана и «Диалога об ораторах» Тацита)	39
<i>Дмитрий А. Редин</i> Коммуникативные диссонансы в повседневных практиках Петровской эпохи	50
<i>Павел Е. Сливаковский</i> Пушкин: этика и идеал в релятивизирующем контексте	68
<i>Оксана И. Киянская</i> «Демон пропаганды» и «mademoiselle Catherine»: к истории несостоявшейся женитьбы декабриста М.П. Бестужева-Рюмина	83
<i>Владислав Б. Аксенов</i> Слухи как феномен предреволюционной повседневности 1914–1916 гг.: функции, источники, сюжеты, последствия	103
<i>Михаил П. Одесский</i> Категория <i>совесть</i> в советской литературе 1920-х гг. (на материале романа А.А. Фадеева «Разгром»)	125
<i>Андрей Л. Юрганов</i> «Чудак» на сцене и драматург в жизни: социокультурный контекст рождающегося сталинизма	139

Введение

Логика допущения в модусах повседневности

Хотел бы сразу объяснить: почему я ввожу такое понятие, как «логика допущения» применительно к «повседневности», и что это означает? Если исходить из определения культуры в самом широком смысле, что культура это смыслополагание человека, то речь может идти о границах сознания. И эти границы выражаются конвенциональными моделями – типичными объяснениями, которые видоизменяются, заново моделируются в постоянной динамике перемен. Так вот вопрос заключается в том, что «исторические факты» не существуют сами по себе, а представляют собой актуальное самосознание человека во времени, словесно (или иным образом) выраженное для закрепления той фактичности (или интенциональности), которая определяется *логикой допущения* здесь-и-сейчас. Логика допущения – это сама причинно-следственная связь в конвенциональной модели (или в типичном объяснении), определяющая собой *границу* допускаемого и не допускаемого в конкретном времени. Культура существует как мировой океан, в котором каждая волна, идущая к берегу, сменяется новой волной. Волновое единство не отменяет того, что каждая волна по-новому соединяется с берегом, непотворимо.

Приведу пример. В «Послании на Угру» Вассиана Рыло монгольский царь не назван царем в самом начале послания, зато Иван Третий именуется и самодержцем, и царем, как будто не было вековой зависимости от Орды. Резкий переход осмысливается Вассианом как переход к новому царству, и, хотя нет еще венчанного царя, да и царства еще нет, а в логике допущения все это уже есть как мыслимое. Можно, конечно, сказать, – ну это только мыслимое! Само венчание на царство состоится в 1547 г. Однако это неверно. Вассиан предупредил Ивана Третьего, что если он бежит и станет «хоронякой», то вся кровь христианская будет на его совести. Иван Третий должен был, по словам Вассиана, выбрать: либо бежать из Москвы, как это сделал в 1382 г. великий князь Дмитрий Иванович, но в таком случае это будет признание власти монгольского царя как власти законной, либо – не бежать, и тогда Иван Третий превращается в самодержца, который не имеет выше себя никого, кроме Бога. Иван Третий склонялся к логике поведения Дмитрия

Ивановича, но реально поступил так, как в своих допущениях русского самодержавия и царской власти призывал сделать Вассиан Рыло. Реальность царской власти определяется по *последствиям* мыслительной деятельности – никак иначе. Допущение порождает новый горизонт, а признание нового горизонта порождает факты, события. Словом, факты сознания и есть факты истории. Логика допущения порождает границы будущего, и когда оно становится настоящим, например, в формальном венчании на царство, то возникают новые горизонты допуссаемого – опять же мыслимого и одновременно реального по своим возможным последствиям.

Модель русского царя как верховного «пастыря», обоснованная Вассианом Рыло, просуществует века. Русское самодержавие возникает не на правовой основе, не в силу какого-то документа, а в силу допущения, согласно которому власть самодержца есть акт мистический, это личная ответственность перед Богом на Страшном суде за всех «подвластных»: никто и никогда в средневековой Руси не спрашивал – а где же закон о самодержавии?

В XIX в. общество потребовало конституционности для власти, возникло новое допущение и возник вопрос – можно ли русское самодержавие одним махом переделать в английскую конституционную монархию? Область допуссаемого в эпоху радикального декабризма, выраженного в идее уничтожения царской семьи, не случайно так близко приближается к тому, что сделали большевики – но в другую эпоху и в другом контексте.

Подобных примеров много. Тут важно понять, как соединяется логика допущения с модусами повседневности. Я уже отмечал, что понятие «повседневность» нуждается в рефлексии¹. Ибо нет никакой повседневности вообще, абстрактной. Она всегда исторична и трудноуловима. А.М. Панченко в свое время ввел удачные термины для обозначения динамики меняющейся повседневности: обиходное и событийное. Добавлю к эти двум понятиям «логику допущения».

В обиходном всегда зреет своя *логика допущения* чего-то, что еще не стало событийным. И как только событийное обретает свои права быть жизненным миром – осмысленной повседневностью – оно становится обиходным. Так возникает своеобразный круговорот, в котором «логика допущения» является механизмом движения. Допущение коренится не в событийном, а в обиходном, являясь пусковым элементом изменений.

¹ Юрганов А.Л. Жизненный мир и модусы повседневности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 10–14.

Исследователю не дана вся повседневность, как не дан и непосредственно весь жизненный мир. О жизненном мире, его существовании мы узнаем по интерпретациям, которые порождает человек, о повседневности мы узнаем только через модусы ее проявления – то есть через те направления осмысленной ежедневно-сти, которые определяют собой узкий спектр в сравнении со всей многомерной картиной жизненного мира. Таким образом, модусы повседневности в одной культуре могут и не совпадать друг с другом, могут отграничиваться друг от друга логикой *своего* обыденного существования. Вплоть до допущения нового – событийного. Словом, повседневность вся целиком – лишь абстракция, повседневность в модусах своего проявления реальна по присущим им логическим процедурам, которые улавливаются исследователем в исторических источниках.

В этом номере публикуются статьи, направленные на исследование механизмов существования культурных и языковых феноменов в разных модусах повседневности.

В статье академика А.В. Смирнова «Действие и субстанция: бани, вино и пальмы в классической арабской литературе» изучается то, как «движение» смыслов осуществляется в разных культурах. В греческой культуре утвердилась установка видеть всякое движение, всякое новое знание через неизменную сущность вещи, которая «делает ее ею и сохраняет ее устойчивость, несмотря на любые изменения»; арабо-мусульманская культура «научилась видеть и мыслить изменение как обновление действия, полагая само действие устойчивым и неизменным». Смирнов определяет это различие как два способа смыслополагания – через метафизику субстанции и метафизику действия. Оба эти способа можно обнаружить в функционировании языка – таким образом, классические тексты арабской культуры открываются перед исследователем своей процедурой допущения, которая выражается в способности мыслить и в логике субстанции, и в логике действия даже тогда, когда оба прочтения заключены в одной словесной форме.

В статье А.Е. Беликова «Повседневная экзотика в школьных риторических упражнениях Древнего Рима» рассматривается парадоксальная ситуация, когда школьные декламации и типические образы в упражнениях по красноречию, будучи по содержанию тираноборческими, не воспринимались как антимонархические или угрожающие императорской власти. Феномен «экзотики» исследователь обнаруживает в модусе повседневности школьного образования, в котором тираноборческое содержание упражнений воспринималось не более чем повседневная потребность школьных

преподавателей в изобретении риторических задач, необходимых для обучения ремеслу.

В статье Д.А. Редина «Коммуникативные диссонансы в повседневных практиках Петровской эпохи» изучается ситуация коммуникативного диссонанса, выраженного в том, что представители земских миров, используя традиционный язык допетровской эпохи, не понимали языка «рациональной политической культуры» Петровской эпохи. Редина изучает эффект семиотического «неузнавания». Этот эффект как нельзя лучше демонстрирует, что не было одной «на всех» повседневности: сталкивались между собой допетровская и новая Россия в разных модусах, имеющих свои, не совпадающие между собой причинно-следственные связи – границы сознания.

В статье П.Е. Спиваковского «Пушкин: этика и идеал в релятивизирующем контексте» рассматриваются «релятивистские тенденции» в поэме «Кавказский пленник» и трагедии «Пир по время чумы», которые выражаются во внешнем противоречии, когда сочувственное описание подвигов черкесов противоречит восторженному прославлению карательных действий российской армии на Кавказе. «Релятивистские тенденции», о которых пишет автор, – своеобразная иллюстрация того, что логика допущения выстраивает свои модусы культурной повседневности пушкинского времени.

В статье О.И. Киянской «“Демон пропаганды” и “mademoiselle Catherine”»: к истории несостоявшейся женитьбы декабриста М.П. Бестужева-Рюмина» изучается история несостоявшейся женитьбы на племяннице декабриста В.Л. Давыдова – Екатерине Бороздиной. Устанавливается взаимосвязь разных модусов повседневности, которые, будучи единовременными, отличались разными логическими предпосылками: одно дело – служба, другое дело – женитьба, третье дело – восстание. И в каждой ситуации действовали свои мотивации, подчас не совпадая друг с другом.

В статье В.Б. Аксенова «Слухи как феномен предреволюционной повседневности 1914–1916 гг.: функции, источники, сюжеты, последствия» рассматривается функционирование массовых слухов в сельской и городской средах накануне революции 1917 г. Делается акцент на том, что слухи создают «эмоциональное состояние социума», и, несмотря на фантастичность некоторых сюжетов, они выступают «важным источником для изучения общественных настроений».

В статье А.Л. Юрганова «“Чудак” на сцене и драматург в жизни: социокультурный контекст рождающегося сталинизма» исследуются два состояния в одной культурной среде. Драматург изобраа-

зил в пьесе настоящего энтузиаста социалистического строительства, Бориса Волгина, в образе которого видел своего друга Бориса Игрицкого, и одновременно ему же писал о состоянии политической неопределенности в текущем моменте, в котором пропадает и перспектива, и вера в будущее. Афиногенов подавлял критическое настроение в себе, осознавая, что ему, драматургу «генеральной линии», ничего не остается, как изображать новые решения партии, ставящие под сомнение всякого энтузиаста, выходящего за пределы исполнительства и бюрократической системы.

Статья М.П. Одесского «Категория *совесть* в советской литературе 1920-х гг. (на материале романа А.А. Фадеева “Разгром”)» посвящена двум интерпретациям понятия «совесть» – в дореволюционной ситуации и после революции. Оказалось, что словарные определения в словарях русского языка дореволюционных и послереволюционных дают разные определения, что есть «совесть». В словаре В.И. Даля совесть – это различение добра и зла (внутреннее сознание человека), а в словаре С.И. Ожегова – это «ответственность за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» (коллективное сознание человека). Используя в качестве примера роман А.А. Фадеева, М.П. Одесский прослеживает эволюцию персонажей в направлении от первой интерпретации совести ко второй интерпретации.

В целом можно сказать, что исследовательский интерес при изучении повседневности в феноменах языка, культуры разворачивается в сторону выявления таких модусов, которые содержат скрытые или явные внутренние противоречия, а они, в свою очередь, позволяют думать о теоретических проблемах в понимании культурных практик. Одна из главных проблем сегодня, как мне кажется, заключается в том, чтобы любое понятие, используемое исследователем в анализе феноменов культуры, следует подвергать рефлексии. Различение языков описания, научного и исторической эпохи, – по-прежнему значимое поле исследовательских наблюдений.

Андрей Л. Юрганов

Действие и субстанция: бани, вино и пальмы в классической арабской литературе

Андрей В. Смирнов

*Институт философии РАН, Москва, Россия,
public@avsmirnov.info*

Аннотация. Мир вокруг нас состоит из вещей, которые постоянно движутся, действуя друг на друга. Мир, иначе говоря, в каждое следующее мгновение уже другой, чем был, никогда не стоит на месте. Открытое еще греками затруднение заключается в том, что постоянно меняющееся нельзя познать, поскольку, если мир всегда в движении, всегда новый, знание устаревает и становится бесполезным в то самое мгновение, когда мы его получили: мир уже никогда не будет таким, каким мы его познали. Значит, надо остановить это движение, увидеть неизменное в изменении, понять изменение как обновление постоянного. Греки научились это делать, опираясь на понятие субстанции – неизменной сущности вещи, которая делает ее ею и сохраняет ее устойчивость, несмотря на любые изменения. Этот способ осмысливать мир унаследован европейской большой культурой. Арабо-мусульманская большая культура научилась видеть и мыслить изменение как обновление действия, полагая само действие устойчивым и неизменным, пока оно протекает между действователем и претерпевающим. Метафизика субстанции и метафизика действия стали философской рационализацией этих двух способов смыслополагания. Они, эти способы смыслополагания, проявляются в любой активности сознания. Их нетрудно обнаружить и в функционировании языка – не только теоретического, но и обыденного. Классические арабские тексты дают примеры обоих прочтений – и в логике субстанции, и в логике действия, когда оба прочтения заключены в одной словесной форме.

Ключевые слова: логика действия, логика субстанции, большая культура, классическая арабская литература, смыслополагание

Для цитирования: Смирнов А.В. Действие и субстанция: бани, вино и пальмы в классической арабской литературе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 17–38. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-17-38

Action and substance. Hammam, wine and palms in classical Arabic texts

Andrey V. Smirnov

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, public@avsmirnov.info*

Abstract. The world around us is a collection of things in constant motion and influencing one another. In other words, the world changes every instant. Each moment it differs from itself a moment ago, never staying the same. The difficulty discovered by the Greeks is that what is constantly changing cannot be cognized for if the world is always in motion, always new, knowledge becomes obsolete and useless the very instant after we acquired it, as the world will never be the same as we knew it. So we need to stop that movement, to see the unchanging in change, to understand the change as the renewal of the permanent. The Greeks learned doing it relying on the notion of substance, i. e., the immutable essence of a thing that constitutes its self and survives any of its changes. Such a way of conceptualizing the world was inherited by the big European culture. The big Arab-Muslim culture learned to conceptualize change as a renewal of an action, considering the action itself unchangeable as long as it flows from the actor to the recipient. Those two logics of sense positing gave birth to the metaphysics of substance and metaphysics of action. They the two ways of sense positing, manifest themselves in any activity of consciousness. They are not hard to find in the functioning of language either – both theoretical and ordinary. The classical Arabic texts provide possibility of reading them in perspectives of both substance and process logics, where the two contrasting meanings are suggested by the same verbal design.

Keywords: process logic, substance logic, big culture, classical Arabic texts, sense positing

For citation: Smirnov, A.V. (2023), “Action and substance. Hammam, wine and palms in classical Arabic texts”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 17–38, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-17-38

Я предлагаю вниманию читателя отрывок из еще не опубликованной книги, которая развивает мотивы начальных страниц моей «Логика смысла» 2001 г. Этот текст непосредственно примыкает к недавно опубликованному отрывку из этой же (пока не опубликованной) книги [Смирнов 2022] и служит его продолжением. Речь идет о том, как понимается арабское слово *байна*, означающее «между». Классические арабские словари сообщают, что *байна*

означает не только «разделять», но и «соединять». Очевидно, что то, что находится «между» какими-то двумя вещами, разделяет их, так что это значение кажется очевидным. Но разделяющее всегда одновременно и соединяет; это – менее очевидное, но все же не неожиданное значение слова *байна*. Например граница «между» государствами разделяет их, но в каком-то смысле и соединяет, поскольку их территории примыкают друг к другу.

Если мы воспринимаем мир как субстанциальный, соединение будет понято вещественно, как соединение субстанций, а значит, и их перемешивание. Если речь идет о соединении огня и воды, такое соединение окажется невозможным как субстанциальное: либо вода потушит огонь, либо огонь испарит воду. Но если мы воспринимаем мир как процессуальный, т. е. состоящий из действий, то соединить огонь и воду означает соединить их не вещественно, не влить воду в огонь, а соединить в одном действии, связать их протеканием действия: сделать огонь действователем, а воду – претерпевающей действие огня; иначе говоря, нагреть воду. Тогда действие «нагревание», протекающее от огня-действителя к претерпевающей это действие воде, и будет их соединением, а значит – единством. Невозможное субстанциально соединение воды и огня оказывается обыденной процедурой нагревания воды, если мы мыслим процессуально.

В разбираемых примерах из классической арабской литературы мы встретимся с текстами, которые можно прочитать только в процессуальном ключе, на основе метафизики действия, или же только в субстанциальном ключе – в русле метафизики субстанции. Наконец, есть тексты, которые не предопределяют однозначно способа прочтения или даже предполагают оба варианта как поддерживающие и обосновывающие друг друга. Дело не в словах и не в их словарных значениях, а в том, по какой логике мы эти слова связываем, в контекст какого мышления и мировосприятия мы их ставим.

* * *

«Между водой и огнем»

Описанию бань посвящено немало страниц в арабских сочинениях в жанре *'адаб*. 'Алаб'ад-Ди' ал-Г'узу'иф в своих «Новолуниях (*Мат'аби 'ал-буду'р ва манасил ас-суру'р*)» сообщает:

¹ Ал-Г'узу'иф 'Алаб'ад-Ди' (ум. 1412); Брокельман сообщает, что он был берберского происхождения и создал антологию в жанре *'адаб*, в своем роде выдающуюся; о нем см.: (Брокельман 1991).

Ибн Бакуйи зашел в баню, а там ат-Тухайи ал-А'маб Он ему сказал:

حمامنا كزمان القيط محترم وفيه للبرد برد غير ذي ضرر

Баня наша почитаема, как время зноя,
В ней холод холодит, вреда не причиняя.

Тот дополнил бейт:

ضدان ينعم جسم المرء بينهما فالغصن ينعم بين الشمس والمطر

Два супротивника, меж коими нежится тело,
Как ветвь нежится меж солнцем и водой (Гузули 1300, 2:10).

Здесь также малоестественным будет понимание «между» в смысле пространственного промежутка, разделяющего самостоятельные сущности воды и огня: тогда тело вряд ли бы «нежилось», поскольку, с одной стороны, было бы поджариваемо огнем, а с другой – заливаемо водой. Скорее уж это «между» имеет смысл нагретости воды: потому и холод в бане не вредит, и зной почитаем. Да и ветвь вряд ли зацветет на полоске земли, справа от которой будет светить солнце, а слева выпадасть дождь: нужно, чтобы солнце и вода соединились так, как у ал-А'мабат-Тухайи в выражении «солнце, попавшее в ливень» (в предыдущей цитате в передаче ал-Максари). Ведь субстанциально вода и огонь несоединимы:

ومكلف الايام ضد طباعها متطلب في الماء جذوة نار

Кто тщится дням придать не их природу,
Тот хочет огненный уголек найти внутри воды (Хамави 2005, 1: 339).

Природу нельзя поменять, природа огня и воды несоединима – это ясно подчеркнуто в процитированном бейте ат-Тухайи приведенном в «Сокровищнице словесности (*Хизабат ал-'адаб*)» Ибн Халджи ал-Хамави (1366–1434). Ал-Джабиз приводит красно-

² Ал-А'мабат-Тухайи (Слепец из Туделы, ум. 1130) – арабский поэт, один из мастеров жанра *мувашиха*. Более подробно о нем см.: (Штерн 1986).

³ Видимо, 'Абу ал-Хасан 'Алиб. Мухаммад ат-Тухайи (ум. 1025). См. о нем: (Хайнриш 2000).

⁴ Ал-Джабиз 'Абу Юсуф (776–869) – выдающийся литератор, призывавший к мутазилизму.

речивую арабскую поговорку, перечисляющую невозможные события:

Арабы говорят: не бывать этому, пока не сойдутся в одно козёл и страус, вода и огонь, пока не поседет ворон, не побелеет смола и небо не упадет на землю (Джахиз 2011, 5–6, 279).

Невозможность субстанциального соединения огня и воды подчеркнута в выразительном и пространном стихотворении ал-Мутанаббиди (915–955). Как свидетельствует Бахаад-Дин ал-‘Амили в своей «Сумеф (ал-Кашкуф)» (Амили 1983, 2:92–93), написано оно было по печальному поводу. Поэт получил письмо, посланное его матери его бабушкой, проживавшей в Куфе, тосковавшей по внуку, жаловавшейся на его долгое отсутствие и невнимание. Возмущенный ал-Мутанаббиди немедленно отправился в Ирак, но не смог попасть в Куфу. Остановившись в Багдаде, он написал бабушке с просьбой приехать к нему; получив это письмо, старушка скончалась от переполнивших ее чувств. В сокращенном виде эта история фигурирует и в «Дивание» ал-Мутанаббиди (Мутанаббиди 1936, 4:102). Почти в конце стихотворения, оплакивающего ее смерть, поэт утверждает:

وما الجمع بين الماء والنار في يدي بأصعب من ان أجمع الجسد والفهما

Удержать в ладони воду и огонь

Мне не труднее, чем свести удачу с пониманием (Мутанаббиди 1936, 4:108).

Счастливейший удел в земной жизни и знание не сопутствуют друг другу – такова мысль ал-Мутанаббиди. Как пишет ал-‘Укбари (1143–1219) в своем комментарии на этот бейт, разумности и знанию дел не сопутствует успех в дольней жизни, а глупец, которому везет, счастливее умника – такова мысль поэта (Мутанаббиди 1936, 4:108). Этот бейт приводит отдельно, среди нескольких прочих, ал-Калиб ‘Алиб. ‘Абд ал-‘Азиз ал-Джурджани (933–1001) в своем «Посредничестве между ал-Мутанаббиди и его противниками (ал-Висаи байна ал-Мутанаббиди ва-хусуфи-хи)» как пример выдающегося мастерства, доступного прежним поколениям, когда арабы еще были арабами и не смешались с прочим людом, когда они жили отдельно от оседлых наций и не знали постигшей их позже порчи и когда арабский язык еще был настоящим (Джурджани 162–163).

О невозможности соединить воду и огонь Мискавайх (932–1030) говорит:

Между водой и огнем – вражда и неприязнь, так что каждый из них стремится убежать от другого как можно дальше (Мискавайх 2001, 168).

Ал-Газали (1058–1111) как будто вторит ему; приводя пример взаимной вражды (*ta'adin*), он берет именно воду и огонь:

Я имею в виду то, что между водой и огнем. Ведь они враждебны друг другу по своей природе: либо вода потушит огонь, либо огонь, взяв верх над водой, превратит ее в пар (Газали 1971, 120).

'Абу-Хила ал-'Аскари (920–1005) в «Диване смыслов» (*Diwan al-ma'adin*) в разделе «Преувеличение» (*muḃaḃgaḃ*) приводит примеры стихов, преувеличенно восхваляющих любовь, и среди них – два бейта собственного сочинения:

تفرد بالتمام فلا تمام	احبك يا شبيهة الشمس حبا
ونار كان بيتهما التمام	فلو القيتها ما بين ماء

О Шабйат аш-Шамс, моя любовь к тебе –
Единственное, что есть совершенного в мире:
Брось ее между водой
И огнем – и те срастутся (Аскари 1352, 1:223).

Любовь побеждает даже природную невозможность: ее сила такова, что вода и огонь сливаются в гармонии.

Приведу пример схожего высказывания, где осуществляющееся, хотя и невозможное, соединение воды и огня подчеркивает описываемое величие. Ал-Макризи (1364–1442) приводит два бейта, которые произнес, испуская дух, пронзенный стрелой воин:

ولا خطرت باوهامي وافكاري	يا مصر ما كنت في بالي ولا خلدي
قوى تؤلف بين الماء والنار	لكن اذا قالت الاقدار كان لها

О Египет! Ни ум, ни душу мою ты не тревожил,
И мыслей, дум моих не занимал.
Но если судьбе будет угодно, у тебя объявится
Сила примирить воду и огонь (Макризи 1996, 3:278).

В антологии «Нетронутая жемчужина для дворца и свидетель века (*Ḥurīdat al-kasr wa ḡarīdat al-'asr*)» 'Имад ад-Дин ал-

Исбахани (897–967) приводит стихотворение, автором которого является дамаский поэт ‘Арқла ал-Калби (1087–1171) и в котором красавица сравнивается со взошедшем на небосводе полумесяцем. Там есть такой бейт:

الماء والنار في خديه قد جمعا جل المؤلف بين الماء والنار

На щеках его вода и огонь сочетались.

Да славится Подруживший воду и огонь! (Исбахани 1955, 205).

Другому дамасскому поэту, Фитйана аш-Шаффи (1139–1218), принадлежат такие бейты:

يدو بضدين في خديه قد جمعا ماء الشباب ونار الحسن فاصطحبا
فذلك الماء ابكى ناظريّ دما وذلك الجمر اذكى في الحسا لها

Две противоположности на щеках сошлись:

Вода молодости и огонь красоты. Друг с другом они.

Та вода из очей моих кровью слезы пролила,

Тот уголек внутри меня пламень разжег (Исбахани 1955, 254).

«Вода молодости» – принятая метафора расцвета молодости, ее пика; это разъяснение, цитируя поэтический пример, приводит Ибн Дурайд (837–933) (Ибн Дурайд 1987/8, 1:70), и оно устойчиво повторяется в литературе. А о щеке емко сказал Ибн Халиб ал-Халаби (ум. 1377):

Щека – как цветок граната, соединяет воду и огонь, вино сквозь стекло ее просвечивает, лучами ее светильника потерявшийся руководствуется, ярк нежный красный цветок ее, и повинна она, думается мне, в крови влюбленных (Халаби 1993, 64).

Наверное, этих примеров достаточно, чтобы сделать следующий вывод. Оказаться «между» водой и огнем в субстанциальном смысле, когда «между» понимается как их соединение, невозможно: устроить такое по силам лишь Богу или же бескрайней силе любви, благодаря которой эти несходящиеся противоположности усмирены гармонией либо, как в стихах Фитйана аш-Шаффи, раздрают поэта, страдающего от лицемерия их соединения в предмете восхваления. Враждующие субстанциально, «по природе»,

вода и огонь побеждают друг друга, если совмещаются: либо вода уничтожает огонь, либо, наоборот, огонь побеждает воду, уничтожает ее и испаряет. Это – однократное действие, уничтожающее одну из двух противоположных субстанций. Но не так в других наших примерах: там «между водой и огнем» не уничтожает ни воду, ни огонь. Как же это возможно? Только как протекание процесса «нагревание» между воздействующим огнем и претерпевающей водой. Принятие этой парадигмы как основы понимания делает осмысленным и, главное, не парадоксальным, а вполне понятным, понятным до обыденности, выражение «между водой и огнем» или ему подобные в вышеприведенных примерах.

Интересный исторический анекдот добавляет новые нотки нашему разговору о том, как можно оказаться «между водой и огнем». В своем «Наставлении в религии» ал-Исфарайни⁵ передает, со ссылкой на ал-Джа⁶ следующее:

В своей книге⁵ ал-Джа⁶ рассказывает о безбожии С⁷ следующее. Слуга сказал ему: «Встань и помолись!» Тот не обратил внимания. Он еще раз сказал: «Встань и помолись, тогда отдохай!» На это С⁷ ответил: «Я отдохну, если ты отстанешь!»

Вся вражда его к суннитам проявилась в том, что он натравил ал-Ва⁸ на суннита, выходца из бану⁹ Ах⁸ б. Нас⁸ ал-Марвази⁹ поскольку тот выступал против кадаритов⁹. В этом ему помогли Ибн аз-Зай⁸ и Ибн 'Аби⁸. Казнив ал-Марвази⁹ ал-Ва⁸ раскаялся и упрекнул их. Тогда, чтобы смягчить сердце ал-Ва⁸ Ибн аз-Зай⁸ сказал: «Пусть Бог убьет меня между водой и огнем, если его казнили неправомерно!» 'Абу⁸ сказал: «Пусть Бог заточит меня в моей собственной коже, если его казнили неправомерно!» А С⁷ сказал: «Пусть Бог прольет на меня дождем мечи, если его казнили неправомерно!» И Бог ответил на их призывы.

Когда Ибн аз-Зай⁸ зашел в баню, пол под ним провалился, он упал в топку и погиб в ней между водой и огнем. Ибн 'Аби⁸ разбил паралич: он так и остался до самой смерти заточен в собственной коже. А бану⁹, увидев С⁷ в Мекке, вскричали: «Вот тот, кто пролил кровь нашего Ах⁸ б. Нас⁸!» Окружив, они обрушили на него свои мечи. Умертвив С⁷, они вытащили его труп за пределы

⁵ Ал-Исфарайни⁵ ссылается на «Анекдоты» (*ал-Ма⁵*) ал-Джа⁶

⁶ С⁷ б. Ашрас (ум. 828), мутазилит.

⁷ Аббасидский халиф, правил в 869–870 гг.

⁸ Одно из старейших арабских племен.

⁹ Кадариты (ал-к⁹) – уничтожительное обозначение мутазилитов со стороны их оппонентов.

запретного места на съедение львам. Такое наказание постигло его в этом мире, а в том мире получит он сполна за свои нововведения, как того заслужил (Исфарайини 1983, 80).

Эту же историю пересказывает в своем доксографическом сочинении современник ал-Исфарайибиб Абд ал-Кадир ал-Багдади (Багдади 1995, 174–175). Оставим в стороне обостренную анти-мутазилитскую риторику этих авторов, которая объясняется полемической направленностью их сочинений. Нас интересует здесь другое. Ибн аз-Заййаф призывает Бога умертвить его «между водой и огнем», явно подразумевая, что это невозможно, и подчеркивая этой невозможностью другую – невозможность того, что казнь ал-Марвазиббыла напрасной. Это ясно из того, что две другие клятвы также построены как якобы невозможное: «в собственной коже» заточить человека нельзя, как нельзя представить, что Бог «прольет дождь» из мечей, а не из капель влаги. Но паралич и коллективное убийство на заповедной территории, т. е. территории Бога (это территория хаджа), становятся исполнением этих якобы невозможных действий. Точно так же невозможное соединение (слово *байна* здесь имеет значение «соединять»¹⁰) огня и воды, невозможное само по себе, становится возможным, когда Ибн аз-Заййаф проваливается в топку: там и огонь, там и, наверное, вода, которая не могла не попасть туда из помещения бани.

Таким образом, выражение «между водой и огнем» в данном случае означает соединение, причем соединение субстанциальное, воды и огня – что невозможно, как всем известно из опыта и как о том свидетельствуют некоторые из приведенных выше примеров. Конечно, вначале нам не понятно, как такое невозможное соединение может-таки осуществиться. А осуществляется оно потому, что Ибн аз-Заййаф не предусмотрел возможности такого весьма редкого события, как разрушение под собой пола бани, из-за чего он и провалился в ее топку.

Наша гипотеза об истолковании слов «между водой и огнем» начинает приобретать более ясные очертания. Загадочность, неотъемлемая от астрологических предсказаний, заключалась в нашем случае не в том, что надо было угадать то место, которое располагалось «между» пространственно разделенными водой и огнем. Видимо, предсказание ал-Фадла б. Сахла показалось бы – если бы о нем узнали до того, как оно осуществилось, – загадочным в том случае, если слово «между» (*байна*) в выражении «между водой

¹⁰ Иначе выражение «между водой и огнем» нельзя понять как указание на невозможное.

и огнем» было бы понято в значении «объединять», а не «разделять». Тогда «соединение воды и огня» является парадоксальным, невозможным по природе, – в том случае, подчеркну еще раз, если такое соединение понимается субстанциально, как в вышеприведенных цитатах из ал-Газали и ал-Джаузи, или у ал-Мутанаббиди других поэтов, или как в клятве Ибн аз-Заййаба.

Приведенные примеры свидетельствуют также, что «между водой и огнем» может пониматься процессуально. Но надо сразу договориться с читателем о правильном понимании слов «процесс» и «процессуальность». О правильном не в смысле единственно возможным или единственно правильном. Нет. В том-то и дело, что и возможны, и правильны по меньшей мере два понимания этих слов.

Процесс как изменение субстанции и как протекание действия

В одном случае процесс понимается как изменение субстанции во времени. В нашем обыденном словоупотреблении мы подразумеваем под процессами, которые обозначаем глаголами или отглагольными существительными, именно такое постепенное или скачкообразное изменение свойств (атрибутов) субстанции во времени. Например, мы говорим: «Поезд движется из Москвы в Нижний Новгород», или: «Движение поезда из Москвы в Нижний Новгород». Этот процесс движения выражается в изменении местоположения поезда («место», одна из акциденций субстанции «поезд», если выразить это в терминах аристотелевской метафизики), равно как многих других акциденций (если поезд на паровой тяге, изменяется его вес с расходом топлива, и так далее). Более глубокое понимание процесса в субстанциальной перспективе – представление об изменении самой субстанции, а не ее атрибутов. Ведь поезд остается тем же самым, той же самой субстанцией, в любой точке пути – меняются только его акциденции. А вот человек, рождаясь младенцем, становясь подростком, затем взрослым, меняется субстанциально в том смысле, что обретает полноту своих субстанциальных черт, тогда как прежде был ее лишен. Взросление – тоже процесс. Классическое метафизическое понимание процессуальности в этом смысле – аристотелевская парадигма перехода из потенции в акт как достижение максимального субстанциального совершенства вещи.

Оставаясь в рамках такого понимания процесса, мы нуждаемся только в понятии субстанции, чтобы помыслить его. Мы можем

мыслить и внешние причины, производящие изменения в нашей субстанции, а можем и не нуждаться в них, если процесс «самопроизвольный» или опирается на собственные возможности данной субстанции. Так, понимание процесса прорастания колоса из семени требует учета питательных свойств почвы, влаги, воздействия солнца и кислорода. Понять процесс ядерного распада можно без учета внешних причин. Но в любом случае мы можем отвлечься от внешних причин и мыслить процесс так, как если бы он происходил сам собою. Мы можем помыслить прорастание семени так, как если бы все питательные вещества и кислород были заключены внутри семени, как в случае формирования птенца в яйце. Субстанция и ее акциденции – вот без чего мы действительно не можем обойтись, вот нередуцируемый остаток, без которого наша мысль – уже не мысль о процессе.

В другом случае процесс понимается как протекание между источником действия и претерпевающим. То место, которое в первом случае отдано субстанции, здесь принадлежит протеканию. Оно – главное, оно и есть процесс. Оно и есть то, что рассматривается «как таковое», независимо ни от чего, и что обладает устойчивостью само по себе.

«Протекание» – разговорное слово, весьма образное, хотя вместе с тем и точное. Выраженное в терминах метафизики, протекание – это действие. В арабо-мусульманской философии были созданы изощренные учения, разработавшие метафизику действия, которые преломлялись в вероучении и доходили, в упрощенном виде, до сознания обычных, рядовых людей, включались в обыденную картину мира.

Процесс как протекание, а не как изменение субстанции также выражается в языке глаголами и отглагольными именами («протекать» и «протекание», например), не важно, в русском ли, в арабском ли языке. Это показывает, что факты языка, имеющие, безусловно, значение для понимания того, как устроено наше сознание, могут оказаться недостаточны. Их одинаковость – как в нашем случае одинаковость использования глаголов и отглагольных имен – скрывает важнейшее различие между двумя пониманиями процесса. Оставаясь в пределах языка и работая с ним только средствами лингвистики, это различие уловить невозможно. Для этого нужно нечто другое – а именно, логика смысла.

При втором понимании процесса нам в качестве нередуцируемого «набора» необходим источник действия, претерпевающее этого действия и само действие – протекание. Это – другие условия, нежели в первом случае. Ведь во втором случае мы не говорим ни о субстанции, ни об акциденциях. И мы не говорим, что процесс

происходит *во времени*. При втором понимании процесса «время» как понятие нам не нужно; зато мы не обойдемся ни в коем случае без двух сторон протекания – без действующего и претерпевающего. Но, как ни важны они, главным и основным является действие.

«Действующее», «претерпевающее», «действие» – слова, которые поворачиваются одной стороной к языку, а другой – к мышлению; они ведут нас и к лингвистике, и к метафизике. В самом деле, в фактах арабского языка мы заметим то, что подтвердит наше представление о нередуцируемости тройки действующее-действие-претерпевающее и о центральном месте категории «действие». Эти факты – общеизвестные, но придать им подлинный смысл, увидеть из подлинное значение мы сможем только в свете внеязыковых фактов. Оставаясь в пределах языка и науки о языке, мы не придадим этому должного значения и не выведем из этого необходимых следствий. Поэтому логика смысла глубже, фундаментальнее, нежели наука о языке, поскольку смыслоположение более фундаментально, нежели использование языка. Это ничуть не преуменьшает ни значения языка, ни значения науки о языке; напротив, это ставит их в действительно правильный ряд наук, опирающихся на нужные основания и взаимодействующих друг с другом, а не отделенных друг от друга непроходимыми границами. Выстроить такой ряд – также задача логики смысла.

Итак, два понимания процессуальности. Они – не просто разные; похоже, что они *совсем* разные. «Совсем» значит требующие целиком различных условий и ходов осмысления. «В нашей голове» эти два понимания как-то уживаются; в самом деле, говорим же мы о них! – но устроены они весьма и весьма различно. В чем именно заключается это различие? На этот вопрос не ответят ни лингвистика, ни когнитивные исследования во всем их разнообразии, ни нейрофилософия, ни аналитическая философия сознания, ни формальная логика, ни логика диалектическая. Не ответят уже потому, что для них этого различия просто не существует; а если оно и будет замечено, то не будет поставлено в систему знания этих наук, не будет тематизировано и теоретически схвачено. Для этого нужна логика смысла.

Логика действия и логика субстанции как альтернатива

Проведем еще немного времени в общении с арабской литературой и поэзией. Это позволит нам нарастить фонд примеров, свидетельствующих о возможности обоих пониманий процесса.

Вот два замечательных бейта, которые приводит уроженец Сантарема, андалусийский поэт и автор антологии «Кладезь прекрасных черт» (*аз-Завхир фибмахсин 'ахл ал-джазира*) Ибн Бассам:

— بين قيراط ودينار	تلفت فما افرق —
يــــل بين الماء والنار	ذهاب الزيت في القند

Утратился я, не различая,
 Где карат, а где динар.
 Так уходит масло в светильнике
 Между водой и огнем (Ибн Бассам 1979, 4:2:609).

Какой-то экзистенциальной грустью веет от этих строк: утрачена жизнь – то ли в результате денежной растраты, то ли в переносном смысле, в результате растраты сил. Тоска по ушедшему и невозвратимому.

Но что же происходит «между водой и огнем» в последнем бейте? Должны ли мы понять это так, что масло светильника утекает в какое-то отверстие или пространственный промежуток между «водой», с одной стороны, и «огнем» – с другой? И что это за «вода»? Собственно, *маб* – не только «вода», но и «влага» вообще; но даже и в таком случае – что это за «влага»? Как-то все это непонятно; а главное, непонятно, как второй бейт связан с первым: ведь в первом-то все как раз ясно! По русской пословице, копейка рубль бережет, а в данном случае все получилось наоборот: карат (мелкая мера) не берег динара (золотая монета), и все имущество было растрчено. Тут вроде бы гадать нечего; но куда же все-таки утекает масло светильника и при чем тут некая «влага»?

Это когнитивное напряжение будет полностью снято процессуальным пониманием. В первом и втором бейтах речь идет о двух процессах: «растрчивание» (выражено глаголом *талафту* «я растратил») и «уход» (выражено именем действия *зихаб* «ухаживание», в моем переводе передано глаголом «уходит»). Растрата денег протекала от карата к динару – постоянный процесс, который и мы выражаем, говоря: «утекает, как вода между пальцев». И масло светильника «уходит», т. е. утрачивается, поскольку огонь постоянно сжигает жидкое (вот она, «влага») масло. Значит, во втором бейте процесс «утраты», «ухода» масла в светильнике протекает между сжигающим огнем и сжигаемой водой (=влагой, =жидким маслом). Два процесса утрачивания одинаковы, параллельны: так два бейта выстроены в совершенную, законченную поэтическую конструкцию.

Это – пример второго, процессуального понимания слова «процесс», когда процесс берется как протекание.

В «Диване» 'Абу' Нуваса (р. между 747–762, ум. между 813–815) приведено стихотворение, озаглавленное «Наложница (*Джарийя*)». Оно открывается такими бейтами:

كلاهما عجب في منظر عجب	ساع بكأس الى ناش على طرب
صبحا تولد بين الماء والعنب	قامت تريبي وامر الليل مجتمع
حصباء در على ارض من الذهب	كان صغرى وكبرى من فقاعها

Кубок подай хмельному¹¹ весельчаку.

Оба они – диво дивное:

Вот: во мгле ночной он мне явит

Рассвет, рожденный меж водой и виноградом.

Крупные и мелкие пузырьки в нем –

Будто жемчуга россыпь на златом поле (Абу Нувас 72).

Двойственное число во втором полустишии («оба они») отсылает, по всей очевидности, к кубку и вину в нем: кубок упомянут явно в первом полустишии, а вино – иносказательно в других двух бейтах. Наше внимание привлечет выражение *байна ал-мадва-л-'инаб* «между водой и виноградом». Вряд ли это «между» можно понять субстанциально, неважно, в разделяющем ли, в собирающем ли значении. Конечно, рассвет рождается не в промежутке между водой и виноградом, да и не в смеси воды и винограда. Субстанциально понятая смесь воды и винограда – не вино. Чтобы получить здесь значение «вино», нам надо заставить виноград воздействовать на воду, заставить ее перебродить и дать в результате вино. Процессуальное понимание «между водой и виноградом» здесь более чем очевидно: речь о процессе воздействия винограда на воду, дающем вино, в котором и рождается рассвет посреди мрака непроглядной ночи: вино, как свидетельствует следующий бейт, белое, а точнее, желтого, соломенного цвета (потому и сравнивается с золотом) – как солнечный свет, приходящий с рассветом.

¹¹ Перевожу в соответствии с комментариями в (Абу Нувас 72) и в антологиях: правильным здесь является чтение ناش *наш*, синонимичное *нашва'и*, что означает «хмельной», а также «радостный». Встречается вариант чтения *нас* «люди», и тогда первое полустишие будет означать «кубок подай людям на веселье».

Три процитированных бейта приводит Ибн 'Абд Рабби-хи, с незначительными разночтениями, в «Непревзойденном ожерелье (ал-'Икд ал-фарид)» как пример «винных стихов» (*хдмриййаи*), коих, по его утверждению, 'Абу'Нуваб был выдающимся мастером (Ибн Абд Раббихи 1983, 7:83)¹². Отметим также, что последние два бейта приводит уже знакомый нам 'Абу'Хилаб ал-'Аскариб в своем «Диване смыслов (*Диван ал-ма'абид*)», предпосылая им замечание: «Самое замечательное, что было сказано о пузырьках, – слова 'Абу'Нуваба» (Аскари 1352, 1:308). В этом издании вместо «между водой и виноградом» стоит *байна ал-мадва-л-лахаб* «между водой и пламенем», хотя в примечании к этому месту сказано: «В оригинале – “виноград»» (Аскари 1352, 1:308). Эти бейты 'Абу'Нуваба, содержащие выражение «между водой и виноградом», приводятся также в нескольких других поэтических антологиях классического периода.

А вот весьма красноречивые примеры первого, субстанциального понимания процесса, когда он берется как изменение субстанции.

В книге «О животных» ал-Джабб'О приводит ответ «одного из наших, мутазилитов», который, разъясняя вопросы запретности и разрешенности в исламском праве, говорит о взаимопревращении субстанций:

Огонь может превратиться (*татах'аввал*) в воздух, воздух – в воду; а ведь вода куда как не похожа на огонь (Джахиз 2011, 5-6:164).

Мысль здесь заключается в том, что превращение одной субстанции в другую влечет изменение запретности или разрешенности, поскольку исходное совсем не похоже на получившееся в результате превращения, как вода – на огонь, или же мускус, утративший сходство с мышью, или же разрешенный уксус и запретное вино, разрешенное мясо козленка и запретная свинья, молоком которой козленок питался (Аскари 1352, 1:308).

Здесь очевидно, что «превращение» (оно выражено глаголом *татах'аввала* «он превратился [из одного в другое]») – это именно изменение субстанции, никак не протекание. Чтобы осмыслить «превращение» как протекание, т. е. как процесс во втором смысле этого слова, необходимо восстановить соответствующую мыслительную среду. Задать протекание – значит указать две его стороны, иницирующую и воспринимающую. В данном случае «превращение» как протекание возможно между «превращающим» и «превращае-

¹² Русский перевод отрывков из этого произведения см. в: (Ибн Абд Раббихи 1985); цитируемых стихов, к сожалению, в их числе нет.

мым», между действующим и претерпевающим. Но в том примере, который приводит ал-Джабиз, этой мыслительной среды нет, а значит, в этих словах нет и процессуального понимания процесса «превращение». Зато налицо все условия для субстанциального его понимания: речь там идет о «субстанциях» (*джавхар*) и их «акциденциях» (*'арад*) и превращение понимается как изменение акциденций (Аскари 1352, 1:308). Как мы и говорили, понятия субстанции и акциденции – необходимый и достаточный минимум для задания процесса в его субстанциальном понимании.

Поставим теперь такой вопрос: если процессуальное понимание процесса исключает истолкование «между» как пространственного промежутка, разделяющего две стороны (как в случае «ухождения» масла светильника не в смысле выливания в какое-то отверстие между влагой и огнем), означает ли это, что арабские авторы вовсе не приводят примеров именно такого, пространственного понимания слова «между»? Отнюдь; да и странно было бы представить, что они оказались каким-то образом неспособны освоить пространственную рядоположенность предметов или территорий. Без такой способности вряд ли можно было бы ориентироваться в мире: этот навык попросту необходим для выживания.

И в самом деле, Ибн Кутайба (828–889) сообщает в первом томе своего «Источника сведений» (*'Уйу* *ал-ахбар*), в главе «О строительстве и зданиях», где собраны высказывания на эту тему:

Нужно выбирать дом между водой и рынком (*байна ал-мадва-с-суф*) причем дом должен быть с востока, а сады – с запада (Ибн Кутайба ИС 1:312).

Вряд ли можно сомневаться в том, что «между водой и рынком» – это именно полоса земли, с одной стороны граничащая с водой, а с другой – примыкающая к рынку.

На первой странице своей книги «Знания (*ал-Ма'ариф*)» Ибн Кутайба пересказывает историю сотворения мира, почерпнутую в Торе, в частности:

Бог (Славен Он и Велик!) сказал: «Да будет посреди воды перегородка, разделяющая меж [одной] водой и [другой] водой (*байна ал-мад ва-л-мад*). И стала перегородка, и разделила меж той водой, что внизу, и той водой, что вверх. Ту верхнюю перегородку нарек Бог небом (Ибн Кутайба М 1:9).

Здесь «между водой и водой», дважды употребленное, понимается в строго пространственном смысле – в этом нет сомнения. Точно так

же Ибн 'Араби описывающий космогонию в «Мекканских откровениях», говорит о стихии воздуха, которая «возникла между огнем и водой» и, поскольку в силу своей влажности и тяжести не может подняться до огня, а в силу своего жара – опуститься к воде, так и «остается между водой и огнем» (Ибн Араби 1998, 1:368). Здесь также нет сомнения в том, что «между» обозначает пространственный промежуток, ограниченный с одной стороны огнем, а с другой – водой. В самом деле, «пространственный промежуток», «полоса земли, охватываемая взором», «граница между двумя полосами земли» – все это является значением слова *байн* (или *бавн*, ему синонимичного) и однокоренного *би*.

Логика действия и логика субстанции: взаимный переход

В заключение рассмотрим другие примеры употребления выражения «между водой и X», где X может принимать разные значения.

Комментируя аят «Господи, рассуди по истине!» (21:112), Мукатил б. Сулайман (ум. 767) приводит следующий бейт, относя его к аш-Шамма¹³:

النبع منبته بالصخر ضاحية والنخل ينبت بين الماء والعجل

Родник из выжженной солнцем скалы вытекает,

Пальма растет меж водою и глиной (Мукатил 2002, 3:98)¹⁴.

Здесь «между» в выражении «между водой и глиной» не может быть понято в смысле пространственного разделения: пальма растет не на промежутке земли, с одной стороны которой вода, а с другой – глина. Пальма растет там, где вода смачивает глину, в смеси воды и глины, в увлажненной почве. *Байна* «между» озна-

¹³ Аш-Шамма^б. Д^брар (ум. 650 или позже) – доисламский поэт, принявший ислам и участвовавший в битвах мусульман (Арази 1997).

¹⁴ Второй *мисраб* (полустишие) этого бейта приводит ал-Азхари (Азхари 1976, 1:369); как и Мукатил б. Сулайман, он поясняет, что слово 'аджал означает *т^б* «глина», «почва», но отмечает, что не может ни на кого сослаться в подтверждение этого. В дальнейшем данный бейт или его второй *мисраб* неоднократно приводят комментаторы Корана и языковеды, причем некоторые указывают, что 'аджал означает *т^б* на наречии химьяритов. При этом более распространено толкование слова 'аджал как связанного с «поспешностью» человека.

чает здесь «сочетание», «собрание» (*джам'*), а не «разделение». Но должны ли мы понять это «сочетание» в субстанциальном смысле или же в процессуальном? В отличие от соединения воды и огня, которое невозможно по природе как субстанциальное, вода и глина могут сочетаться и соединяться субстанциально. Поэтому здесь возможны оба прочтения – и субстанциальное, и процессуальное, для «соединения» воды и глины. При П-прочтении вода смачивает глину (вода – действитель, глина – претерпевающее, смачивание – процесс, постоянно протекающий между ними), а при С-прочтении глина смешана с водой, пропитана водой. Здесь два прочтения не только не исключают друг друга, но, напротив, поддерживают и разъясняют одно другое.

Вода и глина соединяются еще в одном эпизоде:

[‘Абу’Мусаф был вместе с пророком (да благословит и приветствует его Бог!) в пальмовом саду¹⁵ Медины. Пророк (да благословит и приветствует его Бог!) держал в руке трость и втыкал ее между водой и глиной (*байна ал-ма’ва-т’Эн’а*). Подошел некий муж и попросил выпустить... (Бухари 1993, 5:2295).

Этот хадис приведен также у Муслима (Муслим 1991, 4:1868), где сказано, что пророк опирается на трость, воткнутую «между водой и глиной». Этот же хадис приводит Ибн Ханбал в своем «Муснаде» (Ибн Ханбал 2008, 8:4522–4523) и в «Достоинствах сподвижников [пророка] (*Фад’ил ас-Сал’ба*)» (Ибн Ханбал 1983, 1:193–194). Он встречается также у многих других авторов.

Здесь очевидно, что пророк втыкает свою тросточку, как и в предыдущем случае, не между водой с одной стороны и глиной с другой, а в их смесь, т. е. в грязь, увлажненную почву. И здесь также возможно как субстанциальное, так и процессуальное понимание этого «сочетания воды и глины»: то ли вода *смочила* глину (как огонь нагрел воду в примерах с баней), то ли вода субстанциально смешалась с глиной, образовав субстрат грязи.

Два последних примера – об одном и том же: о том, что финиковая пальма произрастает в хорошо увлажненной почве. В хадисе пророк находится вместе с одним из сподвижников, ‘Абу’Музой

¹⁵ В пальмовом саду – в оригинале *фи’х’ит* букв. «в стене». Как поясняет, со ссылкой на *Лисаб ал-‘араб* Ибн Манзура, в примечании к параллельному хадису у Ибн Ханбала редактор «Муснада», известный египетский хадисовед ‘Ах’ад Му‘бид ‘Абд ал-Кариб, под «стеной» подразумевается пальмовый сад, поскольку пальмовые сады обносились стеной (Ибн Ханбал 2008, 8:4522).

ал-Аш‘ариф в саду из финиковых пальм, символизирующем рай. Открыть и впустить просит сперва ‘АбуБакр, первый халиф, потом ‘Умар, второй халиф, и т. д., и пророк всякий раз говорит ‘АбуМусе: «Впусти его и обрадуй известием о рае». В этом хадисе, повествующем о важных и возвышенных материях, о конечном блаженстве, интересно смотрится точно подмеченная деталь реального, а не символического, финикового сада: пальмы растут «между водой и глиной», и именно в эту увлажненную почву пророк втыкает свою трость, чтобы опереться на нее.

А вот другой пример. Разъясняя значения слов с корнем *кѠтѠб*, ал-КѠфи отмечает, что *кѠтѠб* «нахмурившийся» говорят о человеке, который *джама‘а маѠбайна ‘айнай-хи* «собрал то, что между глаз» (Кали 1:168), т. е. свел брови в одну линию. Какой способ понимания – субстанциальный или процессуальный – будет здесь правильным? С одной стороны, «то, что между глаз» – это часть лица, некоторое пространство, расстояние, и «нахмуриться» значит собрать воедино, в складки, кожу, расположенную между одним глазом и другим глазом. Субстанциальное понимание промежутка между двумя объектами, равно как того, что занимает этот промежуток, очевидно. С другой стороны, само собирание, само, так сказать, нахмуривание – это, безусловно, процесс, собирающий, в каком-то смысле соединяющий один и другой глаз, поскольку «нахмуриться» значит – свести брови воедино, в одну линию, соединить их. Субстанциальное и процессуальное понимание трудно предпочесть одно другому и трудно оторвать одно от другого: они как будто обосновывают друг друга.

Ал-КѠфи продолжает: глагол *кѠтѠба*, употребленный в отношении *шараб* «напитка», означает *мазаджа-ху фа-джама‘а байна ал-маѠ ва-ш-шараб* «смешал напиток, соединив между водой и напитком» (Кали 1:168). Смешивая напиток с водой, мы получаем некий субстрат, «смесь» воды и напитка, и эта смесь не может не быть понята субстанциально. С другой стороны, само смешивание, само «собирание» (*джам‘*) воды и напитка не может не пониматься процессуально. Глаголы *кѠтѠба* «собрал» и *мазаджа* «смешал» дают нам возможность пойти по обоим путям истолкования – и субстанциальному, и процессуальному. Глагол – как будто до этой развилки, он сохраняет в себе возможность и того и другого. Субстанциальное и процессуальное прочтения как будто ведут одно к другому, как будто требуют пересечь границу, их разделяющую: мы получаем смесь воды и напитка благодаря смешиванию одного и другого, и, смешивая одно с другим, мы получаем их смесь. В том, что мы обозначаем глаголом «смешать», субстанциальная и процессуальная стороны еще не разведены.

Источники

- Абу Нувас – *Диван 'Абибу Нувас* («Диван» 'Абубу Нуваса) / Ред. 'Ахмед 'Абд ал-Маджид ал-Гъзали Байруф. Дар ал-китаб ал-'арабийй, 6 г.
- Азхари 1976 – *Ал-Азхари 'Абу Мансур*. Тахзиб ал-лугв (Уточнение словарного состава) / Ред. 'Абд ас-Салам Мухаммад Харуф, Мухаммад 'Али ан-Наджар, 'Абд ал-Халиф ан-Наджар и др.: В 15 ч. [Ал-Къира]: ад-Дар ал-мисриййа лит-та'лиф ва-т-тарджма, Дар ал-кафиб ал-'арабийй. [Б. г.]. Ч. 15 – 1976.
- Амили 1983 – *ал-'Амили Бахад ад-Диб*. Ал-Кашкуд (Сумма) В 2 ч. Байруф. Му'ассасат ал-'ламиби-л-матбуаф, 1983.
- Арази 1997 – *Arazi A. Al-Shammākh b. Dirār // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. 9. Leiden: E.J.Brill, 1997. P. 288–289.*
- Аскари 1352 – *Ал-'Аскари 'Абу Хилаф*. Диван ал-ма'ани (Диван смыслов): В 2 ч. Ал-Къира: Мактабат ал-къадс, 1352-х.
- Багдади 1995 – *Ал-Багдади 'Абд ал-Къир*. Ал-Фарк байна ал-фирак (Различия общин) / Ред. Мухаммад Мухаммад-Диб 'Абд ал-Халиф. Сайда Байруф. ал-Мактаба ал-'асриййа, 1995.
- Брокельман 1991 – *Brockelmann C. Al Ghuzūli // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. 2. Leiden: E.J.Brill; London: Luzac & Co., 1991. P. 1106.*
- Бухари 1993 – *Ал-Бухари Сахих* ал-Бухари / Ред. Муссафа Диб ал-Бугад 5-е изд.: В 7 т. Байруф. ал-Йамаа, Дар Ибн Касир, 1993.
- Газали 1971 – *Ал-Гъзали 'Абу Халид*. Ал-Максад ал-аснафи пархасма'аллаф ал-хуснаф (Высочайший предел разъяснения прекрасных имен Бога) / Ред. Фадлу Шехад. Байрут: Дар ал-Машрик, 1971.
- Гузули 1300 – *Ал-Гъзули 'Алаад-Диб*. Матби' ал-будур ва манавил ас-суруф (Новолуния и стоянки радости): В 2 т. Миср. Матба'ат идарат ал-ватан, 1299–1300 х.
- Джахиз 2011 – *Ал-Джахиз 'Абу Усман*. Ал-Хайаван (Книга о животных) / Ред. Мухаммад Бабил 'Уйуф ас-Суд. В 7 ч. Байруф. Дар ал-кутуб ал-'илмиййа, 2011.
- Джурджани – *Ал-Джурджани ал-Къубалиф*. 'Абд ал-'Азия. Ал-Висаф байна ал-Мутанаббифа-хуффи-хи (Посредничество между ал-Мутанаббифи его противниками) / Ред. Мухаммад 'Абу Фадл Ибрахим, 'Али Мухаммад ал-Баджави Б. м.: Матба'ат 'Иса ал-Баби ал-Хилаби шауракаф-ху, б. г.
- Ибн Абд Раббихи 1983 – *Ибн 'Абд Раббихи*. Ал-'Икд ал-фарид (Непревзойденное ожерелье) / Ред. 'Абд ал-Халид ат-Тархуби В 9 ч. Байруф. Дар ал-кутуб ал-'илмиййа, 1983.
- Ибн Абд Раббихи 1985 – *Ибн Абд Раббихи*. Чудесное ожерелье / Пер. Б.Я. Шидфар // Аль-Джахиз. Книга о скупых. Ибн Абд Раббихи. Чудесное ожерелье. М.: Художественная литература, 1985. С. 225–452.
- Ибн Араби 1998 – *Ибн 'Араби* Ал-Футуб ал-маккиййа (Мекканские откровения). Байруф. Дар ихбасат-тураф ал-'арабийй, 1998.
- Ибн Бассам 1979 – *Ибн Бассам аш-Шантари* аз-Завабир фи махбин 'ахл ал-джазира (Кладезь прекрасных черт обитателей Джазиры) / Ред. Ихсан 'Аббаф. Байруф. Дар ас-сакфа, 1979.

- Ибн Дурайд 1987/8 – *Ибн Дурайд*. Джамхарат ал-луг̣ (Полный словарный состав) / Ред. Рамзи Мунир Ба'лабаки В 3 ч. Байруф: Дар ал-'илм ли-л-малабиб, 1987–1988.
- Ибн Кутайба ИС – *Ибн Кутайба*. 'Уйу̣ ал-ахбар (Источник сведений). Байруф: Дар ал-киتاب ал-'арабийй, б. г.
- Ибн Кутайба М – *Ибн Кутайба*. Ал-Ма'ариф (Знания) / Ред. Сбрат 'Укба. 4-е изд. Ал-Къира: Дар ал-ма'ариф, б. г.
- Ибн Ханбал 1983 – *Ибн Ханбал*. Фадл ас-Салба (Достоинства сподвижников [пророка]) / Ред. Васий 'Аллаб б. Мухаммад 'Абба: В 2 ч. Макка: Дар ал-'илм ли-т-Тоба ва-н-нашр, 1983.
- Ибн Ханбал 2008 – Муснад ал-'има̣ 'Ахад Ибн Ханбал («Муснад» 'Ахада Ибн Ханбала) / Ред. 'Ахад Му'бид 'Абд-Карим: В 12 ч. Джидда, ал-Къира, Штуттгарт: Джам'иййат ал-макназ ал-ислаийй, 2008.
- Исбахани 1955 – *Ал-Ислаби Имад ад-Диб*. Хрият ал-к'рва джариат ал-'аср̣ К'см шу'арабаш-Ша̣ (Нетронутая жемчужина для дворца и свидетель века. Поэты Шама). Ч. 1 / Ред. Шукри Файс̣. Димашк: Ал-Матба'а ал-ха'имиййа, 1955.
- Исфарайини 1983 – *Ал-Исфарайини 'Абу ал-Муз'ффар*. Ат-Табсир фи ад-ди̣ ва тамий̣ ал-фирк̣ ан-нажйа 'ан ал-фикал-ха'ики̣ (Наставление в религии, или Как отличить спасенную общину от общин погибших) / Ред. Кама̣ Йубуф ал-Х̣. Байруф: 'Адам ал-кутуб, 1983.
- Кали – *Ал-Къир 'Абу Али Исмаил ал-Баг'ди Ки таб* ал-'ама̣ (Диктовки): В 4 ч. Байруф: Дар ал-кутуб ал-'илмиййа, б. г.
- Макризи 1996 – *Ал-Макризи Итти'аб ал-ханафа би-ахбар ал-'имма ал-фа'имийй̣ ал-х'лафа* (Известия о фатимидских имамах-халифах для вразумления правоверных) / Ред. Мухаммад Х̣ми Мухаммад 'Ахад: В 3 ч. Ал-Къира: Матба' ал-ахра̣ ат-тиджариййа, 1996.
- Мискавайх 2001 – *Мискавайх*. Ал-Хавабил ва-ш-шавабил (Разбредшиеся верблюдицы [вопросов] и собранное стадо [ответов]) / Ред. Саййид Касрави Байруф: Дар ал-кутуб ал-'илмиййа, 2001.
- Мукатил 2002 – Тафсир Мукатил б. Сулайман («Толкование [Корана]» Мукатила б. Сулаймана) / Ред. 'Абдаллаб Мах'уд Ших'ах. 1-е изд. Байруф: Дар их'ад ат-тура̣ ал-'арабийй, 2002.
- Муслим 1991 – *С'х'б Муслим (Сахих Муслима)* / Ред. Фу'ад 'Абд ал-Ба'б В 5 ч. Ал-Къира: Дар ал-х'дис̣ 1991.
- Мутанабб̣и 1936 – *Диван 'Абисат С'ийй̣ ал-Мутанабб̣и-шарх* 'Абисал-Ба'б̣ ал-'Укбарисал-мусаммаб̣и-т-Тибй̣ фи шарх̣ ад-диван̣ («Диван» 'Абуат-Т̣йй̣ба ал-Мутанабб̣и си комментарий 'Абу ал-Ба'б̣ ал-'Укбарис̣ известный как «Разъяснение “Дивана”») / Ред. Мус'раас-Са'б̣ Ибра'и̣ ал-Абйариф 'Абд ал-Х̣ри̣ Шиб̣ли В 4 ч. Миср: Матба'ат Мус'ра ал-Ба'б̣ ал-Х̣таб̣и ва-авла'и-хи, 1936.
- Халаби 1993 – *Ал-Халаби Ибн Х̣биб*. Наси̣ ас-Саб'ифу̣ну̣ мин ал-'адаб ал-к'ли̣ ва-л-мак'ба̣ ал-'адабиййа (Нежное дуновение из древней литературы

- и литературных макамов) / Ред. Мухаммад Фафрехаб: Даф ал-ктам ал-'арабий, 1993.
- Хамави 2005 – *Ибн Худжа ал-Хамави Хабат ал-'адаб ва нихабат ал-'араб* (Сокровищница словесности и предел изящества) / Ред. Кавказ Дийаб. 2-е изд. Байрут: Даф сифир, 2005.
- Хайнриш 2000 – *Heimrichs W.P.* At Tihāmi // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. 10. Leiden: E.J.Brill; London: Luzac & Co., 2000. P. 482.
- Штерн 1986 – *Stern S.M.* al-A'mā al-Tuṭīli // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. 1. Leiden: E.J.Brill; London: Luzac & Co., 1986. P. 426.

Литература

- Смирнов 2022 – *Смирнов А.В.* «Между огнем и водой» (памяти Майсема аль-Джаноби) // Материалы научной конференции «Сагадеевские чтения – 2022». М.: РУДН, 2022. С. 17–38.

References

- Smirnov, A.V. (2022), “Between fire and water (in memory of Maythem al-Janabi)”, in *Materialy nauchnoi konferentsii «Sagadeevskie chteniya – 2022»* [Proceedings of Sagadeev scientific conference 2022], RUDN University, Moscow, pp. 17–38.

Информация об авторе

Андрей В. Смирнов, доктор философских наук, академик РАН, Институт философии РАН, Москва, Россия; 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; public@avsmirnov.info

Information about the author

Andrey V. Smirnov, Dr. of Sci. (Philosophy), Main Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation. E-mail: public@avsmirnov.info

Повседневная экзотика
в школьных риторических упражнениях Древнего Рима
(на материале «Воспитания оратора» Квинтилиана
и «Диалога об ораторах» Тацита)

Алексей Е. Беликов

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова,

Москва, Россия,

Национальный исследовательский университет

«Московский физико-технический институт», Долгопрудный,

Московская обл., Россия, belikov.smu@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются контексты из Квинтилиана (Quint. 3.6.96-103; 7.8.3-6), Тацита (Tac. dial. 35), Ювенала (Iuv. 7.150-151) с целью показать некоторые особенности жанра античной школьной декламации и типические образы, встречающиеся в этих упражнениях. При этом высказывается критика распространенного в изданиях мнения, что некоторые из этих образов (тираны и тираноубийцы) могли восприниматься как антимонархические и угрожающие императорской власти; два якобы произошедших случая репрессивных действий римских императоров против конкретных раторов после разбора предлагается рассматривать как эксцессы (а один из этих случаев вообще может считаться ненадежным); оппозиционные настроения в «Диалоге об ораторах» Тацита связываются вовсе не с жанром декламации, а с драмой; лояльный Домициану Квинтилиан многократно использует примеры задач с тиранами и тираноубийцами как совершенно нейтральные. Предполагается видеть в экзотическом характере сюжетов и персонажей повседневную потребность школьных преподавателей в изобретении достаточно сложных условий риторических задач для развития способностей учеников к поиску аргументации. Для этой цели Квинтилиан активно применяет теорию статусов, пример использования которой дается в переводе ранее не публиковавшихся фрагментов из третьей книги «Воспитания оратора».

Ключевые слова: Квинтилиан, Тацит, риторика, декламация, теория статусов

Для цитирования: Беликов А.Е. Повседневная экзотика в школьных риторических упражнениях Древнего Рима (на материале «Воспитания оратора» Квинтилиана и «Диалога об ораторах» Тацита) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 39–49. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-39-49

Everyday exoticism
in school rhetorical exercises of Ancient Rome
(on the material of Quintilian's "Institutes of Oratory"
and Tacitus' "Dialogue on Orators")

Alexei E. Belikov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
Moscow Institute of Physics and Technology,*

Dolgoprudny, Moscow Region, Russia, belikov.smu@gmail.com

Abstract. The article considers contexts from Quintilian (Quint. 3.6.96–103; 7.8.3–6), Tacitus (Tac. dial. 35), and Juvenal (Iuv. 7.150–151) in order to show some features of the genre of Ancient school recitation and the typical images found in these exercises. At the same time, a criticism is made of the opinion widespread in the editions that some of these images (tyrants and tyrannicide) could be perceived as anti-monarchical and threatening to imperial power; two alleged cases of repressive actions of Roman emperors against specific rhetors are suggested to be regarded as excesses (and one of the cases can be considered unreliable at all); oppositional sentiments in Tacitus' "Dialogue on Orators" are associated not with the genre of recitation at all, but with drama; Quintilian, loyal to Domitian, repeatedly uses examples of tasks with tyrants and tyrannicide as absolutely neutral. It is supposed to see in the exotic nature of the plots and characters the everyday need of school teachers to invent sufficiently complex conditions of rhetorical tasks to develop students' abilities to find arguments. Thereto Quintilian actively applies the theory of statures, an example of the use of which is given in the translation of previously unpublished fragments from the third book of "Institutes of Oratory".

Keywords: Quintilian, rhetoric, recitation, theory of statures

For citation: Belikov, A.E. (2023), "Everyday exoticism in school rhetorical exercises of Ancient Rome (on the material of Quintilian's 'Institutes of Oratory' and Tacitus' 'Dialogue on Orators')", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 39–49, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-39-49

Одним из наиболее продвинутых упражнений в римской риторической школе была декламация – по крайней мере, в период Ранней империи, поскольку сведения о республиканских школах носят более отрывочный характер. М.Л. Гаспаров характеризует ее следующим образом: «Основным видом занятий в риторической школе стали декламации – речи на вымышленные темы. Было два вида декламаций – контроверсии, речи по поводу фиктивного

судебного казуса, и суазории, увещательные речи к лицу, колеблющемуся в каком-нибудь затруднительном положении. Такие декламации были известны школе издавна; но обычно они старались держаться тематически ближе к действительности, использовали для контроверсий реальные судебные дела, а для суазорий – реальные исторические ситуации; теперь же, когда главным в красноречии стало не содержание, а форма, тематика декламаций все дальше стала уходить от действительности. Началась погоня за эффектами в ущерб правдоподобию; тираноубийцы, пираты, насильники, неслыханные герои и неслыханные злодеи стали постоянными персонажами декламаций; чтобы сделать положения как можно более замысловатыми, в контроверсии вводились несуществующие законы, а в суазории – небывалые исторические события» [Гаспаров 1972, с. 66]. Этот текст – один из лучших по заданной теме вплоть до наших дней, но в нем нельзя не заметить широко распространенное в науке негативное отношение к декламации, восходящее еще к Античности (подробный разбор античной критики декламации дает [Bonner 1949, pp. 71–83]).

Однако в последнее время предпринимаются активные попытки к пересмотру отношения к этому школьному жанру: например, Бернштейн предлагает видеть в декламациях этическую сторону [Bernstein 2013], тогда как немногим ранее Блумер акцентировал важность этого упражнения для репрезентации характера (*persona*) [Bloomer 2011, pp. 231–248]. Хотелось бы, чтобы и отечественная научная и педагогическая мысль обратилась к этой проблематике, и, чтобы дать некоторый новый материал, я хотел бы рассмотреть некоторые примеры использования сюжетов декламаций у Квинтилиана. Общая характеристика его отношения к этим упражнениям содержится во второй книге «Воспитания оратора» (2.10.1–12) и подробно пересказана Т.И. Кузнецовой [Кузнецова-Стрельникова 1976, с. 193–195], которая отмечает «эклетический принцип “золотой середины”» в том, чтобы «регулировать декламацию», при этом, по ее мнению, Квинтилиан «в какой-то мере находился под воздействием традиции риторических школ и не мог стать выше своего века, совсем отмежеваться от преобладающей моды». Вместе с тем, как мне кажется, остается в тени основа подхода Квинтилиана – теория статусов¹, которой у него полностью посвящена

¹ Статусы – способ классификации вопросов, которые выделяются в судебной речи (хотя в целом теория претендует и на более общее значение классификации любых вопросов риторики и философии). Статус позволяет определить главный спорный пункт и найти необходимую аргументацию. В риторических сочинениях даются разнообразные схемы статусов,

третья книга и которая постоянно им привлекается для решения как школьных риторических задач, так и для комментирования реальных речей.

Вот одна из разбираемых Квинтилианом задач – в качестве условия даются нормы законов, затем положение сторон и предмет спора (3.6.96–97, здесь и далее перевод Квинтилиана мой): «Всякое составленное по закону завещание имеет силу; если родители не оставили завещания, наследниками являются дети; отреченный сын не может получить ничего из имущества отца; незаконнорожденный сын, если он был рожден до законного сына, считается законнорожденным, если после – всего лишь гражданином; сына можно отдать на усыновление; отданный на усыновление может вернуться в семью, если его природный отец умер без детей; некий человек из двух своих законных сыновей одного отдал на усыновление, а от второго отрекся, после чего принял бастарда, затем умер, указав наследником отреченного сына; все трое заявили права на имущество».

Этот весьма запутанный случай – пример иска трех сторон – Квинтилиан разбирает без особого труда, накладывая на него категориальную сетку статусов (3.6.98–103, с сокращениями): «Указанному в завещании наследнику возражают с помощью закона: “Отреченный сын не может получить ничего из имущества отца”, возникает статус буквы и смысла закона: может ли он получить имущество каким-либо образом, может ли по воле отца, может ли будучи указанным в завещании? В отношении бастарда вопрос двойной: что он был рожден после законных сыновей и что он не был рожден до появления законного сына. Первая часть содержит силлогизм: можно ли считать, что вышедшие из состава семьи как бы “не родились”; вторая часть относится к вопросу буквы и смысла закона: поскольку очевидно, что он не был “рожден до за-

наиболее часто используется схема, возводимая к Гермагору из Темноса. Выделяются основные четыре логических статуса: установление (было ли?), определение (что это было?), оценка (было ли это хорошо или дурно? – часто называется в литературе статусом законности), перенесение (нарушение подсудности). Дополнительно выделяются четыре «вопроса закона»: буква и смысл (соотнесение текста и воли законодателя), противоречие законов (конфликт норм), двусмысленность (интерпретация текста), силлогизм или умозаключение (выведение несуществующей нормы из уже существующих, аналогия права). Упрощенный пример для пояснения первых трех основных статусов: на обвинение «Ты убил!» можно ответить «Я не убивал» (установление), «Это была самооборона» (определение), «Я убил, но зато предотвратил большее преступление» (оценка).

конного сына”, он обратится за защитой к смыслу закона, сказав, что имелось в виду, что бастард должен считаться законным сыном, если на момент рождения бастарда в доме не было другого законного сына <...> Третьему сыну, желающему возвратиться в семью, со стороны первого будет возражение: “Ты не можешь вернуться, я назван наследником” – статус здесь будет такой же, как в иске отреченного: может ли отреченный быть наследником? Еще одно возражение будет со стороны и первого, и второго вместе: “Ты не можешь вернуться в семью, поскольку отец умер не без детей” <...> Итак, в одном и том же споре оказываются по одной классификации: два подвида “статуса от закона” – буквы и смысла и силлогизм – и затем статус определения; по другой классификации те три статуса, которые, на мой взгляд, только и существуют по природе: статус установления в вопросе о букве и смысле, статус оценки в умозаключении и статус определения, с которым все ясно».

Близость рассматриваемой ситуации к реальным судебным делам находится под большим вопросом, но интеллектуальный потенциал задачи очевиден². И для того чтобы задача была достаточно сложной, используется комбинация условных «законов», самих по себе нереальных, но повторяющихся в разных сочетаниях в других задачах и поэтому узнаваемых, и таких же повторяющихся персонажей: в данном случае фигурируют традиционные *отец* и *сын*, но также появляется и более редкий *бастард*, что Квинтилиан вынужден прокомментировать (3.6.97): «Термином *nothus* (бастард) греки обозначают незаконнорожденного сына, а латинского термина для этого нет, как свидетельствует Катон в какой-то из речей, поэтому нам приходится пользоваться заимствованием».

Еще более экзотический набор персонажей дается в седьмой книге при разборе одного из подвигов «статусов от закона» – силлогизма: «этот статус выводит из того, что написано, то, что является неопределенным – и поскольку это заключение делается умом, он называется умозаключением. Он разделяется примерно на такие виды: то, что определено правом единожды, таково ли и в большем числе случаев? – “*Осужденная за инцест* и сброшенная со

² Весьма интересны в этой связи рассуждения Марру [Marrou 1964, pp. 416–418]: в качестве возражения на всем известную критику декламации он задается вопросом, могло ли античное общество ошибаться с применением этого образовательного инструмента более тысячи лет? Нет ли в этих упражнениях каких-то свойств, которые позволили античной культуре достичь своего небывалого положения? Что, если выдуманный характер сюжетов, непохожих на реальную жизнь, может даже более эффективно и плодотворно сказываться на развитии способностей учеников?

скалы выжила – ее требуют наказать повторно”; то, что действует по отношению к одному, действует ли на многих? – “Убивший одновременно двух *тиранов* требует две награды”; то, что дозволено до, дозволено ли после? – “*Насильник* сбежал, *жертва* вышла замуж, когда тот вернулся, она требует наказания по своему выбору”; то, что относится к целому, относится ли к части? – “Брать в залог плуг не дозволено; в залог принят лемех”; то, что относится к части, относится ли к целому? – “Вывозить шерсть из Тарента не дозволено; были вывезены овцы”. В этих случаях умозаключение будет основываться в том числе и на тексте – обвинитель скажет, что текст достаточно предусмотрителен: “Требую, чтобы *совершившая инцест* была сброшена – таков закон», и “*Жертва насилия* требует наказания по своему выбору”, и “На овце есть шерсть”, и тому подобное. Но поскольку можно возразить: “Не написано, что осужденная должна быть сброшена дважды, что *жертва* может требовать наказания, когда захочет, что *тираноубийца* получает две награды; ничего не предусмотрено по поводу лемеха, по поводу овец”, так что заключение о том, что сомнительно, выводится из того, что очевидно» (7.8.3–6).

Это место удивительным образом похоже на знаменитый критический пассаж из «Диалога об ораторах» Тацита (35): «ведь у риториков занимают лишь речами двух видов – свасориями и контroversиями; свасории как якобы несомненно более легкие и не требующие зрелости мысли поручаются мальчикам, а контroversии – более взрослым, и на какие поистине нелепые темы! И на такую надуманную, оторванную от жизни тему все же сочиняется декламация. Вот и выходит, что в школе ежедневно произносятся речи о наградах *тираноубийцам*, или о выборе, предоставляемом *претерпевшим насилие девушками* своим *похитителям*, или о мерах пресечения моровой язвы, или о *кровосмесительных связях матерей* с сыновьями, или о чем-либо ином в этом же роде, что рассматривается в суде или исключительно редко, или вообще никогда; но перед настоящими судьями...» (перевод А.С. Бобовича³). Многие обращают здесь внимание на критику школы, я же хотел бы сделать акцент на слове «ежедневно» (*cotidie*). Обыденный и повседневный характер такого рода упражнений сатирически изображает Ювенал (7.150–151): «Ты декламации учишь? Какая железная глотка, // Ветгий, нужна, чтоб твой класс наконец уничтожил тиранов! // Сидя читается речь, а потом то же самое стоя //

³ Тацит. *Анналы. Малые произведения. История* / Подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, Г.С. Кнабе, Е.П. Ореханова, М.Е. Сергеевко, И.М. Тронский. М., 2003. С. 515–516.

Ритору класс преподносит, и то же стихами поет он: // Теми же щами совсем убивают наставников бедных» (пер. Д.С. Недовича⁴).

Хотя перечисление необычных и оторванных от жизни сюжетов, более подходящих для приключенческих романов, стало практически обязательным при разговоре о декламации (ср.: [Bernstein 2013, pp. 3–4]), нельзя не заметить, что типаж повторяются и вполне узнаваемы. Так, Данкл убедительно показывает [Dunkle 1971, pp. 13–14], что в тринадцатой филиппике Цицерон для характеристики Антония использует комбинацию из образов тирана и главаря пиратов – типажей злодеев, знакомых слушателям по риторической школе, и именно в силу последнего такая комбинация не казалась им странной, как может показаться нам. Естественным образом возникает идея, отраженная в ряде комментариев, что в риторической школе задачи, в которых участвуют тираны и тираноубийцы, могли использоваться для выражения оппозиционных республиканских настроений в императорскую эпоху. Целую книгу этому посвятила Табакко [Табассо 1985], хотя и она вынуждена признать, что «Подобная репрезентация <тирана как антипода положительно оцениваемой республики> должна быть соотнесена с официальной пропагандой, которая, начиная с Августа, не допускала мысли о том, что в государственном устройстве произошли изменения с приходом принцепса. С другой стороны, упорство подобной пропаганды в конце концов выполняло функцию удерживания принципата от соскальзывания к более открытым формам автократии» [Табассо 1985, pp. 132–133].

На деле основным аргументом в пользу того, что использование (ежедневное!) образов тиранов и тираноубийц в риторических школах могло восприниматься как угроза императору, служат лишь два места из эпитомы Кассия Диона: (59.20.6, о Калигуле) «Он был подозрителен и завистлив равным образом ко всему. Однажды, например, он отправил в изгнание ритора Каррината Секунда за то, что тот в качестве ораторского упражнения произнес речь против тиранов» (пер. А.В. Махлаюка⁵) и (67.12.5, о Домициане) «Также и софист Матерн был умерщвлен за то, что в произнесенной в качестве упражнения речи сказал что-то против тиранов» (пер. А.В. Махлаюка⁶). К сожалению, мне не удалось найти какой-либо

⁴ *Ювенал. Сатиры* / Пер. Д.С. Недовича, Ф.А. Петровского; вступ. ст. В.С. Дурова. СПб., 1994. С. 81. См. также комментарий: *Thirteen satires of Juvenal* / Ed. by J.E. Mayor. Vol. 1. Cambridge, 2010. P. 306–307.

⁵ *Кассий Дион Коккейан. Римская история. Кн. 51–58* / Пер. под ред. А.В. Махлаюка. СПб., 2014. С. 460.

⁶ Там же. Кн. 59–80 / Пер. под ред. А.В. Махлаюка. СПб., 2011. С. 76–77.

дополнительной аргументации. С критикой такого подхода выступил в своей книге Флескес⁷: 1) он приводит аргументацию Фридендера о том, что оба случая совершенно исключительны и что нет свидетельств, чтобы они на что-то повлияли; 2) если бы основанием для преследования было просто использование образа тирана, мы должны были бы знать о гораздо большем количестве подобных случаев; 3) что, вероятно, речь могла идти об использовании в декламации прямых намеков и указаний на личность императора (особенно в случае упомянутого Матерна, если идентифицировать его с персонажем «Диалога об ораторах» Тацита). Еще большее сопротивление оказывает тот факт, что Эрманну [Herrmann 1939] удалось с опорой на текст Тацита и эпиграммы Марциала доказать, что Дион Кассий ошибся и в дате, и в характере смерти Матерна, который умер от естественных причин.

К этому спору я хотел бы добавить еще некоторые аргументы. Прежде всего, надо сказать о Таците, охваченном, по словам Данкла, «очевидным антиимперским предрассудком» [Dunkle 1971, p. 19]: процитированный выше пассаж о школе (35) представляется частью более комплексного противостояния новой и старой эстетики, как об этом пишет ван ден Берг [van den Berg 2014, pp. 241–293], тогда как тема политической оппозиции обыгрывается в первой части «Диалога» и связывается с драмой⁸; образ тирана в политической инвективе также происходит из драмы [Dunkle 1967]; Август последовательно связывал свою политическую пропаганду сначала с драмой, а затем с эпосом [Шумилин 2017]. Поэтому, если даже Калигула действительно воспринял школьное упражнение в политическом смысле и сослал Каррината Секунда, это должно быть воспринято как вопиющая экстравагантность. С другой стороны, Квинтилиана, обласканного Домицианом и назначенного наставником предполагаемых наследников императора, трудно заподозрить в антимонархических взглядах. Показательно, что при разборе категории «уместности» он вспоминает стих Катутла (93) так (11.1.38): «Кто-то из поэтов заявил, что ему неважно, Цезарь – “белый ли, черный ли человек”. Безрассудство! Поменяй местами, чтобы Цезарь сказал то же самое про него, – будет высокомерие». Вероятно, чтобы дурная оценка этого высказывания не распространилась на ее автора, Квинтилиан намеренно пропускает имя поэта, тогда как в десятой книге при обзоре римской литературы вполне находит, за что его можно похвалить.

⁷ Fleskes W. Vermischte Beiträge zum litterarischen Porträt des Tyrannen im Anschluss an die Deklamationen. Münster, 1914. S. 3–4.

⁸ Ibid. S. 4.

Поэтому, как я пытался показать, регулярное употребление образа тирана у Квинтилиана и в других источниках, отражающих школьную практику, не следует как-то особо выделять и противопоставлять использованию всех остальных экзотических персонажей и сюжетов. Наоборот, за счет повседневного обращения к ним и стопроцентного узнавания типажей они должны были восприниматься как стандартные условия задачи, вроде наших велосипедистов на уроках математики, вечно отправляющихся по прямой из точки А в точку Б. Конечно, подобное упрощение не должно отвлекать наше внимание от того, что яркость образов и острота некоторых сюжетных ситуаций давали обучающимся большие возможности для эмоциональной проработки характера и художественной отделки речи, что, в свою очередь, могло уводить преподавателя и учеников от практической задачи подготовки к судебным выступлениям и вызывать критику как современников, так и потомков.

Благодарности

Проект по комментированному переводу «Воспитания оратора» Квинтилиана осуществлялся при финансировании Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Acknowledgements

Translation and commenting of Quintilian's "Institutio Oratoria" has been a project founded by the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Литература

- Гаспаров 1972 – *Гаспаров М.Л.* Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1972. С. 7–33.
- Кузнецова-Стрельникова 1976 – *Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П.* Ораторское искусство в Древнем Риме. М., 1976. 287 с.
- Шумилин 2017 – *Шумилин М.В.* Судьба «Фиеста» Вария в контексте культурной политики Августа // Шаги/Steps. 2017. Т. 3. № 4. С. 188–201.

- van den Berg 2014 – *Berg C.S., van den.* The world of Tacitus' dialogus de oratoribus. Aesthetics and empire in Ancient Rome. Cambridge, 2014. 344 p.
- Bernstein 2013 – *Bernstein N.W.* Ethics, identity, and community in later Roman declamation. Oxford, 2013. 240 p.
- Bloomer 2011 – *Bloomer W.M.* The school of Rome. Latin studies and the origins of liberal education. Berkeley; Los Angeles, 2011. 294 p.
- Bonner 1949 – *Bonner S.F.* Roman declamation in the Late Republic and Early Empire. Liverpool, 1949. 177 p.
- Dunkle 1967 – *Dunkle J.T.* The Greek tyrant and Roman political invective of the Late Republic // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1967. Vol. 98. P. 151–171.
- Dunkle 1971 – *Dunkle J.R.* The rhetorical tyrant in Roman historiography: Sallust, Livy and Tacitus // The Classical World. 1971. Vol. 65. No. 1. P. 12–20.
- Herrmann 1939 – *Herrmann L.* La mort de Curiatius Maternus // Latomus. 1939. T. 3. Fasc. 1. P. 58–60.
- Marrou 1964 – *Marrou H.I.* Histoire de l'éducation dans l'Antiquité. Paris, 1964. 645 p.
- Tabacco 1985 – *Tabacco R.* Il tiranno nelle declamazioni di scuola in lingua Latina // Memorie dell'Accademia delle Scienze di Torino, Serie 5. 1985. Vol. 9. P. 1–141.

References

- Berg, C.S., van den (2014), *The world of Tacitus' dialogus de oratoribus. Aesthetics and empire in Ancient Rome*, University Printing House, Cambridge, UK.
- Bernstein, N.W. (2013), *Ethics, identity, and community in later Roman declamation*, Oxford University Press, New York, USA.
- Bloomer, W.M. (2011), *The school of Rome. Latin studies and the origins of liberal education*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, California, USA.
- Bonner, S.F. (1949), *Roman declamation in the Late Republic and Early Empire*, University Press of Liverpool, Liverpool, UK.
- Dunkle, J.T. (1967), "The Greek tyrant and Roman political invective of the Late Republic", in *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland, USA, vol. 98, pp. 151–171.
- Dunkle, J.R. (1971), "The rhetorical tyrant in Roman historiography. Sallust, Livy and Tacitus", in *The classical world*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland, USA, vol. 65, no. 1, pp. 12–20.
- Herrmann, L. (1939), "La mort de Curiatius Maternus", in *Latomus*, Société d'Études Latines de Bruxelles, Bruxelles, Belgium, t. 3, fasc. 1, pp. 58–60.
- Marrou, H.I. (1964), *Histoire de l'éducation dans l'Antiquité*, ed. du Seuil, Paris, France.
- Tabacco, R. (1985), "Il tiranno nelle declamazioni di scuola in lingua Latina", in *Memorie dell'Accademia delle Scienze di Torino*, serie 5, Accademia delle Scienze, Torino, Italy, vol. 9, pp. 1–141.

- Gasparov, M.L. (1972), "Cicero and the Rhetoric of Antiquity", in *Mark Tullii Tsitseron. Tri traktata ob oratorskom iskusstoe* [Marcus Tullius Cicero. Three treaties on oratory art], Nauka, Moscow, USSR, pp. 7–73.
- Kuznetsova, T.I. and Strel'nikova, I.P. (1976), *Oratorskoe iskusstvo v Drevnem Rime* [The art of rhetoric in Ancient Rome], Nauka, Moscow, USSR.
- Shumilin, M.V. (2017), "The fate of Varius' *Thyestes* in the context of Augustus cultural policies", in *Shagi* [Steps], Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 188–201.

Информация об авторе

Алексей Е. Беликов, кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51;

Национальный исследовательский университет «Московский физико-технический институт», Долгопрудный, Московская обл., Россия; 141701, Россия, Московская обл., г. Долгопрудный, Первомайская ул., д. 3; belikov.smu@gmail.com

Information about the author

Alexei E. Belikov, Cand. of Sci. (Philology), Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia; 1-51, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991;

Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Moscow Region, Russia; 3, Pervomayskaya St., Dolgoprudny, Moscow Region, Russia, 141701; belikov.smu@gmail.com

УДК 81'27(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-50-67

Коммуникативные диссонансы в повседневных практиках Петровской эпохи

Дмитрий А. Редин

*Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия, volot@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется речевая ситуация, возникшая в ходе общения разыскной канцелярии Г.И. Кошелева и двинских земских бурмистров (1716 г.), привлеченных в качестве свидетелей по расследованию служебных злоупотреблений архангелогородского вице-губернатора А.А. Курбатова и кн. М.И. Волконского, первого следователя по «архангелогородскому делу». Автор доказывает, что между коммуникантами возник эффект семиотического «неузнавания», или коммуникативного диссонанса, обусловленного тем, что представители земских миров использовали традиционный язык земских актов допетровской эпохи, а следователи пытались говорить с ними на формирующемся языке рациональной политической культуры, порожденном ситуацией Петровских реформ. Рассмотренный случай направлен на понимание коммуникативных проблем, возникавших в ходе рутинной повседневности, в которой жили и взаимодействовали рядовые современники реформ.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, коммуникативный диссонанс, Петровские реформы, Г.И. Кошелев, А.А. Курбатов, М.И. Волконский, бурмистры, земское самоуправление

Для цитирования: Редин Д.А. Коммуникативные диссонансы в повседневных практиках Петровской эпохи // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 50–67. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-50-67

© Редин Д.А., 2023

Communicative dissonances in everyday practices of the Petrine era

Dmitrii A. Redin

*Institute of History and Archeology of the Ural Branch
of the Russian Academy of Science, Ekaterinburg, Russia,
volot@mail.ru*

Abstract. The article studies the speech situation that arose during the communication between the detective's office of G.I. Koshelev and the Dvinsky zemstvo burmasters (1716), who were brought as witnesses to investigate the official abuses of the Archangelogorod vice-governor A.A. Kurbatov and Prince M.I. Volkonsky, the first investigator in the "Archangelogorod case". The author proves that the effect of semiotic "unrecognition", or communicative dissonance, arose between the communicants. That effect was due to the fact that representatives of the Zemstvo worlds used the traditional language of the Zemstvo acts of the pre-Petrine era, and the investigators tried to speak to them in the emerging language of rational political culture generated by the situation of Peter's reforms. The considered case is aimed at understanding the communication issues that arose during routine everyday life, in which ordinary contemporaries of the reforms lived and interacted.

Keywords: communicative situation, communicative dissonance, Peter's reforms, G.I. Koshelev, A.A. Kurbatov, M.I. Volkonsky, burmasters, zemstvo self-government

For citation: Redin, D.A. (2023), "Communicative dissonances in everyday practices of the Petrine era", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 50–67, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-50-67

I

Одним из знаковых проявлений Петровских реформ стал культурный раскол внутри российского общества, имевший отчетливо выраженный социально-статусный «водораздел» и затронувший самые разные сферы жизни: от бытового поведения до дворцового церемониала, от трансформаций языковых/речевых практик до отношения к церковной традиции¹. Семиотический характер

¹ Литература по всем аспектам культурных последствий Петровских реформ слишком обширна, чтобы привести ее в настоящей статье. Отмечу лишь некоторые труды: [Лотман 2000, с. 13–348; Живов 2004; Агеева 2006; и др.].

преобразований очевиден; среди прочего, он проявился в «разбалансировке» коммуникативного порядка, в языковой «неузнаваемости», так или иначе обнаруживавшей себя в процессе взаимодействий различных социальных групп. В самом упрощенном смысле можно говорить о коммуникативном диссонансе между элитными и профанными слоями населения («дворянством» и «народом»²), хотя обращение к аутентичным источникам показывает, что «границы непонимания» пролегали по более прихотливым и разнообразным траекториям.

Коммуникация лежит в основе организации социума, а сама культура есть результат общественных взаимодействий, порожденная ими знаковая система, бесконечное множество текстов, вербальных и невербальных, возникающих в процессе социальных интеракций, «организованные системы значимых символов», по определению Клиффорда Гирца [Geertz 1973, p. 46]. Такое понимание взаимосвязей в системе «социум – культура – текст – социум» дает возможность целостного прочтения тех или иных конкретных действий, совершаемых людьми, и расшифровки их мотиваций. Культурологический, по сути своей, подход, показавший свою продуктивность в исторических исследованиях, ярким свидетельством чего являются, в частности, труды отечественных исследователей семиотики культуры.

Если вернуться к затронутой выше проблеме коммуникативных диссонансов, возникших в ходе Петровских реформ, то их выявление и осмысление возможно не только с помощью анализа и интерпретации программных текстов творцов и проводников реформ, с одной стороны, и их оппонентов – с другой – того массива манифестов, указов, панегириков, церковных проповедей, трактатов и поучений [Гурвич 1915; Лаппо-Данилевский 2005; Просина 1969; Marker 1985; Белякова 2011; Perrie 2021; Журавель 2022; и многие другие], и не только с помощью обращения к практикам противостояния нововведениям в бытовой сфере (например, к протестным движениям против бородбрития или ношения «немецкого платья» [Покровский 1974; Акельев 2022]), т. е. к феноменам во многом элитарным или экстраординарным, но и к ситуациям коммуникативного «непонимания», возникавшим в ходе рутинной повседневности, в которой жили и взаимодействовали рядовые современники реформ.

² Беру эти слова в кавычки, поскольку каждое из них очень условно и при их осмыслении обнаруживает множество нюансов.

Понятие повседневности оказывается сложнее семантической трактовки самого слова³ и уж конечно не сводится только к бытовой стороне жизни человека. Думается, что, говоря о повседневности, или о повседневных практиках, вполне возможно воспринимать их в духе определения, предложенного О.И. Тогоевой, как «коллективные традиционные действия» [Тогоева 2015, с. 3] в любых их проявлениях. Впрочем, и последние оказываются трудноуловимыми в рамках конкретно-исторического исследования, о чем рассуждал А.Л. Юрганов, формулируя термин «модусы повседневности», понимая под таковыми «направления, по которым раскрываются лишь *те или иные аспекты* (курсив мой. – Д. Р.) осмысленной повседневности» [Юрганов 2022, с. 11]. При этом историк задавался вопросом, насколько подобная выявленная исследователем «повседневность» является таковой: «не приписываем ли мы ей дополнительные коннотации или наоборот – не ограничиваем ли ее возможную природную амбивалентность?» [Юрганов 2022, с. 11]. По сути, в этом вопросе раскрывается все та же проблема коммуникативного «(не)понимания», только поставленная в ретроспективную позицию межсубъектного диалога современного историка-исследователя и индивида ушедшей эпохи; диалога вне прямого контакта, диалога, опосредованного текстом-источником. Эта ситуация, хорошо известная любому гуманитария, лишенному возможности непосредственного наблюдения, ситуация поиска «правильного сочетания трезвости и фантазии», как не без иронии охарактеризовал ее Иммануил Валлерстайн [Валлерстайн 2003, с. 167]. Подобные ситуации тем не менее возникали и между современниками, вынужденными, в силу тех или иных обстоятельств, говорить друг с другом «на разных языках» в процессе отправления своих рутинных повседневных обязанностей. Как уже отмечалось выше, обстановка петровских преобразований чрезвычайно тому способствовала. Одному показательному в этом смысле сюжету и посвящена настоящая статья.

³ Толковый словарь русского языка возводит существительное «повседневность» во втором его значении (быт, бытовая сторона жизни) к прилагательному «повседневный» во втором же значении: бытовавший всегда, обычный (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2005. С. 529).

II

В феврале 1713 г. архангелогородский вице-губернатор (а фактически – губернатор) Алексей Александрович Курбатов, бывший государев «прибыльщик», инициатор введения в России гербовой бумаги, бывший глава Ратуши, контролировавшей в свое время значительную часть государственных финансов, подал царю Петру доношение о широкомасштабной преступной деятельности братьев Осипа и Дмитрия Соловьевых. Обвинения Курбатова в адрес Соловьевых были обоснованы. Осип Алексеевич Соловьев, назначенный в 1707 г. царским комиссаром в Амстердам для продажи поступавших туда казенных товаров из России, и Дмитрий Алексеевич Соловьев, с 1710 г. в качестве обер-комиссара контролировавший в Архангельске закупку и отправку на реализацию в Голландию хлеба, льна, пеньки и прочей значимой экспортной продукции, сколотили, по справедливому определению Д.О. Серова, «международную преступную группу» [Серов 2007, с. 186], занимающаяся контрабандой и прямыми хищениями государственного имущества. Ущерб, нанесенный государству предприимчивыми братьями, оказался колоссальным. По итогам расследования в 1718 г. начет на них составил 709 620 руб., а оценка имущества, подлежавшего по указу царя от 11 января 1719 г. конфискации, составила 407 447 руб. [Серов 2007, с. 198]⁴. Впрочем, речь в нашем случае идет не о судьбе Соловьевых, а о тех последствиях, которые повлекло за собой доношение Курбатова в отношении него самого.

Дело в том, что махинации Соловьевых (бывших холопов царского дяди Л.К. Нарышкина), да и собственно их карьерное продвижение были обусловлены покровительством кн. А.Д. Меншикова и некоторых других высокопоставленных сановников (в частности, сенатора М.М. Самарина), занимавшихся незаконными финансовыми операциями. Попытки А.А. Курбатова инициировать судебное преследование братьев Соловьевых оказались, таким образом, угрозой для разоблачения их высоких патронов, в первую очередь – всемогущего Меншикова. Это роковым образом сказалось на судьбе архангелогородского вице-губернатора. Назначенная летом 1713 г. разыскная комиссия лейб-гвардии майора кн. М.И. Волконского повернула дело таким образом, что главным обвиняемым стал не Д.А. Соловьев, а сам Курбатов.

Дело Курбатова «о его ссорах с Соловьевым» (архангелогородским обер-комиссаром Дмитрием) на протяжении нескольких

⁴ Учитывая, что общая сумма государственного дохода в 1710–1724 гг. составляла от чуть более 3 до 8,5 млн руб. [Бескровный 1958, с. 118].

лет переходило из рук в руки различных следственных канцелярий, то объединяясь в одно производство, то разделяясь в качестве самостоятельных дел. Именным указом от 27 января 1716 г. оно оказалось в руках разыскной канцелярии лейб-гвардии капитана и полковника Герасима Ивановича Кошелева. Надо заметить, что первый следователь, ведший розыск, кн. М.И. Волконский, сам оказался под следствием канцелярии Кошелева⁵ и закончил жизнь на эшафоте 9 декабря 1717 г. за допущенные во время расследования служебные злоупотребления и взяточничество⁶. Г.И. Кошелев и секретарь его канцелярии дьяк Ф.Д. Воронов взялись за дело, в отличие от своего предшественника, энергично и непредвзято, что подтверждал и сам подследственный – А.А. Курбатов [Письма и бумаги 2023, с. 479]. Сосредоточив основное внимание на Соловьевых, Кошелев и Воронов тем не менее пытались разобраться и «в винах» Курбатова, затребовав из канцелярии кн. Волконского все материалы, собранные им по этому поводу. В результате среди полученных документов в распоряжении канцелярии Г.И. Кошелева оказались показания архангелогородских земских бурмистров Семена Дудина и Ивана Ушакова, занимавших должности в 1711 и 1713 гг. соответственно. На основании этих показаний кн. Волконский выдвинул против А.А. Курбатова обвинение в вымогательстве взяток с населения Двинских посадов; обвинение, ставшее в дальнейшем одним из весомых в перечне из 12 «дел», или, как сказали бы сегодня, следственных эпизодов, доказывавших финансовые злоупотребления самого Курбатова [Серов 2007, с. 199]. Обнаруженные нами подлинные документы канцелярии Г.И. Кошелева⁷, отражающие расследование эпизода по получению архангелогородским вице-губернатором «почестных харчевых припасов» с посадских людей в 1711–1713 гг., не только позволяют выявить множество любопытных деталей взаимодействия коронной и земской властей, механизмы функционирования губернского бюджета в Петровское царствование, но дают материал для размышлений о коммуникативных ситуациях эпохи.

⁵ До Г.И. Кошелева следствие по делу кн. Волконского вела канцелярия лейб-гвардии подполковника и генерал-майора кн. В.В. Долгорукова. Но поскольку В.В. Долгоруков в составе свиты Петра I в 1716 г. отправился в длительное зарубежное путешествие, дела его канцелярии, в том числе дело Волконского, перешли в ведение Г.И. Кошелева.

⁶ Подробнее о биографии А.А. Курбатова и деятельности следственных комиссий по делу Курбатова–Соловьевых см.: [Серов 2007, с. 172–214; Серов, Федоров 2019, с. 58–71, 115–125, 195–209].

⁷ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 70. Л. 2–34 об.

III

Ключевыми в расследовании указанного эпизода стали несколько документов. Во-первых, сводная, основанная на мирских расходных книгах, ведомость, фиксировавшая платежи, осуществляемые Двинскими посадами за три года (1711–1713) по различным статьям, погодно и суммарно. Во-вторых, объяснения самих земских бурмистров Дудина и Ушакова по поводу расходов и копия письменного приговора уездного земского схода 1711 г., подтверждавшего законность расходов.

Ведомость, или табель, как она названа в деле⁸, заслуживает специального источниковедческого анализа. Но в нашем случае будет достаточно рассмотреть ее структуру по укрупненным рубрикам. Открывается она перечнем расходов на содержание вице-губернатора А.А. Курбатова, его сына, певчих (!), денщиков и дворни. Суммарно за три года на эти цели двинское земство издержало 1100 руб. 2 алтына и 5,5 деньги наличными и «харчевыми припасами». К этой статье, видимо, следует прибавить следующую за ней: расход на продовольствие для «вице ж губернатора камисаром, дьяком, подьячим» общей суммой 900 руб. 17 алтын 4 деньги. Вероятно, речь идет о штате *личной канцелярии* Курбатова⁹, поскольку расходы на обеспечение различных губернских чинов, в том числе сотрудников губернской канцелярии, означены далее. Это две укрупненные рубрики, в одной из которых сгруппированы в качестве адресатов подношений три комиссара, провиантмейстер и подьячие губернской канцелярии, а также расходы на оплату их проживания («за постой дворов») и покупку свечей, труда работников, «которые работали на дворах начальных людей» и возку льда в погребы «на губернаторской, на дьяческие и на подьяческие дворы». Неожиданно в этой рубрике возникает расход на оплату работным людям, которые работали «на дворе светлейшего князя», т. е. А.Д. Меншикова (всего на 972 руб. 23 алтына 4,5 деньги). В другой зафиксированы траты на содержание местного фискалитета (обер-фискала и двух фискалов), сторожей и посыльных

⁸ Там же. Л. 3 об. – 9 об.

⁹ Личные, или походные, канцелярии имелись у ряда губернаторов первых петровских губерний: ингерманландского/санкт-петербургского (кн. А.Д. Меншикова), казанского (П.М. Апраксина), сибирского (кн. М.П. Гагарина). Наличие таких канцелярий было обусловлено обширностью управляемых ими территорий и частыми разъездами; личные канцелярии позволяли поддерживать оперативную связь со «стационарными» губернскими структурами.

губернской канцелярии и вообще посыльных, направляемых по некоторым казенным надобностям от губернии (общим итогом на 140 руб. 18 алтын 5 денег). Следующая рубрика содержит информацию о «приносах» правящим архиереям (архиепископам Рафаилу и сменившему его в 1713 г. Варнаве), архимандриту и братии Соловецкого монастыря и старшим офицерам архангелогородского гарнизона (общим итогом на 422 руб. 27 алтын 1 деньгу). Специфическим выглядит мирской расход на содержание кречетного промысла, обеспечивавшего ловчими птицами царский двор. Общая сумма расхода по этой статье несколько превышает сумму трехлетнего содержания А.А. Курбатова с сыном и их людей, составляя 1188 руб. 19 алтын 2 деньги. Следующая укрупненная рубрика фиксирует расход на содержание «приезжим» – всякого рода командированным в губернию представителям центральных учреждений и отдельных сановников (кн. А.Д. Меншикова, фельд-маршала Б.П. Шереметева, кн. П.А. Голицына) на общую сумму 305 руб. 20 алтын 1 деньга. И завершает таблицу самая обширная статья расходов на мирские нужды, преимущественно на содержание органов и служителей мирского самоуправления, ремонт земских строений и мостовых, траты, связанные с отправлением обязательных натуральных повинностей (вроде сопровождения рекрутов), и т. п.

Бурмистров Семена Дудина и Ивана Ушакова дважды вызывали в Петербург для дачи показаний. Первый раз в 1715 г., в канцелярию кн. М.И. Волконского, в связи с расследованием по делу А.А. Курбатова. Второй раз в 1716 г., в канцелярию кн. В.В. Долгорукова, уже по расследованию злоупотреблений самого Волконского. Оба бурмистра, вынужденные за свой счет и подолгу проживать в столице, недоумевали, зачем их там держат – ведь они дали показания в первый приезд, причем, вероятно, эта процедура не заняла много времени. Они обратились с челобитной в канцелярию Г.И. Кошелева с просьбой отпустить их домой, поскольку за обе поездки они «испрожились, а впредь им пити и есть нечего»¹⁰. Не исключено, что земских выборных беспокоила возможная перспектива быть затянутыми в трясины следственных процедур или, чего доброго, оказаться среди обвиняемых. Поэтому одним из лейтмотивов их показаний и челобитных стало уверение в том, что все «почестные подносы» они носили «по прежнему обыкновению и по мирским приговорам... и в том от мирских людей никакова спору и челобитья на них нет и не бывало»¹¹.

¹⁰ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 70. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 2 об.

Следует заметить, что представленная выше табель зафиксировала отнюдь не одни лишь «почетные подносы». Даже из обзора ее укрупненных рубрик видно, что значительная, если не большая часть расходных статей двинского земства была направлена на финансирование разнообразных государственных потребностей; даже расходы на собственно мирские нужды обеспечивали содержание различных коронных агентов и отправление натуральных повинностей. Все это традиционно составляло расходную часть мирских бюджетов вообще и посадских в частности, что в свое время детально описал и проанализировал А.А. Кизеветтер¹². Можно сказать, что в условиях петровской мобилизационной системы фиска губернский аппарат просто не мог бы функционировать без активной и постоянной финансовой поддержки земского самоуправления. Отчего же земские двинские бурмистры делали акцент именно на «почетных подносах», оправдываясь именно за них?

Очевидно, что этот смысловой акцент в их текстах был задан самим следствием. Кн. Волконского в разбирательстве дела А.А. Курбатова не интересовали *земские расходы вообще*, равно как и степень их законности или незаконности. Ему важно было уличить Курбатова в том, что он обогащался за счет посадских тягловцев, а Г.И. Кошелева, в первую очередь, возможные процессуальные нарушения предшественника. В этом и состояла специфика коммуникационной ситуации, то взаимное непонимание, которое возникло между следователями и двинскими бурмистрами.

IV

Несомненно, стороны говорили на разных языках. Ключевым моментом здесь являлось различие в квалификации земских расходов. С точки зрения мирских выборных, показанные расходы были *обычными*, освященными вековой практикой и абсолютно легитимными. Как справедливо писал А.А. Кизеветтер, «...посадский мир был свободен в распоряжении собираемыми суммами в отношении порядка их сбора и перечисления поступлений по одному сбору за счет другого»¹³. На это обстоятельство ссылались и двинские земские бурмистры Дудин и Ушаков, резонно заявляя, что «те вышеписанные росходы держали *по мирским приговорам*

¹² Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М.: Университетская тип., 1903. С. 537–569.

¹³ Там же. С. 569.

*и по прежнему издревле обыкновению»*¹⁴. В этой фразе, записанной в канцелярии Кошелева со слов бурмистров, ясно указано на два источника правомочности их действий: старину и мирской приговор. Ссылка на старину являлась одной из древнейших норм обычного права, основанием возникновения права собственности (давность), способом доказательства прав, в том числе на распоряжение имуществом. Мирской приговор, особенно письменный приговор уездного земского съезда, подкрепленный рукоприложениями всех мирских уполномоченных – старост, сотских, выборных людей, или посыльчиков, как называли этих делегатов на Русском Севере, являлся высшим актом всеуездного мира¹⁵. Копию такого приговора, дававшего земскому бурмистру широкие полномочия по распоряжению мирской кассой, представил в канцелярию Кошелева Семен Дудин¹⁶. На наличие такой же «скаска», то есть уездного приговора «за руками мирских людей», указал Иван Ушаков, пояснив, что она «на земском дворе осталась» (в Архангелогородской земской избе)¹⁷. Примечательно, что легитимность мирских приговоров традиционно признавалась и государством, но в разбираемом нами прецеденте коронные агенты – следователи, не оспаривая в целом земских актов и не выдвигая обвинений против самих бурмистров, все-таки усмотрели в самом факте подношений денег и продуктов А.А. Курбатову и его окружению криминал. На чем же основывалась такая квалификация действия?

Судя по всему, следствие (и в первую очередь кн. М.И. Волконский) стремилось подвести Курбатова под обвинение взимания так называемых неуказных сборов. Понятие «неуказные сборы» и связанное с ним понятие «необычные расходы» («ненужные расходы») появились в делопроизводственном языке отечественных канцелярий в самые острые годы финансовых затруднений казны. Правовая основа для пресечения «ненужных расходов» была заложена сенатским указом от 13 апреля 1711 г., написанного в развитие так называемых Высочайших пунктов от 2 марта 1711 г., в частности п. 2, касавшегося надзора за государственными расходами. В нем шла речь о проведении ревизии губернских расходов за 1710 г. в целях выявления «ненужных и напрасных расходов» и о принятии мер, не допускавших таковые впредь. Но касался этот указ контроля за окладными и неокладными сборами, то есть за рас-

¹⁴ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 70. Л. 13.

¹⁵ *Богословский М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 229.

¹⁶ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 70. Л. 10–10 об.

¹⁷ Там же. Л. 13.

ходованием средств, поступающих от сбора налогов и платежей¹⁸. В фискальной неразберихе Петровского царствования местные власти могли по своей инициативе, без санкции центра налагать на податное население дополнительные сборы под видом казенных платежей как для собственного обогащения, так и для содержания управленческого аппарата. Отсюда исходили попытки высшей и центральной власти пресечь подобные «неуказные сборы», которые подрывали платежеспособность тягла и выводили средства из казенного оборота. Законодательно эти попытки были оформлены лишь в 1720 г., когда на свет появился именной указ (от 10 февраля), повелевавший объявлять о сборе тех или иных податей только посредством печатных указов, «чтоб всяк о тех зборех подлинно был сведом и никому б нельзя было прибавить или убавить»¹⁹. Но, разумеется, в рассматриваемый нами период подобной ясности законодательство не предоставляло. Для ситуации 1716 г. мог быть актуален другой указ – от 24 декабря 1714 г., касавшийся «повреждения государственного интереса», провозглашавший, «дабы не дерзали никаких посулов казенных и с народа брать торгом, подрядом и прочими вымыслы, какого б звания оные и манера ни были, ни своим, ни посторонним лицом, кроме жалованья, тако ж от дел...»²⁰. Но, строго говоря, речь в нем шла именно о *посулах*, т. е. взятках – частных подношениях должностным лицам, побуждающим их к противоправным действиям в пользу взяточдателей, или поборов, связанных с вымогательством подношений, и о запрете кормлений «от дел», а не о «почестях» («честных приносах») ²¹. Последние не были криминализованы в то время, в отличие от посулов; государство смотрело на «почестные приношения» сквозь пальцы как на давнюю традицию кормлений, не легализуя таковые, но и не особо пресекая. Грань между посулом и «почестью» была очень тонка, законодательно неопределенна, и признание «почести» криминальным посулом, или взяткой, зависело от конкретной ситуации. Даже те из администраторов, которые сами возглавляли следственные органы, преследовавшие казнокрадов, вроде упоминавшегося кн. В.В. Долгорукова, не видели греха в получении «почестей». В одном из писем кабинет-секретарю А.В. Макарову (от 14 января 1718 г.) князь Василий высказался на этот счет вполне определенно.

¹⁸ ПСЗ. Т. 4. № 2362.

¹⁹ Там же. Т. 6. № 3515.

²⁰ Там же. Т. 5. № 2871.

²¹ О тонких различиях между многочисленными понятиями, маркировавшими различные формы частных вознаграждений должностных лиц в Петровскую эпоху см.: [Редин 2019, с. 139–209].

«Изволь милостиво разсудить, – писал князь, – хотя б кто меня в чем и подарил, *а бес повреждения интересу государственного*, мне кажетца, *всякой в своем добре волен*. Как я людей дарил, так и меня даривали, и впредь то будет»²². Такого же мнения придерживались и тяглецы, готовые приносить «корм» чиновникам в рамках установившейся традиции и восстававшие против только в тех случаях, когда начальство превышало некий «порог дозволенного», вымогая дополнительную мзду сверх того, что был готов платить мир. Наши бурмистры прекрасно чувствовали грань этого дозволенного и, очевидно, были знакомы с понятием «повреждения государственного интереса», когда писали следователю Г.И. Кошелеву, что в случае с Курбатовым «спору... о тех вышеписанных расходах от мирских людей и ни от кого нет, для того, что оным живут *из мирских сборов* повсягодно, *а не из ынтересов царского величества... и живут те расходы у них издревле*»²³.

В этой фразе ее авторы подчеркивали еще одну важную деталь: все зафиксированные в табели (и, соответственно, в расходных книгах) выплаты и «приносы» делались из мирских денег не в ущерб тем налогам и платежам, которые Двинские посады несли отдельно. Земские бурмистры очень осторожно, мы бы сказали корректно, давали понять следователям *разницу между государевыми и мирскими деньгами*, тратить которые они могли в соответствии с земским приговором совершенно свободно. Этот аргумент делал несостоятельными попытки обвинить А.А. Курбатова во взяточничестве, или «лихоимании», даже опираясь на нормы указов 1711 и 1714 гг. Он не вымогал себе и своим людям «корма». Он не присваивал (в данной ситуации) казенных средств и не предоставлял за посулы никаких преференций бурмистрам на совершение каких-либо противоправных действий. Следствию оставалось лишь просто на свое усмотрение переqualифицировать получение Курбатовым «почестных подносов» во взятку, не принимая в расчет решений всеуездного земского съезда и свободно толкуя расплывчатые нормы существовавшего на тот момент законодательства, что было вполне *обычной* практикой в аналогичных ситуациях эпохи. Характерно, что при этом – подчеркну еще раз – обвинений против самих бурмистров в их «приносах» выдвинуто не было и в конце концов их отпустили домой. Внимание Г.И. Кошелева переключилось на кн. М.И. Волконского, в действиях которого полковник усмотрел ряд упущений, и дальнейшее развитие следствия по расследованию эпизода о «почестных подносах» пошло уже без свидетельств мирских выборов.

²² РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 335–335 об.

²³ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1, ч. 1. Д. 70. Л. 15 об.

V

Приведенный эпизод демонстрирует культурные и языковые различия в диалоге представителей двинского земства и следователей. Для земских бурмистров слова «издревле», «почетные подносы», «мирской приговор» являлись не только и даже не столько юридическими понятиями, сколько символами; они, пользуясь сегодняшними терминами, несли семиотическое значение и одновременно отражали их обычную, повседневную практику, которая повторялась из раза в раз «повсягодно» с незапамятных времен²⁴. Ни Дудину с Ушаковым, ни уполномочившим их посадским выборным, в сущности, не надо было никаких других слов или аргументов. Символическая суть устойчиво употребляемых слов, на основе которых держалась сама структура общинного языка, не требовала обращения к пунктам артикулов и указов, этих лексических кодов нового времени, не проникавших в толщу мирских отношений и в общем-то чуждых им, избыточных по существу. Тексты показаний/объяснений земских бурмистров и выборных людей, составивших свой приговор, – это отточенная и структурированная речь субъекта общественных отношений²⁵, которую понимал и принимал в допетровскую пору другой субъект – официальная государственная власть. В их текстах – и это важно подчеркнуть – не было ни намека на поддержку обвиняемого А.А. Курбатова, поскольку они были не об этом, а об *обычности и легитимности* действий С. Дудина и И. Ушакова как представителей воли коллективного субъекта: мира-общины. В этот смысловой и символический контекст органично вписывались расходы на «почетные подносы». Их обыденность и законность традиционно признавались государством в допетровскую эпоху и в ранние годы единодержавного правления Петра [Енин 2000, с. 306, 310], поэтому земские бурмистры имели полное основание недоумевать по

²⁴ Ср.: «Согласно основному тезису лингвокультурологии, язык осуществляет семиотизацию культурных смыслов, берущих начало в глубине веков, но когнитивно релевантных современному языковому сознанию. <...> На знаки языка и культуры, служащие проводниками в национальное мировидение, ориентируется обыденное сознание; они являются своего рода формами объяснения действительности, с ними связаны программы деятельности и поведения, культурные прескрипции» [Бартминьски, Безрезович, Вепрева 2021, с. 1397].

²⁵ Об устойчивых формулах и оборотах, составлявших речевую структуру земских актов Русского Севера XVII в., см.: [Швейковская 2012, с. 251–290].

поводу интересов следствия к этой статье расходов, *неотделимых* в их представлениях *от земских расходов вообще*.

В иной речевой манере был представлен текст следственных документов. Их язык еще неустойчив ни с нормативно-юридической, ни с семиотической позиций. Интенционно опираясь на немногочисленные и слабо проработанные законодательные акты (не упоминая их напрямую), следователи старались *менять цель* коммуникативной ситуации²⁶. Не выдвигая обвинений против земства и в целом не оспаривая их прав на распоряжение мирскими деньгами, они подменяли аксиологию понятия «почетные подносы», криминализируя его, придавая негативную коннотацию, при этом не отказываясь от употребления самого понятия (не маркируя его относительно новым термином «взятка» или старым термином «посул»). Более того, если первая следственная канцелярия кн. М.И. Волконского преследовала цель вменить получение «почетных подносов» как незаконных А.А. Курбатову, то следственная канцелярия Г.И. Кошелева совершала новую смену цели: найдя в действиях предшественника неточности в снятых показаниях (в частности, небрежно составленную сводную таблицу земских расходов, обнаружившую неправильный подсчет общих сумм) и процедурные нарушения в их оформлении, они обращали показания земских бурмистров против кн. Волконского. Использование устойчивого термина «почетные подносы» с одновременной заменой его семиотического статуса при одновременном *неиспользовании* иных, новых терминов свидетельствует, кроме прочего, о переходном характере языка повседневных практик ранней петровской бюрократии, в том числе – представителей органов следствия, не выработавшем еще собственной языковой системы.

Этот своеобразный диалог, рожденный в переходной ситуации петровских преобразований, дает, как представляется, еще один пример коммуникативного диссонанса, непонимания сторон, *говоривших о разном на разных языках*. В конечном итоге каждый из участников диалога остался при своем. Земские бурмистры отстаивали свою позицию, отделившись лишь расходами на длительное и, с их точки зрения, неоправданное проживание в столице, а следствие с помощью смены цели коммуникативной ситуации добилось и дополнительного пункта обвинения А.А. Курбатова («почетные подносы» все-таки вошли в состав окончательного заключения), и существенного пункта обвинения неправомочных действий кн. М.И. Волконского (частичной фальсификации дела против Курбатова [Серов, Федоров 2019, с. 68]).

²⁶ О значении цели как элемента структуры коммуникативной ситуации см.: [Беликов, Крысин 2001, с. 40–43].

Литература

- Агеева 2006 – *Агеева О.Г.* Европеизация русского двора, 1700–1796 гг. М.: ИРИ РАН, 2006. 264 с.
- Акельев 2022 – *Акельев Е.В.* Русский Мисопогон: Петр I, брадобритие и десять миллионов «москвитов». М.: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с.
- Бартминьски, Березович, Вепрева 2021 – Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы / Е. Бартминьски, Е. Березович, И. Вепрева, М. Ковшова, А. Шмелев // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 4. С. 1389–1408. DOI 10.15826/qr.2021.4.645
- Беликов, Крысин 2001 – *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001. 316 с.
- Белякова 2011 – *Белякова Е.В.* Издание Кормчей книги и проблема смены культурной ориентации // *Российская история*. 2011. № 4. С. 103–113.
- Бескровный 1958 – *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1958. 645 с.
- Валлерстайн 2003 – *Валлерстайн И.* После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
- Гурвич 1915 – *Гурвич Г.Д.* «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1915. X, 112 с.
- Енин 2000 – *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII в.: содержание населением уезда государственного органа власти. СПб.: Изд-во РНБ, 2000. 351 с.
- Живов 2004 – *Живов В.* Из церковной истории времен Петра Великого: исследование и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 360 с.
- Журавель 2022 – *Журавель О.* Искусство проповеди Андрея Денисова: риторические стратегии и приемы // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 4. С. 1377–1393. DOI 15826/qr. 2022. 4.735
- Лаппо-Данилевский 2005 – *Лаппо-Данилевский А.С.* История политических идей в России в XVIII в. в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / Предисл. М.Ю. Сорокиной; подгот. текста М.Ю. Сорокиной при участии К.Ю. Лаппо-Данилевского. Кёльн, 2005. XXXII, 462 с.
- Лотман 2000 – *Лотман Ю.М.* Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX в. // *Из истории русской культуры*. Т. 4: XVIII – начало XIX в. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13–348.
- Письма и бумаги 2023 – Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова (1700–1720-е годы) / Науч. ред. Д. Серов, А. Видничук, А. Жуковская, И. Федюкин; подгот. текстов Д. Серов, А. Видничук; вступ. ст. Д. Серов, А. Жуковская. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 535 с.
- Покровский 1974 – *Покровский Н.Н.* Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974. 394 с.
- Просина 1969 – *Просина А.Б.* Апология абсолютизма в учении Феофана Прокоповича о государстве и праве // *Вестник Московского ун-та. Серия 11: Право*. 1969. № 2. С. 52–59.

- Редин 2019 – Редин Д.А. Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2019. 284 с.
- Серов 2007 – Серов Д.О. Администрация Петра I. М.: ОГИ, 2007. 288 с.
- Серов, Федоров 2019 – Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы следователей Петра I. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. группа «Юрист», 2019. 432 с.
- Тогоева 2015 – Тогоева О. История повседневности: в поисках проблематики // Повседневные практики Средневековья и Нового времени: от информации уникальной к информации верифицируемой / Отв. ред. О.И. Тогоева. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 3–8.
- Швейковская 2012 – Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII в. М.: Индрик, 2012. 368 с.
- Юрганов 2022 – Юрганов А.Л. Жизненный мир и модусы повседневности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 10–14.
- Geertz 1973 – Geertz C. The interpretation of culture. Selected essays. N.Y.: Basic Books, 1973. 470 p.
- Marker 1985 – Marker G. Publishing, printing and the origins of the intellectual life in Russia, 1700–1800. Princeton, 1985. 316 p.
- Perrie 2021 – Perrie M. Peter the Great as antichrist. The secular sources of an old believer compilation from Holy Scripture // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. Iss. 1. P. 281–294. DOI: 15826/qr. 2021. 1.579

References

- Ageeva, O.G. (2006), *Evropeizatsiya russkogo dvora, 1700–1796 gg.* [Europeanization of the Russian court, 1700–1796], IRI RAN, Moscow, Russia.
- Akel'ev, E.V. (2022), *Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desyat millionov "moskovitov"* [Russian Misopogon. Peter I, barbering and ten million "Muscovites"], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Bartmiński, J., Berezovich, E., Vepreva, I., Kovshova, M. and Shmelev, A. (2001), "The interaction of language and culture. Research boundaries and perspectives", *Quaestio Rossica*, vol. 9, no. 4, pp. 1389–1408, DOI 10.15826/qr.2021.4.645
- Belikov, V.I. and Krysin, L.P. (2001), *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], RGGU, Moscow, Russia.
- Belyakova, E.V. (2011), "Publication of *Kormchaya* Book and the issue of changing cultural orientation, *Rossiiskaya istoriya*, no. 4, pp. 103–113.
- Beskrovnyi, L.G. (1958), *Russkaya armiya i flot v XVIII veke* [Russian army and navy in the 18th century], *Voennoe izdatelstvo Ministerstva obronni Soyuzo SSR*, Moscow, USSR.
- Geertz, C. (1973), *The interpretation of culture. Selected essays*, Basic Books, New York, USA.

- Gurvich, G.D. (1915), “*Pravda voli monarshei*” Feofana Prokopovicha i ee zapadnoevropeiskie istochniki [“The Truth of the Will of the Monarchs” by Feofan Prokopovich and its Western European sources], Tip. K. Mattisena, Yuriev, Russia.
- Enin, G.P. (2000), *Voevodskoe kormlenie v Rossii v XVII veke: sodержanie naseleniem uezda gosudarstvennogo organa vlasti* [Voivodship fief-office in Russia in the 17th century. Maintenance of the state authority by the population of the county], RNB, Saint Petersburg, Russia.
- Lappo-Danilevskii, A.S. (2005), *Istoriya politicheskikh idei v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim khodom razvitiya ee kultury i politiki* [The history of political ideas in Russia of the 18th century in relation to the general development of its culture and politics], Köln, Germany.
- Lotman, Yu.M. (2000), “Essays on the history of Russian culture of the 18th – early 19th centuries”, in *Iz istorii russkoi kulturi. T. 4: XVIII – nachalo XIX veka*. [From the history of Russian culture, vol. 4: 18th – early 19th century], Yaziki russkoi kulturi, Moscow, Russia.
- Marker, G. (1985), *Publishing, printing and the origins of the intellectual life in Russia, 1700–1800*, Princeton, USA.
- Perrie, M. (2021), Peter the Great as antichrist. The secular sources of an old believer compilation from Holy Scripture, *Quaestio Rossica*, vol. 9, no. 1, pp. 281–294. DOI: 15826/qr. 2021. 1.579
- Serov, D., Vidnichuk, A., Zhukovskaya, A. and Fedyukin, I. (eds.) (2023), *Pisma i bumagi pribilshchika Alekseya Kurbatova (1700–1720-e godi)* [Letters and papers of profit-maker Alexei Kurbatov (1700–1720s)], Visshaya shkola ekonomiki, Moscow, Russia.
- Pokrovskii, N.N. (1974), *Antifeodalnyi protest uralo-sibirskikh krestyan-starobryadtsev v XVIII veke* [Anti-feudal protest of the Ural-Siberian Old Believer peasants in the 18th century], Nauka, Novosibirsk, USSR.
- Prosina, A.B. (1969), “Apologia for absolutism in Feofan Prokopovich’s doctrine of state and law”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, no. 2, pp. 52–59.
- Redin, D.A. (2019), *Etyudi po russkoi istorii Novogo vremeni (administrativnyi i sotsialnyi aspekty)* [Etudes on the Russian history of Modern Times (administrative and social aspects)], Izdatelstvo Uralskogo universiteta, Ekaterinburg, Russia.
- Serov, D.O. (2007), *Administratsiya Petra I* [Administration of Peter I], OGI, Moscow, Russia.
- Serov, D.O. and Fedorov, A.V. (2019), *Dela i sud’by sledovatelei Petra I*, [Cases and Fate of the Investigators of Peter I.], Izdatelskaya gruppa “Yurist”, Moscow, Russia.
- Shveikovskaya, E.N. (2012), *Russkii krest’yanin v dome i mire: severnaya derevnyia kontsa XVI – nachala XVIII veka* [Russian peasant at home and in the village community. Northern village of the late 16th – early 18th century], Indrik, Moscow, Russia.
- Togoeva, O. (2015), “The history of everyday life. In search of problems”, in Ed by Togoeva, O.I. (ed.), *Povsednevnye praktiki Srednevekov’ya i Novogo vremeni: ot informatsii unikal’noi k informatsii verifitsiruemoi* [Everyday practices of the

- Middle Ages and Modern Times. From unique information to verifiable information], IVI RAN, Moscow, Russia, pp. 3–8.
- Vallerstain, I. (2003), *Posle liberalizma* [After liberalism], Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Yurganov, A.L. (2022), “Life world and modes of everyday life”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 10–14.
- Zhivov, V. (2004), *Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo: issledovaniya i materialy* [From the Church history of the times of Peter the Great. Research and materials], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Zhuravel, O. (2022), “The art of Andrei Denisov’s sermons. Rhetorical strategies and techniques”, *Quaestio Rossica*, vol. 10, no. 4, pp. 1377–1393, DOI: 15826/qr. 2022. 4.735

Информация об авторе

Дмитрий А. Редин, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия; 620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16; volot@mail.ru

Information about the author

Dmitrii A. Redin, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Science, Ekaterinburg, Russia; 16, S. Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620108, Russia; volot@mail.ru

Пушкин:
этика и идеал в релятивизирующем контексте

Павел Е. Спиваковский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, p.e.spivakovsky@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования релятивизирующих и ауториальных элементов в некоторых текстах А.С. Пушкина на примере поэмы «Кавказский пленник» и трагедии «Пир во время чумы». Показано, что релятивистские тенденции в этих произведениях соседствуют с ауториальными, как бы «не замечая» друг друга. Это позволяет избежать как диктата ауториальности, так и этической индифферентности, характерной для последовательно релятивистских эстетических моделей. Перед нами части единой метарелятивистской композиции, заведомо противоречиво соединяющей, казалось бы, несоединимое. Так, сочувственное описание черкесов и восторженное изображение их боевых подвигов в «Кавказском пленнике» соседствуют со столь же восторженным прославлением карательных действий российской армии на Кавказе. Особое внимание в статье уделено трансгрессивным формам репрезентации повседневности в трагедии «Пир во время чумы». На первый план в этом контексте выходит не эксплицитно значимый спор Вальсингама со священником, а скрытая репрезентация идеала в песне Мери, героиня которой, Дженни, уже в силу возможности своего существования противостоит как релятивизирующему актанту площадного пира, так и нормативно абстрактному морализаторству священника. Дженни никуда и ни к чему не зовет, однако само присутствие ее трагического образа в частично релятивном актанте пьесы привносит в изображаемое весьма значимый метарелятивистский противовес и смысл.

Ключевые слова: Пушкин, «Кавказский пленник», «Пир во время чумы», метарелятивизм, трансгрессия, повседневность

Для цитирования: Спиваковский П.Е. Пушкин: этика и идеал в релятивизирующем контексте // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С 68–82. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-68-82

Pushkin.
Ethics and ideal in a relativizing context

Pavel E. Spivakovskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
p.e.spivakovsky@gmail.com*

Abstract. The article considers the specifics of the functioning of relativizing and auctorial elements in some texts of Alexander Pushkin on the example of the poem “The Prisoner of the Caucasus” and the tragedy “A Feast in Time of Plague”. It is shown that relativistic tendencies in those works coexist with auctorial tendencies, as if “without noticing” each other. It avoids both the dictate of auctoriality and the ethical indifference characteristic of consistently relativistic aesthetic models. We see parts of a single meta-relativistic composition that deliberately contradicts the seemingly incompatible. Thus, a sympathetic description of the Circassians and an enthusiastic description of their military exploits in “The Prisoner of the Caucasus” neighbors an equally enthusiastic glorification of the punitive actions of the Russian army in the Caucasus. Particular attention in this article is paid to transgressive forms of representation of everyday life in the tragedy “A Feast in Time of Plague”. At the forefront of such a context is not Walsingham’s explicit dispute with the priest but the hidden representation of the ideal in Mary’s song, in which the heroine, Jenny, opposes both the relativizing actant of the vulgar feast and the normatively abstract moralizing of the priest by the very possibility of her existence. Jenny calls to nothing and nowhere, but the very presence of her tragic image in the partially relativizing actant of the play introduces a very significant metarelativist counterbalance and meaning to what is depicted.

Keywords: Pushkin, The Prisoner of the Caucasus, A Feast in Time of Plague, metarelativism, transgression, everyday life

For citation: Spivakovskii, P.E. (2023), “Pushkin. Ethics and ideal in a relativizing context”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 68–82, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-68-82

Первым, кто заговорил о пушкинском протеизме, был князь П.И. Шаликов, который сначала в статье «“Евгений Онегин”. Роман в стихах. Сочинение А.С. Пушкина» (1825) назвал пушкинский язык Протеем¹, а затем в статье «“Евгений Онегин”. Глава III» (1827) обозначил этим именем и самого поэта:

¹ См.: <Шаликов П.И.> «Евгений Онегин»: Роман в стихах. Сочинение А.С. Пушкина // Дамский журнал. СПб., 1825. Ч. 9, № 6. С. 246.

Страшно перечесть! Это *страшно* не есть ли страшное доказательство для гонящихся за *умом* с мерою и рифмою в запасе, что Поэт – нравственный Протей, принимающий без всякого усилия в сердце свое чувствования, ни по чему не принадлежащие его сердцу, и присвоивающий себе чужое так, как будто *чужого* нет для него на свете².

В дальнейшем прижизненные обсуждения протеизма Пушкина в основном сводились к хвалебным отзывам о гибкости и многогранности его дарования, способного вдохновляться самыми различными явлениями жизни, что затем выливается в известные высказывания Гоголя и Достоевского о пушкинской «всемирной отзывчивости». Такое восприятие было во многом обусловлено влиянием немецкой романтической культуры, в том числе и подражанием культу И.В. Гёте, давно имевшего репутацию поэта-Протeya [Песков 2000].

Впрочем, здесь гораздо интереснее другое. Князь Шаликов *пугается* пушкинского «нравственного протеизма»: мощная репрезентация взаимоисключающих художественных концепций разрушает традиционалистски понимаемую целостность произведений, что вполне может вызывать недоумение и даже испуг.

Такого рода релятивизирующие черты пушкинской поэтики обратили на себя внимание Вл.С. Соловьева, который утверждал, что Пушкину можно приписать

всевозможные тенденции, даже прямо противоположные друг другу: крайне-прогрессивные и крайне-ретроградные, религиозные и вольнодумные, западнические и славянофильские, аскетические и эпикурейские. <...> На язык просится выражение: хамелеон, – которое не звучит похвалою³.

«Нравственный Протей», столь изумлявший и восхищавший князя Шаликова, в глазах философа оказывается фигурой в интеллектуальном плане крайне сомнительной. Утверждая, что от художника вообще не следует ожидать ценных мыслей⁴, Соловьев говорит

Здесь и далее все шрифтовые выделения и необычные словоформы в цитируемых текстах принадлежат их авторам.

² К.Ш. (Шаликов П.И.). «Евгений Онегин». Гл. 3 // Дамский журнал. СПб., 1827. Ч. 20, № 21. С. 118.

³ Соловьев Вл.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 321.

⁴ Там же.

о целительной в нравственном отношении силе красоты, объявляя красоту зла неполноценной и неподлинной. Сомнительным образом примиряя эстетизм и морализм, философ, как ему представляется, снимает вопрос о релятивных чертах пушкинской поэтики.

По-настоящему серьезно о принципе относительности в творчестве Пушкина заговорили лишь в XX столетии, но даже М.М. Бахтин первоначально воспринимал пушкинскую поэтику скорее как монологическую. Впрочем, в «Дополнениях и изменениях к «Достоевскому»» (1961–1963) ученый дал иное определение: «Веселый разум Пушкина, а не рассудок и риторическая – односторонне серьезная – публицистика. Идея погружена в веселую относительность становящегося бытия. Она боится абстрактного окостенения» [Бахтин 2000, с. 365]. Эта мысль Бахтина, к сожалению, не получила продолжения в «Проблемах поэтики Достоевского».

Вскоре после этого Ю.М. Лотман, провозгласив в статье «Художественная структура «Евгения Онегина»» (1966) высокую значимость принципа противоречий [Лотман 1966, с. 6–7], заговорит о том, что в пушкинском творчестве «смещение точек зрения, запрещенное самой системой художественного мышления предшествующей поры, превращало мир художественного создания в царство относительности, заменяло незыблемость отношений произведения и субъекта – игрой, иронически раскрывающей условность всех данных автору точек зрения» [Лотман 1966, с. 9]. Позже, в курсе лекций, посвященных «Евгению Онегину» (1975), Лотман назовет пушкинскую поэтику полифоничной: «Авторская позиция Я, таким образом, включала в себя стилистическое многоголосие и тот полифонизм точек зрения, который уже современники называли “протеизмом”» [Лотман 2003, с. 595].

Радикально релятивистскую интерпретацию творчества поэта предложил Синявский-Терц, по словам которого Пушкин более всего напоминает гоголевского Хлестакова, так как он «пуст» изнутри и охотно «вбирает в себя» чужие жизни и судьбы, относясь к ним с доброжелательным безразличием и фактически находясь по ту сторону добра и зла. Очевидно, впрочем, что это верно лишь отчасти. В черновике не опубликованной при жизни автора статьи «О народной драме и драме “Марфа Посадница”» Пушкин писал: «Драм.<атический> поэт – беспристрастный, как судьба – должен был изобразить – столь же искренно, сколько глубокое, добросовестное исследование истины <...>»⁵. А на вопрос, что нужно драматическому писателю, отвечал: «Философию, бесстрашие,

⁵ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 11. С. 181.

государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка любимой мысли. *Свобода*»⁶.

Свобода и желание преодолевать предрассудки «любимой мысли» и в самом деле создают возможное поле для релятивизации изображаемого, однако ориентация на исследование истины предполагает существование иное.

Для осмысления релятивных тенденций в пушкинском творчестве важна, в частности, известная статья А.П. Чудакова «Структура персонажа у Пушкина» [Чудаков 1992], в которой утверждается релятивная изменчивость образов пушкинских героев. Так, например, Чудаков обращает внимание на строки: «Обоих ожидала злота / Слепой фортуны и людей / На самом утре наших дней»⁷, утверждая, что «в XLV строфе сказано, что Онегина, как и автора, “ожидала злота” в ранней молодости. Но из биографии Онегина, изложенной в строфах предшествующих, это никак не следует» [Чудаков 1992, с. 192]. Однако если мы обратимся к дальнейшему ходу пушкинского повествования об Онегине, то увидим, что, по словам автора, «людей недоброхотство / В нем не щадило ничего: / Враги его, друзья его / (Что, может быть, одно и то же) / Его честили так и смяк»⁸. В деревне у Онегина нет друзей, кроме Ленского. Очевидно, речь идет о предшествующем периоде жизни героя.

Фактически к библейскому (по Э. Ауэрбаху) типу повествования у Пушкина А.П. Чудаков прилагает гомеровские («толстовские») принципы построения сюжетов и характеров [Ауэрбах 1976, с. 23–44], не свойственные пушкинской эстетике. Гибкие и разносторонне изменчивые характеристики героев здесь трактуются как источник неразрешимых противоречий.

В наше время сторонником восприятия Пушкина как писателя-релятивиста является выдающийся исследователь его творчества А.Л. Осповат, обнаруживающий скрытую концептуальную релятивизацию в наборе историко-фактологических отсылок, присутствующих в пушкинских литературных текстах, см., например: [Осповат 1998; Осповат 2001]. Так, например, говоря о повести «Барышня-крестьянка» и, шире, о «Повестях Белкина», Е. Лямина, Н. Назарова и А. Осповат отмечают, что «результатом умножения перебивающих друг друга речевых партий является не “многоголосие”, полифония, но разноголосие, информационный шум, дезориентирующий читателя» [Лямина, Назарова, Осповат 2009]. Однако при всей важности такого рода нарративных элементов,

⁶ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 419.

⁷ Там же. Т. 6. С. 23–24.

⁸ Там же. С. 80.

это не означает отсутствия в пушкинских текстах аукториальных противовесов.

Пушкинское стремление откликаться «на всякий звук» (стихотворение «Эхо», 1831) потенциально релятивно (перед нами принцип нонселекции), однако этот многоголосый и многогранный релятивизм не всеобъемлющ. Впрочем, исследователи, обращавшиеся к вопросу о релятивных моделях в творчестве Пушкина, обычно воспринимали их как нечто последовательное, то есть концептуально более или менее однородное. Такие «чисто релятивные» композиционные модели у Пушкина и в самом деле есть, например, в шуточных поэмах «Граф Нулин» и «Домик в Коломне». Высмеивая любовь современников к морализаторству, поэт демонстративно отказывается здесь от антирелятивных противовесов. Не исключено, впрочем, что таким противовесом в «Домике в Коломне» может оказаться упоминание о загадочном пожаре, но это вопрос спорный. И все же чаще релятивные модели соседствуют у Пушкина с отчетливо аукториальными, что радикальным образом меняет всю картину. Речь идет о метарелятивизме, то есть о композиционной системе, в которой одновременно соплагаются как релятивное, так и аукториальное начала, которые по-своему убедительны и иррациональным образом не могут «победить» друг друга⁹.

Например, в «Кавказском пленнике» доброжелательное, а часто и восторженное изображение черкесов, их боевых подвигов и, что особенно показательно, убийств русских солдат¹⁰ соседствует со столь же восторженным описанием карательных действий русской армии на Кавказе. Искренне восхищаясь обычаями горцев

⁹ Подробнее о феномене метарелятивизма см.: [Спиваковский 2022].

¹⁰ В книге Синявского-Терца «Прогулки с Пушкиным» говорится о том, что Пушкин с одинаковым сочувствием изображает самых разных людей, независимо от этической составляющей их поступков: «<...> мы путаемся и трудимся, доискиваясь, к кому же благоволит покладистый автор. А он благоволит ко всем. <...> А откуда смотрит Пушкин? Сразу с обеих сторон, из ихнего и из нашего лагеря? Или, быть может, сверху, сбоку, откуда-то с третьей точки, равно удаленной от “них” и от “нас”? Во всяком случае он подыгрывает и нашим и вашим <...>» [Терц (Синявский) 2005, с. 39]. По словам Синявского-Терца, Пушкин, сочувствуя всем участникам изображаемых им битв, «наслаждается потехой и весело потирает руки» [Терц (Синявский) 2005, с. 39], однако такого рода прокативные утверждения неоправданно упрощают картину. Пушкинский релятивизм непоследователен и отнюдь не тотален, однако важно, что он есть, и нам необходимо понять, как именно функционируют подобного рода композиционные модели.

и многими их действиями, поэт с одобрением говорит и об их грядущей *казни*. Как известно, Пушкин был убежденным сторонником российского империализма, что, однако, не исключало временного метарелятивистского забвения этой идеологии.

Но в «Кавказском пленнике» есть и иной аукториальный стержень. Трагический образ юной черкешенки, восставшей во имя высокой и благородной любви к пленнику против интересов семьи и своего народа и принесшей в жертву собственную жизнь ради того, чтобы пленник мог снова обрести свободу, выламывается из релятивистски уравновешенного описания кавказской жизни. Всерьез воспринятое трагическое начало в принципе не может быть подвергнуто релятивизации, и оно несовместимо с доброжелательным всеприятием, характерным для релятивистских моделей в этой поэме.

Как и в случае карамзинской бедной Лизы, якобы крестьянки, которая произносит речи, достойные лучших представительниц культуры сентиментализма¹¹, в фигуре черкешенки Пушкин не изображает сколько-нибудь реальную «деву гор». Перед нами условная героиня, психологически больше похожая на юную дворянку¹², име-

¹¹ В связи с этим Н.К. Пиксанов писал: «Постепенно и неуклонно складывается образ Лизы как образ барышни-крестьянки, вернее – крестьянки-барышни, с изысканным литературным языком, с повышенной чувствительностью и т. д. Автор щедро рассыпает в применении к ней эпитеты: нежная, робкая и пр. <...> Лиза и ее мать с успехом могли бы быть поняты читателем как горожанки, как бедные дворянки» [Пиксанов 1958, с. 316–317].

¹² «Дева гор», оказывается, не только очень хорошо осведомлена о психологической системе отношений между мужчиной и женщиной в русской дворянской культуре пушкинской поры, эта система ей явно близка, сама она мыслит и чувствует так же:

Ты мог бы, пленник, обмануть
 Мою неопытную младость,
 Хотя б из жалости одной,
 Молчаньем, ласкою притворной;
 Я услаждала б жребий твой
 Заботой нежной и покорной;
 <...>
 Ты любишь, русской? ты любим?..
 Понятны мне твои страданья...
 Прости ж и ты мои рыданья,
 Не смейся горестям моим.
 (Пушкин А.С. Т. 4. С. 107)

ющая европейскую систему представлений о чести и благородстве¹³, но облеченная при этом в простой и романтически привлекательный наряд черкешенки. Воспевая «деву гор, мой идеал»¹⁴, Пушкин делает благородную и жертвенную черкешенку предшественницей Татьяны Лариной. Перед нами идеал женщины, перед которым автор мог бы преклониться и сам. Однако воспетые Пушкиным в эпиглоге колонизаторские действия генерала Котляревского были ориентированы на *уничтожение* непокорных племен, а значит, и на убийство воспитой Пушкиным романтической героини, которая как персонаж находится в том же самом пространстве, где действовали каратели генерала Котляревского:

Куда ни мчался ты грозой –
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...¹⁵

Таким образом, здесь сталкиваются не только релятивизирующее и ауториальное начала (восторженное изображение горцев с

«Восточный» характер героини проявляется, когда она говорит об активном сопротивлении насильственному замужеству: «Не то – найду кинжал иль яд» (*Пушкин А.С. Т. 4. С. 105*), однако в общении с пленником черкешенка куда чаще ведет себя как европейка с дворянским воспитанием.

Как отмечает О.А. Проскурин, «введение героини ставило Пушкина перед дополнительной трудностью: русская поэтическая традиция XIX в. “женской” элегии не выработала, поэтому Пушкину пришлось идти на эксперимент, попросту приравливая материал традиционной унылой элегии к женскому персонажу» [Проскурин 2001, с. 115]. Преодоления культурной дистанции и/или обращения к восточной стилизации при этом не понадобилось.

¹³ Особенно показателен в этом плане и образ черкешенки в качестве европеизированной девы-воительницы, напоминающий любимую Пушкиным Жанну д'Арк:

В одной руке блестит пила,
В другой кинжал ее булатный;
Казалось, будто дева шла
На тайный бой, на подвиг ратный
(*Пушкин А.С. Т. 4. С. 110*).

¹⁴ *Пушкин А.С. Т. 6. С. 29.*

¹⁵ Там же. Т. 4. С. 114.

империалистическими интенциями автора), но и два ответвления аукториального: преклонение перед трагической героиней – с одобрением массового истребления непокорных черкесов.

Дело в том, что приятие или неприятие чего-либо или кого-либо в пушкинском мире вовсе не обязательно тотально. Релятивизируя *часть изображаемого*, поэт отказывается от единой, монологически целостной картины, создавая иллюзию полной поддержки того, что на деле поддержано им лишь частично.

Иную картину мы видим в «Пире во время чумы». Как известно, Пушкин в письмах неоднократно называл холеру, эпидемия которой заперла его в Болдине, *чумой*¹⁶, поэтому написание пьесы на основе начального фрагмента IV сцены первого акта пьесы Джона Вильсона “The City of the Plague” было для него актуальным (впрочем, в целом эта пьеса Пушкина не слишком заинтересовала: он даже не разрезал страницы книги Вильсона с текстами второго и третьего актов [Долинин 2007, с. 104–105]). Релятивизирующее начало представлено в пушкинской трагедии на уровне исходного актанта площадного пиршества, участники которого стремятся гедонистически «преодолеть» нависшую над ними угрозу смерти, заявляя, что им «причины нет печалиться»¹⁷. Нелогичность этого утверждения молодого человека, выражающего общее отношение пирующих к происходящему, лишь подчеркивает искусственность ситуации. Так складывается импровизированная и в основе своей травматическая культура повседневности в чумном городе. Обычная, традиционная повседневность здесь разрушена почти полностью (и именно ее безуспешно пытается воскресить Священник). Таким образом, на место маловыразительной обыденности приходит повседневность экстремального типа, связанная с потаенным ожиданием смерти на фоне релятивной этики¹⁸, малопривлекательного для изображаемой эпохи сексуального поведения и показного гедонистического легкомыслия. Однако и в зачумленном пространстве «возникает привыкание к трансгрессии, даже если нарушаются привычные этические нормы» [Крейк 2007, с. 179]. Это привыкание порождает ситуативный поведенческий канон, отступления от которого сообщество пирующих встречает с опаской и неодобрением.

В частности, такое неодобрение возникает, когда в искусственно выстроенное пространство сибаритской безответственности

¹⁶ Пушкин А.С. Т. 14. С. 114, 118, 119, 122, 125.

¹⁷ Там же. Т. 7. С. 175.

¹⁸ Именно поэтому сообщество пирующих старается избежать любой формы серьезности, насмехаясь над ней и настойчиво пытаясь изгнать ее проявления из своей среды.

вторгается трагически серьезная песня Мери. Впрочем, Председатель, называя эту песню «простой <...>, унылой и приятной»¹⁹, гедонистически эстетизирует ее, изящно игнорируя глубину и интерпретируя эту песню в духе гедонистических устремлений пирующих: «<...> ничто / Так не печалит нас среди веселий, / Как томный, сердцем повторенный звук!»²⁰. Все это, по словам Председателя, нужно лишь для того, «чтоб мы потом к веселью обратились / Безумнее, как тот, кто от земли / Был отлучен каким-нибудь виденьем»²¹. Кстати, в песне Мери Пушкин довольно радикально отходит от текста пьесы Вильсона, у которого Мэри Грей поет печальную песню об упадке жизни в Шотландии, и только²².

Мери у Пушкина транслирует голос внесценического актора, Дженни, героини, которой давно нет среди живых. Но если образ жизни Мери не слишком отличает ее от других участников пира (не случайно героиня говорит о своем «позоре»²³), то трагическая жертвенность Дженни открывает в, казалось бы, безвыходной ситуации возможность иного выбора, существенно отличного не только от умонастроений пирующих, но и от нормативистских требований Священника.

По словам Ю.М. Лотмана,

спор Председателя и Священника, их напряженный диалог исключителен в контексте «маленьких трагедий» – он лишен взаимной враждебности. Пути у них разные, воззрения антагонистические, но враг один – смерть и страх смерти. И завершается их спор уникально: каждый как бы проникается возможностью правоты антагониста. Священник благословляет Вальсингама: «Спаси тебя Господь! Прости, мой сын», а Председатель, среди пира, «остается, погруженный в глубокую задумчивость» [Лотман 2003, с. 316].

Это утверждение выдающегося ученого не вполне точно. Отсутствие враждебности между Вальсингамом и Священником здесь несомненно, однако нельзя сказать, что последний проникается возможностью правоты своего оппонента. Или развратное пиршество, с его точки зрения, вдруг стало хотя бы в какой-то мере

¹⁹ Пушкин А.С. Т. 7. С. 177.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 176.

²² См.: *Wilson J. The City of the Plague, and Other Poems*. 2nd ed. Edinburgh, 1817. Pp. 45–47; *Вильсон Дж. Город чумы: драматическая поэма: В 3 актах* / Пер. Ю. Верховского, П. Сухотина. М.: ГИХЛ, 1938. С. 50–52.

²³ См.: Пушкин А.С. Т. 7. С. 178.

допустимо? В тексте нет ни малейших указаний на подобную версию. К тому же слова «Спаси тебя Господь! Прости, мой сын» отнюдь не являются благословением. Священник мог произнести их, обращаясь к кому угодно, даже к закоренелому и нераскаянному преступнику, выражая надежду на то, что когда-нибудь тот встанет на путь покаяния и спасения.

Однако Лотман прав в главном: позиции Вальсингама и Священника в их диалоге до появления перед Председателем призрака Матильды отчасти уравновешены. «Правильный» с христианской точки зрения призыв Священника подталкивает к психологически малоприемлемому для Вальсингама, а тем более его друзей, пути «домашней аскезы». Искусственная реставрация дотрансгрессивной повседневности оказывается малоадекватной и утопичной. При этом нет никаких оснований говорить о том, что дом, как утверждает Лотман, перенесен в этой пьесе на улицу²⁴: дом Вальсингама оказывается средоточием ужаса и «мертвой пустоты», порожденной смертью его близких. На улицу здесь перенесен не дом, а пространство повседневности, обычно ассоциируемое с собственным жилищем, и эта повседневность отчетливо трансгрессивна. Впрочем, даже и в актанте чумного города пушкинский герой умеет отыскать глубину и смысл. Несмотря на то что Председатель осознает «беззаконье» своего участия в разгульном пире на городской площади, в своей хриплой песне он пытается бросить вызов самой смерти, утверждая свободу и достоинство человека вопреки самым тяжелым обстоятельствам. И даже появление перед глазами Вальсингама святой, по его убеждению, Матильды (показательна в этом плане его реплика: «Где я?»²⁵: видение, которое Председатель полуиронически обещал слушателям песни Мери, неожиданно является ему самому) не приближает Председателя к Священнику. Преклоняясь перед Матильдой, ее чистотой и благородством, герой остается в убеждении, что его «падший дух / Не достигнет уже» до тех горних вершин, на которых она пребывает, поэтому для него ничего не остается, кроме того экзистенциального вызова смерти, о котором шла речь в его трагически отчаянной псевдооптимистической песне.

Важно при этом, что обе женщины, Матильда и Дженни, соединяют в себе любовь и духовную высоту, близкую к святости, что для Пушкина в 1830 году было намного актуальнее любого церковного пути. Показательно в этом плане и стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829). Его герой, паладин Богоматери,

²⁴ Пушкин А.С. Т. 7. С. 178.

²⁵ Там же. С. 183.

самоотверженно поклоняющийся своему идеалу, в остальном мало похож на христианина:

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни святому Духу век
Не случилось паладину,
Странный был он человек²⁶.

И все же, подобно гетевскому Фаусту, этот странный рыцарь оказывается удостоен рая: высота его идеала оказывается весомее начисто отсутствующей церковности, что соответствовало специфике пушкинской религиозности в то время.

Соприкосновение с идеалом женщины (Богоматери, Дженни, Матильды) первостепенно значимо для Пушкина, однако, если Матильду читатель видит лишь глазами Вальсингама и должен верить его впечатлениям (впрочем, весьма ярким и убедительным), то жертвенный образ Дженни, постепенно вырастая на наших глазах, являет внешне простое и непринужденно высокое противодействие актанту чумы, казалось бы, с неизбежностью пробуждающему в человеке далеко не лучшие умонастроения²⁷. Благодостое и трагическая высота этого образа оказываются намного весомее любой дидактики. Поверхностно риторической версии романтизма и шаблонно воспринимаемому «идеалу» в стиле Ленского²⁸ Пушкин противопоставлял по-настоящему высокое осмысление этого слова: «<...> цель художества есть *идеал*, а не *правоучение*»²⁹. Нор-

²⁶ Там же. Т. 3, кн. 1. С. 161.

²⁷ В связи с этим стоит помнить, что, сочиняя эту пьесу, Пушкин вполне мог ожидать, что смертельно опасная холера, которую он часто по обыкновению называл чумой, способна прийти и в его имение, поэтому вопрос о том, как вести себя в этой ситуации, вовсе не был умозрительным.

²⁸ Склонясь усталой головою,

На модном слове *идеал*

Тихонько Ленский задремал (*Пушкин А.С.* Т. 6. С. 126).

С другой стороны, в стихотворении Н.М. Языкова «Видение» («Вчера, как сумраки по небу...») после иронического моления Фебу лирическому герою предстает провоцирующе эротический идеал в виде визуального образа красавицы, небрежно перевитой легкой одеждой (*Языков Н.М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 200). Поэт здесь издевается над самим понятием идеала [Мазур 2019, с. 58]. Пушкин же, произнося, казалось бы, то же самое слово, воспринимал его несоизмеримо серьезнее.

²⁹ *Пушкин А.С.* Т. 12. С. 70.

мативно «правильному» нравоучению Священника, релятивному гедонизму пирующих и даже «безумству гибельной свободы» Вальсингама здесь скрыто противостоит идеал женщины, способной на христиански мотивированное самоотречение во имя возвышенно понимаемой любви.

Релятивное начало в «Пире во время чумы» не преодолевается, но весьма мощно проблематизируется. Образ жертвенной Джени не демонстрирует, *как надо* себя вести в подобного рода ситуациях, однако высота этого образа ценна и действенна сама по себе. По убеждению Пушкина, большего искусство дать попросту не может, да и не должно.

Литература

- Ауэрбах 1976 – *Ауэрбах Э.* Мимесис: Изображение действительности в западно-европейской литературе. М.: Прогресс, 1976. 556 с.
- Бахтин 2000 – *Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М.: Рус. словари, 2000. 799 с.
- Долинин 2007 – *Долинин А.А.* Пушкин и Англия: цикл статей. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 276 с.
- Крейк 2007 – *Крейк Дж.* Краткая история униформы: (форма напояк: от традиционализма к вызову). М.: Новое лит. обозрение, 2007. 234 с.
- Лотман 1966 – *Лотман Ю.М.* Художественная структура «Евгения Онегина» // Тр. по рус. и славянской филологии. IX. Тарту, 1966. № 184. С. 5–32.
- Лотман 2003 – *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 845 с.
- Лямина, Назарова, Осоват 2009 – *Лямина Е., Назарова Н., Осоват А.* К изучению прозы Пушкина (II) // Тр. по рус. и славянской филологии: Литературоведение. VII. Новая серия. Tartu: Tartu University Press, 2009. С. 128–141.
- Мазур 2019 – *Мазур Н.Н.* Поэтический диалог Пушкина и Языкова в середине 1820-х годов: новые перспективы // Acta Slavica Estonica. XI: Пушкинские чтения в Тарту. 6. Вып. 1: Пушкин в кругу современников. Тарту: University of Tartu Press, 2019. С. 47–94.
- Осоват 1998 – *Осоват А.Л.* Исторический материал и исторические аллюзии в «Капитанской дочке»: Статья первая // Тыняновский сб. Вып. 10. М., 1998. С. 40–67.
- Осоват 2001 – *Осоват А.Л.* Из комментария к «Капитанской дочке»: лубочные картинки // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999: Материалы и исследования. М.: ОГИ, 2001. С. 357–365.
- Песков 2000 – *Песков А.М.* К истории происхождения мифа о всеотзывчивости Пушкина // Новое лит. обозрение. 2000. № 42. С. 230–238.
- Пиксанов 1958 – *Пиксанов Н.К.* «Бедная Анюта» Радищева и «Бедная Лиза» Карамзина // XVIII век: Сб. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 309–325.

- Проскурин 2001 – *Проскурин О.А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 462 с.
- Спиваковский 2022 – *Спиваковский П.Е.* Художественная эпистемология Ф.М. Достоевского в метарелятивистском контексте // Сб. материалов XXI Свято-Троицких ежегодных Международных академических чтений в Санкт-Петербурге, 26–29 мая 2021 г. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2022. С. 99–104.
- Терц (Синявский) 2005 – *Терц А. (Синявский А.Д.)*. Прогулки с Пушкиным. М.: Глобулус: ЭНАС, 2005. 110 с.
- Чудаков 1992 – *Чудаков А.П.* Структура персонажа у Пушкина // Сб. ст. к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 190–207.

References

- Auerbakh, E. (1976), *Mimesis: Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature* [Mimesis. The representation of reality in Western European literature], Progress, Moscow, USSR.
- Bakhtin, M.M. (2000), *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh* [Collected works in 7 vols], vol. 2, Russkie slovari, Moscow, Russia.
- Dolinin, A.A. (2007), *Pushkin i Angliya: tsikl statei* [Pushkin and England. Series of articles], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Craik, J. (2007), *Kratkaia istoriya uniformy: (forma napokaz: ot traditsionalizma k vyzovu)* [A brief history of the uniform. Uniforms exposed. From conformity to transgression], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Lotman, Yu.M. (1966), “The artistic structure of ‘Eugene Onegin’”, in *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. IX*, no. 184, Tartu, USSR, pp. 5–32.
- Lotman, Yu.M. (2003), *Pushkin* [Pushkin], Iskusstvo-SPB, Saint Petersburg, Russia.
- Lyamina, E., Nazarova, N. and Ospovat, A. (2009), “On a study of Pushkin’s prose (II)”, in *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Literaturovedenie. VII. Novaya seriya*, Tartu University Press, Tartu, Estonia, pp. 128–141.
- Mazur, N.N. (2019), “Pushkin and Yazykov’s poetic dialogue in the mid-1820s. New perspectives”, in *Acta Slavica Estonica. XI: Pushkinskie chteniya v Tartu. 6. Vyp. 1: Pushkin v krugu sovremennikov* [Pushkin among his contemporaries], University of Tartu Press, Tartu, Estonia, pp. 47–94.
- Ospovat, A.L. (1998), “Historical material and historical allusions in ‘The Captain’s Daughter’: Article one”, in *Tynyanovskiy sbornik* [Tynyanov’s collection], iss. 10, Moscow, Russia, pp. 40–67.
- Ospovat, A.L. (2001), “From a Commentary on ‘The Captain’s Daughter’: Cheap Popular Prints”, *The Pushkin Conference at Stanford. Proceedings and Research*, OGI, Moscow, Russia, pp. 357–365.
- Peskov, A.M. (2000), “On the origin of the myth of Pushkin’s all-responsiveness”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 42, pp. 230–238.

- Piksanov, N.K. (1958), “‘Bednaia Anyuta’ (Poor Aniuta) by Radishchev and ‘Bednana Liza’ (Poor Liza) by Karamzin”, in *XVIII vek* [18th century], Collection 3, Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, Leningrad, USSR, pp. 309–325.
- Proskurin, O.A. (2001), *Poeziia Pushkina, ili Podvizhnyi palimpsest* [Pushkin's poetry, or a Mobile palimpsest], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Spivakovskii, P.E. (2022), “F.M. Dostoevsky's artistic epistemology in a metarelativist context”, in *Proceedings of the 21st Holy Trinity Annual International Academic Conference in St. Petersburg, May 26–29, 2021*, Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, Saint Petersburg, Russia, pp. 99–104.
- Tertz, A. (Sinyavskii, A.D.), (2005), *Progulki s Pushkinym* [Strolls with Pushkin], Globulus, ENAS, Moscow, Russia.
- Chudakov, A.P. (1992), “Pushkin's character structure”, in *Collection of articles for the 70th anniversary of professor Yu.M. Lotman*, Tartu, Estonia, pp. 190–207.

Информация об авторе

Павел Е. Спиваковский, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 12504, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; p.e.spiwakowsky@gmail.com

Information about the author

Pavel E. Spivakovskii, Cand. of Sci (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; p.e.spiwakowsky@gmail.com

УДК 94(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-83-102

«Демон пропаганды» и «mademoiselle Catherine»:
к истории несостоявшейся женитьбы
декабриста М.П. Бестужева-Рюмина

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Институт научной информации по общественным наукам
РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории несостоявшейся женитьбы декабриста М.П. Бестужева-Рюмина на племяннице другого декабриста, В.Л. Давыдова – Екатерине Бороздиной («mademoiselle Catherine»). Дается оценка роли Бестужева-Рюмина в Южном обществе декабристов, его пропагандистских способностей. Анализируются документы, описывающие ход этой любовной истории, причины, по которым женитьба не состоялась. Основной упор сделан на катастрофические последствия, которые имел отказ Бестужева-Рюмина от женитьбы, на судьбу декабристского заговора.

Ключевые слова: декабристы, М.П. Бестужев-Рюмин, Е.А. Бороздина, В.Л. Давыдов, С.Г. Волконский

Для цитирования: Киянская О.И. «Демон пропаганды» и «mademoiselle Catherine»: к истории несостоявшейся женитьбы декабриста М.П. Бестужева-Рюмина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 83–102. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-83-102

© Киянская О.И., 2023

“The demon of propaganda” and “mademoiselle Catherine”.
On the story of the failed marriage
of the Decembrist M.P. Bestuzhev-Rumin

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia,
kianoks@inbox.ru*

Abstract. The article is about the history of the failed marriage of the Decembrist M.P. Bestuzhev-Ryumin to the niece of another Decembrist, V.L. Davydov – Ekaterina Borozdina (“mademoiselle Catherine”). The author assesses Bestuzhev-Rjumin’s role in the Southern Decembrists Society and his propaganda abilities. The author also analyses documents describing the course of that love story and the reasons why the marriage did not take place. The main emphasis is placed on the disastrous consequences that Bestuzhev-Ryumin’s refusal to marry had for the fate of the Decembrist conspiracy.

Keywords: the Decembrists, M.P. Bestuzhev-Ryumin, E.A. Borozdina, V.L. Davydov, S.G. Volkonsky

For citation: Kiyanskaya, O.I. (2023), “ ‘The demon of propaganda’ and ‘mademoiselle Catherine’”. On the story of the failed marriage of the Decembrist M.P. Bestuzhev-Rumin”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 83–102, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-83-102

Декабристские тайные общества часто описываются в историографии как некие секты ненавидевших власть заговорщиков, которых – кроме революционного переустройства мира – больше ничего не интересовало. Конечно же, это не так. Декабристы были молоды, они служили, любили, дрались на дуэлях, женились – и события их личных биографий вплетались в историю российского заговора 1820-х гг., трансформировали его.

В данном случае речь пойдет о любовной истории Михаила Бестужева-Рюмина – самого молодого из казненных декабристских лидеров. В момент смерти ему было 25 лет, а к началу описываемых событий – 21 год.

История его несостоявшейся женитьбы на Екатерине Бороздиной, племяннице другого декабриста, Василия Давыдова, загадочна. Источники, проливающие свет на историю его сватовства, достаточно скудны: на эту тему сохранилось три письма из его переписки с мужем двоюродной сестры Саввой Мартиновым.

Два письма принадлежат Бестужеву-Рюмину, одно – Мартынову. Кроме того, отрывочные сведения об этой истории содержатся в следственных делах заговорщиков. Однако и из этих скудных источников можно сделать некоторые выводы, поскольку биография Бестужева-Рюмина в принципе небогата на личные документы.

* * *

Мать Екатерины Бороздиной, Софья Львовна, урожденная Давыдова – родная сестра Василия Давыдова. И она, и ее дети были представителями мощного клана Давыдовых-Раевских: сводный брат Софьи, генерал Николай Раевский, командовал в 1823 г. 4-м пехотным корпусом со штабом в Киеве. Родственные узы связывали этот клан с декабристами, и не только с Василием Давыдовым: генералы-заговорщики Михаил Орлов и Сергей Волконский были женаты на дочерях генерала Раевского. Как известно, оба сына Раевского, Александр и Николай, знали многих деятелей тайных обществ, дружили с ними и сами подозревались в участии в заговоре. В 1826 г. их арестовали, однако отпустили с оправдательными аттестатами. Сестры Бороздины тоже связали свои судьбы с декабристами: после неудачного романа с Бестужевым-Рюминым Екатерина стала женой Владимира Лихарева, а ее старшая сестра Мария тогда же, в 1825 г., обвенчалась с Иосифом Поджио.

Отец сестер, генерал-лейтенант Андрей Бороздин, был крупным чиновником: бывший таврический гражданский губернатор, к 1823 г. он был уже сенатором. Кроме дочерей в семье был сын Лев, впоследствии предводитель дворянства Чигиринского уезда Киевской губернии.

Самыми значимыми фигурами среди окружавших Бороздиных деятелей тайных обществ были, конечно, Давыдов и Волконский. Они близко дружили с руководителем заговора Павлом Пестелем и возглавляли одну из управ Южного общества – Каменскую. Обществом руководила Директория, куда вместе с Пестелем входил генерал-интендант 2-й армии Алексей Юшневский. Пестель был автором «Русской Правды» – своеобразного свода законов, который должен был быть введен в действие после победы революции.

Бестужев-Рюмин, узнавший о существовании тайного общества в 1822 г. от своего ближайшего друга Сергея Муравьева-Апостола, в январе 1823 г. уже присутствовал на совещании руководителей тайного общества в Киеве. На этом совещании были приняты основные положения «Русской Правды», было единство и в способе революционного действия: предполагалось взять власть с помощью армии, произвести «военную революцию». Молодой заговорщик тоже вошел в руководство Южным обществом, возглавив – вместе с

Муравьевым – Васильковскую управу (с центром в уездном городе Василькове Киевской губернии, где жил и служил Муравьев-Апостол). Для него это совещание стало началом иной жизни, не похожей на ту, что он вел до той поры. Служивший с 1818 г. в нижних чинах в столичной гвардии, в Кавалергардском и Семеновском полках, в конце 1820 г. он – после известной Семеновской истории (см. об этом: [Киянская 2023, с. 249–273]) – был переведен в армию, в пехотный Полтавский полк. Только в 1821 г. Бестужев получил первый офицерский чин, стал прапорщиком, в мае 1824 г. его произвели в подпоручики. Но как бывшему семеновцу Бестужеву были запрещены отпуска и отставка. Тайное общество давало ему возможность проявить свои немалые дипломатические и организаторские таланты, ненужные в официальной армейской службе.

Товарищи по обществу приняли прапорщика дружески и уважительно, сразу оценив его незаурядность. Родственнику, Савве Мартынову, Бестужев-Рюмин писал, что с Давыдовым он находится «в самых дружеских отношениях»¹. Одним из первых поручений, за исполнение которого взялся молодой заговорщик, было достижение договоренности с Польским патриотическим обществом о совместных действиях. Переговоры шли успешно, и за эти успехи Бестужева официально поблагодарил и даже «обнял» один из южных «директоров», генерал-интендант 2-й армии Алексей Юшневский². По словам Юшневого, сделал он это по просьбе Василия Давыдова, «который заметил, что сие польстит самолюбию Бестужева, тогда недавно принятого в общество»³.

А генерал Волконский, приехав в 1824 г. Петербург, привез Мартынову письмо от Сергея Муравьева-Апостола, наполненное похвалами молодому офицеру, и передал Мартынову «вести о Бестужеве». В Петербурге генерал собрался, в частности, «хлопотать» за Бестужева, прося предоставить ему отпуск «через своих родных»⁴.

¹ См.: *Модзалевский Б.Л.* Страница из жизни декабриста М.П. Бестужева-Рюмина // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 3. С. 207.

² См.: Поджио А.В.: Следственное дело // Восстание декабристов: Документы. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1954. Т. 11. С. 70.

³ Юшневский А.П.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1953. Т. 10. С. 78. Правда, С.Г. Волконский показывал, что Юшневский похвалил начинающего заговорщика по просьбе Сергея Муравьева-Апостола (Волконский С.Г.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. Т. 10. С. 132).

⁴ См.: *Муравьев-Апостол С.И.* Письмо к С.М. Мартынову // Декабристы. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1938. С. 225; *Модзалевский Б.Л.* Указ. соч. С. 208–209.

Иными словами, с начала 1823 до конца 1824 г. Южное общество существовало практически бесконфликтно.

Руководители заговора не во всем придерживались единого мнения: спорили о судьбе царской семьи, о месте и времени начала революции. Пестель и его друзья считали необходимым безусловное уничтожение всей «высочайшей фамилии», а Бестужев-Рюмин с Муравьевым колебались, не хотели никого убивать, но в итоге согласились с возможностью убийства императора. При этом подполковник Муравьев-Апостол, поддерживаемый Бестужевым, был сторонником немедленного восстания, Пестель же считал, что для его осуществления нужна серьезная, длительная подготовка. Заговорщики расходились и в оценках предыдущих европейских революций, обсуждали их ход, итоги, уроки, которые из них можно было извлечь. Но это были уважительные, дружеские споры, не переходящие в личные конфликты – что было редкостью для декабристской конспирации.

* * *

Портрета Бестужева-Рюмина – за исключением сделанной во время следствия небрежной карандашной зарисовки – не сохранилось. Но судя по тому, что он начал службу в кавалергардах, а в Семеновском полку был знаменосцем, Бестужев не был лишен мужской красоты и физической силы. Как и многие молодые люди начала 1820-х гг., в обычной жизни заговорщик был «рассеянным и ветреным», «представлял из себя влюбленного во всех женщин и до того умел им нравиться, что со многими из них... вел переписку. Его принимали все, а особенно прекрасный пол, как веселого собеседника, над которым можно было забавляться»⁵. Но в данном случае его настигла, по словам Н.Я. Эйдельмана, «злая девчонка-любовь» [Эйдельман 1975, с. 159]⁶.

Сложно сказать определенно, где и когда Бестужев-Рюмин познакомился с Екатериной Бороздиной, мечтательной девушкой, которая, по свидетельству знавших ее людей, «расходилась в самой выспренной чувствительности, вздыхала и поднимала глаза к небу»⁷. Возможно, это был киевский дом генерала Николая Раевского, где Бестужев был принят «на самой дружеской ноге».

⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Вступление на престол императора Николая I // Русская старина. 1890. № 11. С. 497–498.

⁶ Эйдельман цитирует стихотворение А.А. Ахматовой «Последнее стихотворение».

⁷ Андреевский Э.С. Записки. Одесса: Тип. Акционерного Южно-русского общ-ва печатного дела, 1913. Т. 1. С. 281.

Вероятно, генерал знал молодого офицера еще до его вступления в тайное общество и «выказывал» к нему «много доброты»⁸. Вполне возможно, что познакомились они в другом киевском доме – доме, принадлежавшем Екатерине Давыдовой, урожденной Самойловой, матери Николая Раевского, Софьи Бороздиной и Василия Давыдова. Давыдов, наезжая в Киев, останавливался в доме матери и предоставлял его для совещаний заговорщиков. Но Муравьев и Бестужев-Рюмин, по его словам, ездили в этот дом «часто по другим причинам, известным в семействе»⁹.

Точно можно сказать, что молодые люди виделись в знаменитой Каменке – имении, которое, как и дом в Киеве, принадлежало матери Давыдова. 24 ноября в Каменке праздновались именины хозяйки, съезжалось множество гостей – и эти сборы декабристы тоже использовали для совещаний. В конце ноября 1823 г. Бестужев впервые посетил Каменку.

К этому моменту 22-летний заговорщик уже 10 месяцев возглавлял Васильковскую управу. Кроме переговоров с поляками, у него были и другие успехи: соавторство в «Бобруйском заговоре» – несостоявшейся попытке начать военную революцию в армейском лагере под Бобруйском (об этом и других планах см.: [Готовцева 2022, с. 91–110]). Он уже стал таким, каким и вошел в историю русского заговора 1820-х гг.: пылким и результативным оратором, перед обаянием которого сложно было устоять, – настоящим «демоном пропаганды» (как называл заговорщика следователь Александр Бенкендорф¹⁰).

Согласившись с необходимостью цареубийства, решив потом, что к этой «жестокой мере» прибегать не следует, он в Каменке снова присоединился к сторонникам цареубийства¹¹.

Совещались заговорщики всего один день, 24 или 25 ноября, когда Каменку посетил их лидер – полковник Пестель¹². Но и в день совещания, и в другие дни все они общались, конечно, с гостями дома, а тем более – с ближайшими родственниками именинницы.

⁸ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 497; Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 208.

⁹ Давыдов В.Л.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. Т. 10. С. 206.

¹⁰ См.: Бенкендорф А.Х. Воспоминания: 1802–1837. М.: Рос. фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. архив, 2012. С. 338.

¹¹ См.: Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. Т. 9. С. 110, 141.

¹² См.: Поджио И.В.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Наука, 1969. Т. 12. С. 12, 165.

Состав гостей точно не известен, однако Софья Бороздина не могла игнорировать именины матери. Вполне возможно, что Бестужев-Рюмин встретался с Бороздиными и в январе 1824 г.: в ходе контрактной ярмарки в киевском доме Давыдовых происходило очередное совещание участников южного заговора.

Точно известно, что в апреле 1824 г. Бестужев-Рюмин приехал в местечко Телепин, имение Софьи Бороздиной – очевидно, приглашение он получил от хозяйки или ее мужа.

Это было именно личное приглашение: в Телепине не было совещаний, в этом имении никогда не бывал Пестель¹³. Встреча с Екатериной была, таким образом, единственной целью посещения Бороздиных.

Из главных деятелей заговора в Телепине присутствовал лишь Василий Давыдов, захвативший в гости к сестре. Зато здесь Бестужев-Рюмин познакомился с отставным штабс-капитаном итальянцем Иосифом Поджио, чей отец переселился в конце XVIII в. в Россию и вступил в русскую службу.

Бестужев уже знал младшего брата Иосифа, Александра Поджио. Младший Поджио, тогда штабс-капитан гвардейского Преображенского полка, был принят в тайное общество в Киеве в январе 1823 г. Приняли его совместно Василий Давыдов и Сергей Муравьев-Апостол. Александр Поджио был идейным декабристом, на следствии он показывал, что вступить в общество его побудило «убеждение... в необходимости участвовать в предприятии даровать свободу и права народу нашему»¹⁴.

В отличие от брата, Иосиф Поджио до апреля 1823 г. в обществе не состоял и не знал о его существовании. Иосиф был вдовцом: в 1820 г. его жена умерла, оставив ему четверых малолетних детей. Однако в Телепине и он стал заговорщиком: на следствии показывал, что Давыдов повел его «на верхний этаж дома в особенную комнату» и предложил «вступить в тайное общество». Принять предложение Давыдова, по признанию Поджио, его заставила любовь: он уже был влюблен в Марию Бороздину. Отказаться от предложения возможного родственника Иосиф Поджио, по его собственным словам, «побоялся» – «чтобы не навлечь на себя негодование господина Давыдова»¹⁵.

«На другой день, как был принят в общество», Поджио-старший попал в сети «демона пропаганды». Бестужев, согласившись с

¹³ Пестель П.И.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 166.

¹⁴ Поджио А.В.: Следственное дело. С. 47–48, 50, 84.

¹⁵ Поджио И.В.: Следственное дело. С. 163.

необходимостью царевубийства, искал людей, готовых лично убить царя на армейском смотре, и разговаривал на эту тему с некоторыми членами Южного общества. Не избежал такого разговора и Поджио. На предложение стать царевубийцей он ответил согласием и даже пообещал, что сам возглавит отряд царевубийц¹⁶. На следствии он рассказал об этом эпизоде в письме к следователю Василию Левашову: утверждал, что согласился на царевубийство «в шутку», не позволил записать свою фамилию в соответствующий список и после этой встречи перестал общаться с Бестужевым¹⁷. Отвлекаясь в данном случае от мотивов, по которым 32-летний отставной штабс-капитан, вдовец, отец четверых детей принял предложение 22-летнего подпоручика, от которого его семейная жизнь никак не зависела, следует отметить, что вряд ли ситуация была столь «шутливой». Приехав несколько месяцев спустя вместе с Давыдовым к Пестелю, Иосиф Поджио пообещал руководителю Южного общества, что в случае царевубийства будет «находиться там, где и другие»¹⁸.

Очевидно, родители сестер Бороздиных редко приглашали молодых людей к себе в дом. Иосиф Поджио, рассказывая на следствии, что не посмел отказаться от вступления в общество, заметил, что в случае отказа он мог поссориться с Давыдовым и «через то лишиться способу» посещать Каменку. В доме же матери сестер Бороздиных ему удавалось быть «весьма редко, раз или два в год»¹⁹. Можно предположить, что и Бестужев-Рюмин, судя по его показаниям, посетивший Телепин всего один раз, общался с Екатериной Бороздиной чаще всего именно в Каменке. Документы фиксируют очередной приезд Бестужева в Каменку, например, в конце августа – начале сентября 1824 г. Он приехал один и конспиративных разговоров, по-видимому, на этот раз не вел²⁰.

Следующая дата в любовной истории Бестужева – 16 ноября 1824 г.; в этот день он написал первое из известных исследователям писем к Мартынову и изложил некоторые подробности своей любви. «Я провел много времени за размышлениями о моих семейных делах, – писал Бестужев-Рюмин, – и о том, в каком положении буду я в свете в 23 года от роду, – без чина и с небольшим состоянием, а также о тех беспрестанно вновь возникающих заботах, которые мне приходилось видеть даже в таких союзах, в которых муж и жена

¹⁶ Поджио И.В.: Следственное дело. С. 175.

¹⁷ Письмо И.В. Поджио следователю В.В. Левашову в следственном деле А.В. Поджио (Поджио А.В.: Следственное дело. С. 55).

¹⁸ Поджио И.В.: Следственное дело. С. 179.

¹⁹ Там же. С. 163.

²⁰ См.: *Муравьев-Апостол С.И.* Письмо к С.М. Мартынову. С. 225.

наилучше подходят друг к другу: наконец, о тех неприятностях, которыми я подвергну мою жену, заперев ее на неопределенное время в Ржищеве (полковой квартире Полтавского полка. – *О. К.*). Я сделал больше. – Я представил все это Catherine и ее дяде Василию Давыдову... Даю вам честное слово, что я ничего при этом не скрыл, даже не прикрыл. И вот, – ничто не пугает Catherine, и родители ее обещают достаточное приданое (так как я часто повторял, что я небогат) и перемену моей служебной карьеры, как только государь дарует нам прощение»²¹.

Из этого письма следует: к ноябрю и сама Екатерина Бороздина, и Василий Давыдов, и, естественно, родители Бороздиной знали о намерении Бестужева-Рюмина жениться. Следовательно, основная часть романа длилась с апреля по ноябрь 1823 г. и закончилась тем, что заговорщик предложил возлюбленной руку и сердце и рассказал о своих устремлениях ее родителям. На его предложение и сама девушка, и ее родители ответили, судя по письму, согласием. Речь пошла о приданом для Екатерины и об обустройстве быта будущих супругов. Девушка явно была влюблена: ее не пугал даже тот факт, что ее возлюбленный не мог подать в отставку. Она готова была «запереть» себя в Ржищеве и согласилась ждать – совместно с мужем – императорского «прощения».

Бестужеву оставалось только получить родительское благословение на брак – и он просил Мартынова помочь ему. «В настоящее время, дорогой кузен, дело состоит в том, чтобы получить согласие моих родителей, и в этом отношении я рассчитываю на своего прежнего благодетеля. Да, только вы один сможете заставить их понять, что необходимо для того, чтобы поставить их женатого сына приличным образом в свете, – и они не устоят против вашего красноречия», – убеждал он Мартынова²². Бестужев просил Мартынова не говорить напрямую с родителями, справедливо полагая, что ему стоит это сделать самому. Кузена он уговаривал написать для них письмо, которое – в собственный приезд в Москву – он собирался им передать.

Бестужев-Рюмин сообщил родственнику, что «к Екатерину дню», т. е. к 24 ноября, снова собирается в Каменку, «к старейшей представительнице семьи»²³. Очевидно, этот визит оказался последним: вскоре Бестужев-Рюмин получил послание Мартынова с сообщением, что родители решительно отказались благословить брак сына.

²¹ *Модзалевский Б.Л.* Указ. соч. С. 207.

²² Там же. С. 208.

²³ Там же. С. 209.

Мартынов, еще до получения письма кузена знавший о его намерениях из не дошедшего до нас письма Сергея Муравьева-Апостола²⁴, все же сам поговорил с его родителями. Они, по его словам, «прямо возмутились». Особенно против женитьбы восставала мать, которая считала, что женитьба не принесет сыну счастья. Родители отказались давать сыну больше денег на содержание и заявили Мартынову, что его женитьба «сведет их в могилу».

Житейски опытный Мартынов был согласен с ними. Онставлял Бестужева-Рюмина: «В твоём положении ты можешь быть только несчастлив, женившись; молодая особа, которую сейчас ничто не пугает, обманывает самое себя относительно будущего так же, как и ты, и также раскается; однако, когда имеешь немного опыта, знаешь, что это общий язык всех молодых людей, которые желают пожениться. Пусть влюбленный скажет своей возлюбленной, что через два дня после брака он должен поселиться в глубине Сибири, – я вперед отвечу ему: будут счастливы последовать за ним в ссылку, любовь-де скрашивает пустыни – и все высокие слова, которым одна неопытность придает некоторое значение»²⁵.

Последний документ в этой истории – ответное письмо Бестужева-Рюмина Мартынову. Бестужев возражает родственнику: он вовсе не требовал от родителей оплачивать его семейную жизнь. «Mademoiselle Бороздина имеет свое собственное состояние, которое ей принадлежит на законном основании; ее имение сдано в аренду и приносит ежегодно чистого дохода 20 000 руб. Если я желал, чтобы мои родители ассигновали мне сумму, достаточную для женатого человека, не имеющего склонности к безумным тратам, то это для того, чтобы не быть в денежной зависимости от жены с первого же дня после свадьбы», – писал он.

Бестужев-Рюмин был уверен: «Причина образа действий» его родителей заключалась «в их убеждении», что их сын «глупец, которого всякий может провести в собственных интересах». «Я не знаю, утешительно ли такое мнение о 24-летнем сыне, но мне хочется верить, что оно несправедливо», – объяснял он кузену²⁶.

На этом документальная часть истории несостоявшейся женитьбы Бестужева-Рюмина заканчивается. Свадьба не состоялась, а в августе 1825 г. в Телепине младшая племянница Василия Давыдова обвенчалась с подпоручиком квартирмейстерской части

²⁴ Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 216.

²⁵ Там же. С. 215–216.

²⁶ Бестужев-Рюмин М.П. Письмо к С.М. Мартынову // Декабристы. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1938. С. 82.

Владимиром Лихаревым²⁷. Размышляя об этой свадьбе, Н.Я. Эйдельман предполагал, что за Лихарева Екатерина Бороздина могла выйти «с горя» [Эйдельман 1975, с. 164].

* * *

Из последнего письма Бестужева к Мартынову следует, что он, конечно, был расстроен отказом родителей. Но, по его словам, несмотря на телесные и душевные «страдания», у него было еще «много важных вещей», которые он намеревался впоследствии сообщить родственнику. Кроме того, он сообщил родственнику, что – несмотря на страдания – не собирается покончить с собой²⁸.

И из этого письма, и из последовавших вскоре событий можно сделать вывод: если бы Бестужев-Рюмин действительно хотел жениться, он бы это сделал. Совершенно не оглядываясь на родительские запрещения, например, его родной старший брат Николай, предпочитавший жениться на близких родственницах: в первый раз его женой стала двоюродная тетка, а во второй – двоюродная сестра. Родительское недовольство доходило до того, что отец жаловался на сына цесаревичу Константину – но все равно Николай поступил так, как считал нужным²⁹. Вряд ли можно поверить в то, что «демон пропаганды», не боявшийся «умышлять» на жизнь императора и готовить военную революцию, на самом деле не мог решиться изменить свою судьбу без родительского разрешения.

19 июня 1826 г., когда следствие по делу о «злумышленных тайных обществах» уже было закончено и работал Верховный уголовный суд, Бестужев-Рюмин вспомнил, что через несколько месяцев после памятной встречи в Телепине Иосиф Поджио, проезжая вместе с братом Александром через Васильков, остановился в доме у Сергея Муравьева-Апостола. «Я, – писал он следователю Александру Чернышеву, – зная, что он собирается жениться во второй раз, спросил его, остается ли он при своем намерении быть в числе заговорщиков». Поджио-старший ответил, что «дал свое согласие в момент возбуждения», однако теперь, когда в его жизни появляются новые обязанности, он отказывается от прежних намерений. «С этих пор <тайное> общество не считало Поджио в числе заговорщиков», – констатировал Бестужев-Рюмин³⁰.

²⁷ См.: Декабристы: Биографический справ. М.: Наука, 1988. С. 103.

²⁸ См.: *Бестужев-Рюмин М.П.* Письмо к С.М. Мартынову. С. 81–83.

²⁹ См.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Воспоминания (до 1860 г.). СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1900. С. 6, 7.

³⁰ *Богданова Н.Г.* Письмо М.П. Бестужева-Рюмина к А.И. Чернышеву // Памяти декабристов: Сб. материалов. Т. 2. С. 93–94.

Эта встреча не могла не повлиять на отношение Бестужева-Рюмина и к собственной возможной женитьбе. Не только у Поджио, но и у него самого неминусомо должны были появиться новые обязанности. Брак поставил бы крест на бурной жизни, которую вел Бестужев, он был бы связан обязательствами перед женой, в браке могли родиться дети. Ситуация вполне могла сложиться так, что и его самого тайное общество перестало бы считать в числе своих членов. А с руководящей ролью в заговоре расстаться бы пришлось почти наверняка.

Скорее всего, к моменту отказа родителей Бестужев уже и сам не хотел связывать себя узами брака. Вполне вероятно, он не столько расстроился, сколько вздохнул с облегчением, узнав о родительском недовольстве. Родные были правы: вряд ли бы он мог обрести счастье в тихой семейной жизни. Вскоре в тайном обществе начали происходить новые события, физические и моральные страдания были быстро забыты – и Бестужев с головой окунулся в прежнюю конспиративную жизнь.

* * *

Между тем несостоявшаяся свадьба повлекла тяжелые последствия и для Бестужева-Рюмина, и для всего заговора декабристов. Ситуация была весьма скандальна, она вполне могла привести к дуэли. В сентябре 1825 г. даже не столь категоричная ситуация стала причиной знаменитой петербургской дуэли двух гвардейских офицеров: Владимира Новосильцева и Константина Чернова. Новосильцев сделал предложение сестре Чернова, получил ее согласие, но этому браку воспротивилась мать жениха. Новосильцев просил отсрочить свадьбу, пытаясь уговорить мать, но вместо отсрочки получил вызов. Дуэль кончилась смертельным исходом для обоих участников.

Применительно к истории сватовства Бестужева-Рюмина дуэльный исход тоже был вполне возможен. Более того, ставропольский журналист Виктор Кравченко, ссылаясь на материалы семейного архива Лихаревых, утверждает, что дуэль состоялась – и противником незадачливого жениха был именно Владимир Лихарев:

«...Дуэль была назначена на 8 ноября 1824 года. Стрелялись члены Южного тайного общества подпоручики Михаил Бестужев-Рюмин и Владимир Лихарев “из любви к красавице брюнетке”.

В 1823 году пятнадцатилетняя Катенька, дочь сенатора генерала Андрея Бороздина, впервые появилась на балу в Киеве, сразу покорила сердца и вскружив головы молодым офицерам. Красавица ответила взаимностью Бестужеву-Рюмину. Он посещал имение Бороздиных

и спустя год предложил Екатерине руку и сердце. Однако родители подпоручика не дали благословения. Исполнив волю отца и отказавшись от женитьбы, Бестужев-Рюмин тем самым скомпрометировал девушку...

Итак, 8 ноября дуэлянты, секунданты и штабной лекарь в колясках выехали за город. Лихарев стрелял первым, и его пуля сорвала левый эполет с плеча противника. Ответная пуля пробила тонкое офицерское сукно и застряла в мягкой ткани правого бедра»³¹.

Из изложенной Кравченко дуэльной истории достоверно можно подтвердить только один факт: Владимир Лихарев действительно был ранен. Согласно приметам государственного преступника, описанным перед отправлением Лихарева на каторгу, «на правом боку ниже ребер» был виден «от раны шрам и пуля внутри»³². Но когда и при каких обстоятельствах Лихарев получил рану – неизвестно. Сложно подтвердить документально и присутствие Бестужева-Рюмина на балу в Киеве в 1823 г. (на котором к тому же присутствовала и Екатерина Бороздина), и сорванный пистолетным выстрелом «левый эполет». Но точно можно утверждать, что 8 ноября 1824 г. дуэль состояться не могла. В этот момент Бестужев-Рюмин был еще полон надежд на счастливый исход сватовства: он в очередной раз собирался в Каменку, а восемь дней спустя написал Мартынову первое из дошедших до нас писем.

Однако можно утверждать точно, что история со сватовством привела едва ли не к катастрофе в тайном обществе: для Василия Давыдова он стал врагом. Ненависть к скомпрометировавшему девушку легкомысленному подпоручику вспыхнула и в сердцах других заговорщиков, связанных с Давыдовым родственными и дружескими узами. Естественно, Бестужев-Рюмин не мог больше посещать не только Телепин и Каменку, но и дом генерала Раевского. Мартынову Бестужев поведал, что, «к счастью», возле него «находится друг», который разделяет его печали»³³. Рядом с ним действительно остался Сергей Муравьев-Апостол, добровольно подвергшийся остракизму со стороны товарищей-конspirаторов. Соответственно, и с Муравьевым Давыдов общаться перестал.

«Известно всем, что мы с ним (Сергеем Муравьевым. – О. К.) разошлись неприятно, по особенным обстоятельствам», – пока-

³¹ Кравченко В. Перед богом и людьми // Ставропольская правда. 2015. № 147. 5 авг.

³² Декабристы: Биографический справ. С. 103.

³³ См.: Бестужев-Рюмин М.П. Письмо к С.М. Мартынову. С. 82.

зывал Давыдов³⁴. «Я же более году не имел никаких сношений с Давыдовым», – подтверждал его слова Муравьев³⁵. Иосиф Поджио, женившийся на Марии Бороздиной, показывал, что «Муравьев и Бестужев перестали уже ездить к Давыдову, ибо сделался у нас большой разрыв»³⁶.

* * *

В декабре 1824 – начале 1825 г. в Южном обществе произошло еще одно событие, больно ударившее по всей тайной организации и во многом предопределившее будущую неудачу заговорщиков.

Бестужев-Рюмин написал письмо члену Польского патриотического общества Анастасию Гродецкому, с которым он вел переговоры. Заметив охлаждение своего визави и к общему делу, и к собственной персоне, Бестужев в письме напоминал полякам об их обязательствах перед русскими и просил немедленно «истребить» наместника русского царя в Польше, цесаревича Константина Павловича. Русский заговорщик доказывал полякам, что «нельзя совершить переворота без помощи армии и что пока цесаревич будет жив, польское общество не может полагаться на своих войск, которые преданы цесаревичу»³⁷. Послание было весьма опасным и – в случае обнаружения правительством – грозило и Бестужеву, и Гродецкому, и тому, кто согласился бы его передать, по меньшей мере тюрьмой.

Письмо это не было следствием мгновенного «цареубийственного» порыва: такого рода разговоры велись в Южном обществе постоянно. Пестель не верил полякам. Он полагал, что они могут воспользоваться слабостью русских «во время переворота» и возвести на престол цесаревича, «дабы он из благодарности возвратил им независимость». Именно Пестель был автором идеи «немедленного истребления цесаревича»³⁸.

«В первых числах декабря 1824 года» в Васильков, квартиру Сергея Муравьева-Апостола, где был в тот момент и Бестужев-Рюмин, проездом из Петербурга в Киев заехал генерал Сергей Волконский. Генерал был настроен вполне дружелюбно: в частности,

³⁴ Давыдов В.Л.: Следственное дело. С. 225.

³⁵ Муравьев-Апостол С.И.: Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 284.

³⁶ Поджио И.В.: Следственное дело. С. 169–170.

³⁷ Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело. С. 39; Муравьев-Апостол М.И.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 253.

³⁸ Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело. С. 111.

рассказывал Бестужеву о собственном столичном разговоре с Мартыновым и об участии в судьбе подпоручика со стороны жены Мартынова, Марии Степановны³⁹. От Бестужева-Рюмина Волконский получил послание для Гродецкого, который тоже должен был приехать в Киев. Содержание письма Волконский знал: перед запечатыванием оно было ему прочтено.

Дальнейшие приключения письма заговорщики на следствии описывали по-разному. Волконский убеждал следователей: письмо показалось ему «невозможным к отдаче как по правилам, данным Бестужеву, ни в какие письменные сношения не входить, так и по уверениям, которые он делал и которые не вправе был делать». «Сие письмо было мною взято, но с тем, чтобы его не вручать», «несколько времени после сего Василий Давыдов приехал в Киев, я сказал ему как о смысле письма, так и о моем решении, и чрез него по случаю его отъезда написал записку к Бестужеву, что я письмо не отдал и, как помнится, посылаю оное на суд Пестелю», – утверждал Волконский⁴⁰.

Письмо действительно оказалось в руках Пестеля. «Князь Волконской, прочитав сию бумагу и посоветовавшись с Васильем Давыдовым, наместо того, чтобы отдать сию бумагу Гродецкому, представил оную Директории Южного края. Директория истребила сию бумагу, прекратила сношения Бестужева с поляками и передала таковые мне и князю Волконскому», – показывал руководитель тайного общества⁴¹.

Однако Бестужев-Рюмин видел судьбу послания по-другому. «Письмо сие отдал я для доставления в Киев к <князю> Волконскому... В последствии времени письмо сие Волконский мне возвратил, говоря, что Давыдов не позволил ему взойти с обществом в письменное сношение», «письмо я дал Волконскому запечатанное; он так же мне его и возвратил», – показывал он⁴². По словам Сергея Муравьева-Апостола, «мнение» Бестужева, «возвращенное кн <язем> Волконским», было оставлено «без всякого внимания самим Бестужевым» и вместе с другими бумагами лежало в его, Сергея Муравьева, собственном портфеле⁴³.

Письмо вынималось из портфеля по крайней мере дважды. В конце ноября Сергей Муравьев-Апостол читал его захватившему

³⁹ См.: Волконский С.Г.: Следственное дело. С. 169; *Бестужев-Рюмин М.П.* Письмо к С.М. Мартынову. С. 82.

⁴⁰ Волконский С.Г.: Следственное дело. С. 132.

⁴¹ Пестель П.И.: Следственное дело. С. 116.

⁴² Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело. С. 39, 65.

⁴³ См.: Муравьев-Апостол С.И.: Следственное дело. С. 370–371.

в Васильков штабс-капитану Александру Корниловичу. Муравьев вручил Корниловичу копию этой бумаги; штабс-капитан отвез ее в столицу и передал князю Сергею Трубецкому. Копия была прочитана Трубецким и им же сожжена⁴⁴.

Месяц спустя, 25 декабря, в Житомире, когда Сергей Муравьев-Апостол, уже решившийся на восстание, отчаянно пытался найти союзников, способных немедленно вывести войска ему в помощь, он дал прочесть оригинал письма графу Петру Мошинскому, участнику польского заговора. Письмо было прочтено «с тем, чтобы вовлечь поляков в такой поступок, после коего им оставалось бы только возмутиться». Муравьев просил передать послание в Директорию польского общества. Однако Мошинский письма не взял, сказав, «что он никак не смеет принять писанного мнения, ибо это против законов их общества». Два дня спустя подполковник лично бросил в огонь злополучную бумагу⁴⁵.

В истории с письмом интересная даже не этическая сторона дела: ничего не мешало Волконскому хотя бы попытаться отговорить Бестужева от его опасной затеи. Конечно, запретить какие-либо действия по тайному обществу Волконский ему не мог: у обоих был равный статус председателей управ, и, согласно принятым в Южном обществе правилам, в случае споров вопрос должны были решать Пестель или Юшневский⁴⁶. Однако вряд ли подпоручик рискнул бы не послушаться здравого совета опытного генерала. Кроме того, генерал мог просто отказаться выполнить просьбу.

Интереснее другое: Пестель был уверен, что бумага, представленная «Директории Южного края», «истреблена» в Киеве, хотя на самом деле письмо вернулось к автору в Васильков. Если же пытаться восстановить хронологию событий, то можно предположить, что Волконский поначалу был вполне согласен и с содержанием письма, и с формой его передачи. Но, согласившись стать курьером, князь еще не знал, что Бестужев-Рюмин передумал брать в жены Екатерину Бороздину.

Однако в январе 1825 г., когда в Киев приехал Пестель, и Давыдов, и Волконский явно уже получили информацию, что Бестужев не станет жениться. Кроме того, 11 января состоялась другая свадьба: Волконский обвенчался с Марией Раевской, еще одной

⁴⁴ См.: Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело. С. 145; 21, с. 329; Корнилович А.О.: Следственное дело // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1969. Т. 12. С. 331.

⁴⁵ См.: Муравьев-Апостол С.И.: Следственное дело. С. 370–371.

⁴⁶ См.: Волконский С.Г.: Следственное дело. С. 132.

племянницей Давыдова, и на этой свадьбе Пестель был шафером [Муллин 1971, с. 87–93]. Естественно, Волконский пополнил собою семейный клан Давыдовых-Раевских, негодующих на Бестужева. Князь показывал, что «на слова начальников Васильковской управы с некоторого времени перестал иметь веру»⁴⁷.

Письмо к Гродецкому явно было вскрыто, с него была снята копия для Пестеля, впоследствии и «уничтоженная». После чего письмо вновь запечатали – и отправили назад, автору. О том, что в его руках оказалась копия, Пестель вряд ли знал: зная это, он, конечно, настоял бы и на уничтожении оригинала. Все это немало способствовало усилению вражды васильковских руководителей «с друзьями... Давыдова (по делам, чуждым обществу)»⁴⁸.

В феврале 1825 г. Пестель и Юшневский приехали в Васильков. Беседа с руководителями тайной организации шла, судя по показанию Бестужева-Рюмина, о «возможности предпри<н>ять действия в лагере того года (1825)»⁴⁹. Но вряд ли в разговоре Пестель не поднял вопроса о злополучном письме. По крайней мере, на следствии подпоручик показывал, что руководитель Южного общества – «человек нрава вспылчивого» и «не всегда размерял свои слова»⁵⁰. В любом случае права вести от имени Южного общества переговоры с поляками васильковские заговорщики лишились, и это был тяжелый удар по самолюбию бывшего жениха Екатерины Борздиной.

Когда же в конце декабря 1825 г. Сергей Муравьев-Апостол поднял восстание Черниговского полка и в этом восстании принял участие Бестужев-Рюмин, то к Волконскому, командовавшему в тот момент пехотной дивизией, друзья даже не попытались обратиться за помощью. Ненависть к ним Волконского не уменьшилась даже и после того, как он узнал о трагическом разгроме мятежных черниговцев и аресте обоих друзей на поле боя. На следствии генерал настаивал, что Муравьев и Бестужев были убежденными сторонниками убийства не только императора, но и всей его семьи и что именно Сергей Муравьев-Апостол был инициатором обсуждения этой идеи.

Это был, конечно, откровенный оговор: идея уничтожения «фамилии» принадлежала Пестелю, ее поддерживали сам Волконский и Василий Давыдов, а Муравьев и Бестужев всегда выступали против. Даже Давыдов не мог «припомнить», «чтобы Сергей Му-

⁴⁷ Там же. С. 118.

⁴⁸ Поджио А.В.: Следственное дело. С. 52.

⁴⁹ Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело. С. 112.

⁵⁰ Там же. С. 119.

равьев соглашался на преступное мнение прочих об императорской фамилии». Однако князь продолжал настаивать на своем на очных ставках с Давыдовым и Муравьевым-Апостолом⁵¹.

* * *

История же общения семейства Бороздиных с деятелями тайных обществ закончилась плохо. Родной дядя сестер Бороздиных, генерал-адъютант Николай Бороздин, был членом Верховного уголовного суда по делу декабристов. Его подпись стоит, в частности, под приговором суда, определившим Бестужеву-Рюмину «смертную казнь четвертованием» (замененную впоследствии повешением). Василий Давыдов и Сергей Волконский приговаривались к вечной каторге, Иосиф Поджио – к каторге на 15 лет, а Владимир Лихарев – на 4 года⁵². Впрочем, почти всем приговоренным в 1826 г. к каторжным работам повелением императора Николая I сроки были уменьшены.

Дочери же Алексея Бороздина, оказавшиеся женами государственных преступников, поначалу хотели – подобно кузине Марии Волконской – последовать за мужьями в Сибирь. Но ситуация Марии Поджио не была похожа на ситуацию Волконской. Андрей Бороздин использовал придворные связи для того, чтобы – вместо каторги – Иосифа Поджио отправили в Шлиссельбургскую крепость. При этом жена государственного преступника не знала, где он находится. Преступнику была разрешена переписка с семьей, но сообщать о месте заключения строго воспрещалось. Много лет искавшая его, писавшая письма во все возможные инстанции, называвшая себя «вдовой при живом муже» Мария Поджио наконец сдалась – и развелась с ним⁵³.

Развелась с мужем и Екатерина Лихарева, первоначально хотевшая ехать в Сибирь вместе с Натальей Фонвизиной, женой декабриста Михаила Фонвизина⁵⁴. Какие аргументы на этот раз нашел отец – неясно.

⁵¹ См.: Волконский С.Г.: Следственное дело. С. 117, 156, 163–164; Муравьев-Апостол С.И.: Следственное дело. С. 362–364.

⁵² См.: 119-й («решительный») протокол Верховного уголовного суда от 5 июля 1827 г. (Общий приговор, вынесенный подсудимым) // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 202, 205, 206, 209, 210, 223.

⁵³ *Семевский В.И.* Иосиф Викторович Поджио // Галерея Шлиссельбургских узников. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. Ч. 1. С. 20–24.

⁵⁴ *Штрайх С.Я.* Из быта декабристов в Сибири // Русское прошлое: Ист. сборники. 1923. № 1. С. 126, 128–131.

Иосиф Поджио скончался в 1848 г. в Иркутске, в доме Волконского, а Лихарев за 8 лет до этого погиб на Кавказе, где служил рядовым. Декабрист Николай Лорер, тоже служивший рядовым в Кавказской армии и знавший Лихарева, писал в мемуарах: «После него остались некоторые бумаги на разных языках и портрет красивой женщины превосходной работы... Я узнал портрет жены его»⁵⁵.

Литература

- Готовцева 2022 – *Готовцева А.Г.* К вопросу о планах военной революции Васильковской управы «Южного общества» // *Путь историка: Сб. ст. памяти Е.Л. Рудницкой.* М.: Ин-т российской истории РАН, 2022. С. 91–110.
- Киянская 2023 – *Киянская О.И.* Люди двадцатых годов: Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. 768 с.
- Муллин 1971 – *Муллин В.* Неизвестный документ о свадьбе Сергея Волконского // *Русская филология: Сб. научных студенческих работ.* Тарту: Тартуский госуниверситет, 1971. С. 87–93.
- Эйдельман 1975 – *Эйдельман Н.Я.* Апостол Сергей. М.: Политиздат, 1975. 391 с.

References

- Eidel'man, N.Ya. (1975), *Apostol Sergei* [Apostle Sergey], Politizdat, Moscow, USSR.
- Gotovtseva, A.G. (2022), "On the plans of military revolution of Vasylykovskaya board of 'Southern society' ", in *Put' istorika: Sb. st. pamyati E.L. Rudnitskoi* [The way of historian. Collection of articles in memory of E.L. Rudnitskaya], Institut rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 91–110.
- Kiyanskaya, O.I. (2023), *Lyudi dvadtsatykh godov: Dekabrist Sergei Murav'ev-Apostol* [People of the twenties: The Decembrist Sergey Muravyov-Apostle], RIPOL klassik, Moscow, Russia.
- Mullin, V. (1971), "Unknown document about Sergei Volkonsky's wedding", in *Russkaya filologiya: Sbornik nauchnykh studencheskikh rabot* [Russian philology. Collection of scientific student papers], Tartu: Tartu State University], Tartuskii gosuniversitet, Tartu, USSR, pp. 87–93.

⁵⁵ *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1984. С. 266.

Информация об авторе

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Information about the author

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru

Слухи как феномен
предреволюционной повседневности 1914–1916 гг.:
функции, источники, сюжеты, последствия

Владислав Б. Аксенов

*Институт российской истории РАН, Москва, Россия,
vlaks@mail.ru*

Аннотация. В статье изучается функционирование массовых слухов в повседневной жизни сельских и городских слоев накануне революции 1917 г. Автор разбирает интертекстуальную природу слухов, обращает внимание на архетипический и религиозный пласты крестьянских слухов, влияние беллетристики (фантастики, шпионского детектива и религиозно-мистической драмы) на слухи образованных слоев, а также связь слухов с историческими фактами. В исследовании отмечается разнообразие социальных функций слухов в обществе, делается акцент на том, что слухи фиксируют эмоциональное состояние социума и тем самым выступают важным источником для изучения общественных настроений. В заключение В.Б. Аксенов делает вывод о том, что в условиях кризиса доверия между властью и обществом слухи становятся фактором политики, формируют взаимоискаженные образы основных политических акторов и предопределяют ошибочные стратегии, приводящие к реализации изначально абсурдных слухов, в чем проявляется функция слухов по «самоосуществлению пророчеств».

Ключевые слова: руморология, слухи, самоосуществляющееся пророчество, Первая мировая война, повседневность

Для цитирования: Аксенов В.Б. Слухи как феномен предреволюционной повседневности 1914–1916 гг.: функции, источники, сюжеты, последствия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 103–124. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-103-124

Rumors as a phenomenon
of pre-revolutionary everyday life in 1914–1916.
Functions, sources, plots, consequences

Vladislav B. Aksenov

*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, vlaks@mail.ru*

Abstract. The article studies the functioning of mass rumors in the everyday life of rural and urban strata on the eve of the revolution of 1917. The author analyzes the intertextual nature of rumors, draws attention to the archetypal and religious layers of peasant rumors, the influence of fiction (fantasy, spy detective and religious-mystical drama) on the rumors of the educated strata, as well as the connection of rumors with historical facts. The study notes the variety of social functions of rumors in society and emphasizes the fact that rumors record the emotional state of society and thus act as an important source for the study of public sentiment. V.B. Aksenov concludes that under the conditions of a crisis of trust between the authorities and the society, rumors become a political factor, forming mutually distorted images of the main political actors and predetermining erroneous strategies, which lead to the realization of initially absurd rumors, in which the function of rumors to “self-fulfill prophecy” is manifested.

Keywords: Rumorology, rumors, self-fulfilling prophecy, World War I, everyday life

For citation: Aksenov, V.B. (2023), “Rumors as a phenomenon of pre-revolutionary everyday life in 1914–1916. Functions, sources, plots, consequences”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 103–124, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-103-124

Антропологический поворот, способствовавший росту интереса к истории повседневности, ожидаемо вводит в исследовательский инструментарий историка руморологию – направление, изучающее функционирование слухов в обществе. Повседневность, представленная как материальным миром, институализированными структурами (дом, работа, учеба, досуг), так и проявляющаяся на уровне мышления, обнаруживает воздействие неформальной коммуникации – в первую очередь слухов. Однако изучение слухов актуально не только в рамках социальной истории: в период системных кризисов слухи вторгаются в мир политики, подчиняя ее эмоциям и даже предопределяя ее течение.

Массовые слухи¹ выполняют в обществе несколько важных функций. Главная из них – информационная. Слухи содержат актуальную информацию и делают ее массовой, доступной для многих. Другая функция – коммуникативная, когда значение имеет не сама информация, а развитие каналов, по которым она распространяется. Третья функция – алармистская, призванная обращать внимание власти и общества на проблемы, получающие в слухах массовое распространение. Четвертая функция – когнитивная: типичные сюжеты, встречающиеся в повторяющихся слухах, демонстрируют когнитивные схемы, механизмы, с помощью которых происходит разъяснение на понятном для необразованных или малообразованных слоев общества актуальных событий. Пятая и наименее очевидная функция – провидческая (часто слухи опережали события, иногда предопределяли их).

Первые научные исследования слухов делали акцент на искажении в них первоначальной информации². Со временем исследователи слухов перестали ограничивать их роль исключительно функцией передачи информации, обращая внимание на то, что слухи отражают психологическое состояние социума. Г. Олпорт и Л. Постман показали, что функционирование слуха предполагает три действия: «выравнивание» (исключение малозначимых, лишних деталей), «обострение» (концентрация и выделение общественно важных деталей) и «ассимиляция» (искажение информации в результате подсознательной интерпретации) [Allport, Postman 1947, p. 75]. В 1944 г. Р. Кнапп в «Психологии слухов» отметил такую их важную функцию, как выражение эмоциональных потребностей общества [Кнапп 1944]. Тем самым слухи оказываются неким эмоциональным зеркалом социума, и в этом смысле их массовое распространение можно определить как «постправду»: ситуацию, в которой объективные факты менее важны для

¹ В настоящей статье речь идет о массовых слухах, резонирующих с общественными настроениями и потому становящихся популярными в широких слоях населения. Как правило, массовые слухи возникают стихийно, под воздействием общественных страхов, в отличие от целенаправленно запускаемых в информационное пространство «уток», «фейков» и прочих форм дезинформации, носящих искусственный характер. Впрочем, сознательная локальная дезинформация может приобретать массовый статус и в дальнейшем развиваться стихийно, подчиняясь коллективному воображению.

² Stern W. Zur Psychologie der Aussage. Experimentelle Untersuchungen über Erinnerungstreue. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Vol. 22. Cahier 2/3, 1902.

формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям³. В работах Т. Шибутани акцент с качественно-содержательной стороны слухов смещается в сторону их коммуникативных характеристик, тем самым определение слухов выходит за рамки оппозиции «правда – ложь», превращает их в важный элемент социальных отношений [Shibutani 1966, p. 17].

В последние десятилетия руморологическое направление успешно развивается и в исторической науке. О.А. Гайлит насчитала 118 русскоязычных работ историков, вышедших в 1995–2017 гг., в которых предметом исследования стали слухи в XIX–XX вв. [Гайлит 2018]. Особое внимание уделяется кризисному периоду 1914–1918 гг. [Колоницкий 2010; Булдаков, Леонтьева 2015; Аксенов 2020]. В 1999 г. Б.И. Колоницкий исследует отражение процесса десакрализации монархии в политических слухах в годы Первой мировой войны, еще раньше, в 1997 г., В.П. Булдаков показывает роль слухов в революционном насилии 1917 г. [Колоницкий 1999; Булдаков 1997]. В 1997 г. В.В. Кабанов одним из первых акцентировал внимание на роли слухов о недостатке хлеба в событиях 23 февраля 1917 г., также он предпринял попытку классификации слухов исходя из их роли в обществе, выполняемых функций⁴. Так, было предложено делить слухи на причины и катализаторы событий, «слухи-формулы», передававшие массовое представление о функционировании какого-то явления, «слухи-легенды», оставшиеся в исторической памяти народа. В качестве другого варианта классификации Кабанов предлагал деление на «оптимистические» и «пессимистические», а также «сбывшиеся» и «несбывшиеся». И.В. Побережников в отдельную группу выделяет слухи, обращенные в будущее (предсказательные), дополняя их эмоциональной классификацией (слух-мечта, слух-пугало) [Побережников 1995, с. 59]. Эта особенность слухов нуждается в отдельном пояснении.

³ Термин «постправда» получил развитие благодаря публикации в 1992 г. эссе Стива Тесича «Правительство лжи», в котором на примере «Уотергейтского», «Ирангейтского» и «Ирако-Кувейтского» кризисов проиллюстрировал тезис о том, что ложь американского правительства в этих случаях опиралась на желание самого общества быть обманутым во имя психологического комфорта (чувства национального самоуважения). Тем самым массовое сознание отторгло правду, предпочитая ей пропагандистские мифы [Tesich 1992]. Оксфордский словарь английского языка назвал «постправду» словом года в 2016 г.

⁴ Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997.

Массовые слухи демонстрировали способность массового сознания предчувствовать и предугадывать развитие событий даже в ситуации общественно-политического хаоса тогда, когда сильные ощущения «конца истории» (например, о «красном» и «белом» терроре в ноябре 1916 г., тогда же – о неизбежности революции в 1917 г., летом–осенью 1917 г. – о предопределенности «Корниловского мятежа» и большевистского переворота и т. д.). Чувственно-эмоциональная природа слухов предопределяет их чуткость к внешним процессам и в некоторых случаях оказывается более эффективной в плане прогнозирования, чем попытки рационального анализа. Вместе с тем нельзя отрицать и того, что стихийно распространявшиеся слухи сами могли стать неким сигналом к действию, предопределить ту или иную развязку.

Найти объяснения прогностических способностей слухов можно в философско-социологической теории. К. Поппер, критикуя историцизм, использовал понятие «Эдипов эффект» – «влияние предсказания на предсказанное событие (или, шире, влияние информации на ситуацию, к которой эта информация относится); причем несущественно, направлено ли это влияние на осуществление или на предотвращение предсказанного события» [Поппер 1992]. Еще раньше У. и Д. Томас в 1928 г. объяснили похожий феномен тем, что события конструируются представлениями людей о них: «Если люди считают ситуации реальными, то они оказываются реальными по последствиям» [Thomas 1928, pp. 571–572]. На основе «теоремы Томаса» Р. Мертон разработал теорию «самоосуществляющегося пророчества» (“the self-fulfilling prophecy”), согласно которой ложное предсказание, кажущееся современникам истинным, будет влиять на поведение людей так, что их действия сами приведут к исполнению этого предсказания [Merton 1968, p. 477]. В близком значении В.П. Булдаков выдвинул оригинальную концепцию «хроники заранее объявленной революции» (оммаж Г. Маркесу), согласно которой слухи подготовили массовое сознание к идее неизбежности революции, тем самым запрограммировав общество на нее [Булдаков 2018].

Пространство слухов интертекстуально. Отчасти это связано с тем, что стимулами для их возникновения и распространения могут выступать как внешние факторы повседневной, политической жизни, так и некие внутренние архетипы, поднимающиеся в кризисные времена из глубин подсознания. Однако в их основе часто лежит некий исторический факт, подлинное событие, подвергшееся воздействию коллективного воображения. Так, например, начало Первой мировой войны породило в народе различные

объяснения ее причин. Одни крестьяне утверждали, что война затеяна для того, чтобы истребить народ и не наделять его землей, другие придумывали менее рациональные объяснения, создавали сказочный нарратив. Среди слухов последнего, нарративного типа можно привести «сватовскую» версию начала войны, в которой австрийский наследник престола Франц Фердинанд приехал в Россию свататься к царевне Ольге Николаевне, но затем обманул ее. В ответ оскорбленные русские министры организовали убийство герцога⁵. При всей абсурдности версии о сватовстве 51-летнего Франца Фердинанда, состоявшего к тому же в официальном морганатическом браке с чешской графиней, нельзя не вспомнить историю сватовства к княжне Ольге Николаевне наследного принца Румынии Карола, приехавшего в начале 1914 г. с этой целью в Петербург. В мае начали распространяться слухи о предстоящей свадьбе Карола и Ольги, однако по вине русской стороны помолвка не состоялась. Связав неудавшуюся помолвку Карола и Ольги с начавшейся вскоре войной, поменяв действующих лиц и роли сторон в этой истории, народная молва создала доступную и удобную для понимания в деревенской среде версию.

Архетипический пласт слухов обнаруживается в демонизации российских императриц. Так, например, когда с весны 1915 г. начинается «сахарный голод», рождается слух о том, что весь сахар отправляет в Германию императрица-шпионка (Александра Федоровна в представлениях городских слоев, Мария Федоровна – сельских). Здесь мы наблюдаем в первую очередь повседневный стимул слуха. Однако общее недоверие к императрицам поднималось из архетипического уровня, главным аргументом их предательства выступало утверждение, что они «плачут, когда бьют немцев, и смеются, когда убивают наших», что уходит корнями в мифологические описания природы дьявола. В этой же группе находятся эсхатологические слухи о том, что Николай II – Антихрист, являвшиеся продолжением старообрядческой традиции, а также слухи о «подменном царе». Так, крестьянин Тверской губернии Никита Брюнгин 19 апреля 1915 г. заявил, что «государя императора у нас нет уж четыре года и за него у нас кто-то там правит»⁶. В августе 1915 г. крестьянин Вятской губернии Иван Машковцев рассказывал своим односельчанам: «У нас Николка сбежал; у нашей державы есть три подземельных хода в Германию и один из дворца, быть может туда уехал на автомобиле»⁷.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 211, 426.

⁶ Там же. Л. 99 об. – 100.

⁷ Там же. Л. 261 об. – 262.

Некоторые слухи, оперировавшие архетипическими образами, настолько укоренились в массовом сознании, что превращались в городские легенды. Одним из ярких примеров стал появившийся в 1917 г. слух о «черных авто», сохранявшийся в разных вариациях на протяжении всего XX и даже начала XXI в. («черная маруся», «черный воронок», «черная волга») [Аксенов 2017].

Архетипические слухи-мифемы в большей степени были характерны для необразованных слоев империи, однако усиливавшийся на протяжении Первой мировой войны социально-политический кризис, снижавший доверие к официальной информации и в целом к печатному слову, не без помощи цензурной политики властей способствовал архаизации сознания образованных слоев и проникновению в городскую среду деревенских слухов. Летом 1915 г. Л.А. Тихомиров записал в дневнике произошедший на рынке разговор: «Вот, например, толкуют бабы, крестьянки, привезшие на продажу всякие продукты. Она громко говорит, что везде во власти изменники. На возражение, что не нужно верить этому вздору, – она говорит: “Какой там вздор, царица чуть не каждый день посылает в Германию поезда с припасами; немцы и кормятся на наш счет, и побеждают нас”. Напрасны возражения, что это нелепость, и что физически невозможно посылать поезда... баба отвечает: “Ну уж там они найдут, как посылать”... Ей говорят, неужто она, дура, не понимает, что Государь ничего подобного не допустит? Она отвечает: “Что говорить о Царе, его уже давно нет в России”. – “Да куда же он девался?” – “Известно, в Германию уехал”. – “Да, глупая баба, разве Царь может отдать свое царство немцам?” – Она с апломбом отвечает: “Да ведь он уехал на время – только переждать войну”. Кто распространяет такие чудовищные бессмыслицы? Это вопрос неважный. Могут распространять не только наши революционеры, но даже сами немцы. Но дело не в том, что распространяют, а в том, что верят»⁸. Показательно, что Тихомиров сам подвергался влиянию этих слухов, снижавших рационально-аналитическое восприятие событий. Так, пересказывая поступавшие из деревни абсурдные истории о том, как немецкие шпионы на велосипедах разбегают по деревням и отравляют колодцы холерными вибрионами, а крестьяне, пускавшиеся на лошадях в погоню за велосипедистами, не могли догнать неуловимых врагов, он замечал в дневнике: «Что тут правда – не знаю»⁹.

Если в деревенском пространстве слухов обнаруживается роль сказочной традиции, то в городском пространстве – беллетристики,

⁸ Дневник Л.А. Тихомирова: 1915–1917 гг. М., 2008. С. 95–96.

⁹ Там же. С. 85.

в том числе фантастики, которая на рубеже XIX–XX вв. предсказывала большую европейскую войну. Современные исследователи обращают внимание на то, что художественная литература начала XX в. становилась фактором невротизации городского социума и даже провоцировала рессентимент в массовом сознании [Булдаков 2022; Аксенов 2023]. Художественные образы помогали визуализировать актуальные страхи. В этом отношении интерес вызывают зафиксированные в источниках сновидения, возникающие во время обработки мозгом дневного опыта, в том числе актуальных и не всегда отрефлексированных переживаний. Так, показателен сон, приснившийся археологу В.А. Городцову, который он записал в своем дневнике 12 сентября 1914 г. В этом сне причудливо переплелись сюжеты научной фантастики (чувствуется влияние романа Ж. Верна «Пятьсот миллионов бегумы», в котором описывалось противостояние свободного города Франсевилля и милитаризованного Сталеграда), открытия в области естественных наук, современная международная ситуация и собственные подсознательные страхи автора. Во сне происходило решающее сражение между армией Вильгельма II и защитниками города Новомир. Главный герой, желая получше рассмотреть битву, поднялся со своим дедушкой в небо на аэроплане и увидел, как наступавшая неприятельская армия оказалась вдруг парализованной пущенными из лаборатории Новомира токами¹⁰.

Кроме Ж. Верна воображение читателей потрясали картины, созданные его современником – писателем-художником А. Робидой. В романе «Война в XX веке» была описана высокотехнологичная война, образы которой стали результатом известий о новейших научных экспериментах и слухов об успехах и неудачах ученых. Так, страхи перед опытами биологов, медиков, подсказали писателю сюжет о разработке бактериологического оружия, а популярность эзотерических теорий, коими увлекались даже известные физики, заставляла фантазировать об отрядах боевых медиумов-экстрасенсов. Последние фигурировали в столичных шпионских слухах 1914–1916 гг., причем одним из экстрасенсов-шпионов считали Г. Распутина, который якобы вместе с шайкой немецких агентов подчинил своей воле разум императора и императрицы. О магнетизме Распутина говорили в разных сферах. Князь Ф. Юсупов уверял, что «лицо с такой магнетической силой, как Распутин, появляется раз в тысячу лет»¹¹.

¹⁰ *Городцов В.А.* Дневники ученого: 1914–1918: В 2 кн. Кн. 1. М., 2019. С. 98.

¹¹ Дневник члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича. Рига, 1924. С. 135.

Массовое распространение мистицизма с началом Первой мировой войны способствовало популярности подобных тем.

Разрекламированные беллетристической фантастические способы воздействия на человека таинственных лучей (рентгеновских, лазерных, радиоволн и проч.) с целью убийства, внушения мыслей на расстоянии породили слухи о деятельности в России шпионов-изобретателей. Так, в Департамент полиции стали поступать анонимные доносы на проживавшую в Петрограде на Васильевском острове семью пастора Г. Пенгу. Якобы все члены семьи были шпионами, а сын к тому же изобретателем, который придумал аппарат, позволявший «видеть сквозь стены на далекое расстояние. Посредством своего аппарата он похитил много изобретений, а настоящих изобретателей тайком умертвил на расстоянии. При помощи новых изобретений можно гипнотизировать на расстоянии, распространять болезни, умертвить кого угодно»¹². Проведенное расследование установило, что доносы писал отставной коллежский секретарь Р.М. Сальман, который оказался душевнобольным, однако распространяемые им истории резонировали с массовыми страхами, и пространство слухов (равно как сюжеты доносов) демонстрировало невротизацию обывателей и иррационализацию общественных настроений.

Горожане, поражаясь наплыву абсурдных сплетен, тщетно пытались понять, откуда они берутся, и предполагали существование таинственных «фабрик слухов», организованных внутренними врагами (немецкими шпионами и революционерами). Не в силах их локализовать, современники в конце концов смещали акцент с поиска тайных распространителей на поиск причин их массовой популярности: «Кто распространяет такие чудовищные бессмыслицы? Это вопрос неважный. Могут распространять не только наши революционеры, но даже сами немцы. Но дело не в этом, что распространяют, а в том, что верят...»¹³.

Слухи пугали официальных лиц не только тем, что они дискредитировали власть, становились стимулами политических протестов, но и тем, что провоцировали социальное насилие. По мере ухудшения продовольственного снабжения городов, инфляции в разных частях империи вспыхивали продовольственные погромы, в ряде случаев приобретавшие этнический характер. Наиболее масштабным и резонансным стал московский погром, начавшийся 26 мая 1915 г. с беспорядков, устроенных на Тверской женщинами-солдатками. Они собрались у Комитета великой

¹² ГА РФ. Ф. 102. ДП-ООО. П. 245. Д. 33. Т. 2. Л. 65.

¹³ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 96.

княгини Елизаветы Федоровны в надежде получить работу (шитье для армии), но распространился слух, что заказов не будет, «потому что “немка” великая княгиня отдала все заказы немецкой фабрике “Мандль”» (следует заметить, что заказы действительно были переданы бывшей австрийской фирме «Мандль», которая была преобразована в акционерное общество во главе с графом Татищевым, но по решению не великой княгини, а интендантского ведомства¹⁴). В итоге женщины попытались штурмом взять здание Комитета, но были разогнаны полицией. К другим слухам-стимулам майского погрома следует отнести ксенофобские страхи о том, что немцы организовали взрывы на военных складах, а также что вредители отравили питьевую воду на Прохоровской мануфактуре, где было зарегистрировано тридцать случаев отравления рабочих¹⁵.

8 апреля 1916 г. московский градоначальник напомнил обывателям о существующей ответственности за распространение слухов: «В последнее время в городе все больше распространяются слухи о каких-то готовящихся избиениях или погромах то поляков, то евреев, то просто людей состоятельных и разносе магазинов... напоминаю, что распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу в населении, обязательным постановлением командующего войсками Московского военного округа карается заключением в тюрьме на срок до 3 месяцев или денежным штрафом до 3000 рублей»¹⁶. Но угрозы не помогали, так как слухи распространялись стихийно.

Местами концентрации и последующего распространения слухов становились постоянные скопления людей. В деревне слухи рождались и распространялись в полях во время перерывов сельскохозяйственных работ, в очередях на мельницах во время ожидания помола, в крестьянских избах во время празднования важных событий, в чайных лавках, на сельских сходах и проч. В условиях действующего «сухого закона» возросло досуговое значение чайных лавок, в которых собирались крестьяне не только с целью употребить запрещенный к продаже алкоголь, но и обсудить последние известия. Устраивались совместные чтения газет с их комментированием. В октябре 1915 г. начальнику Воронежского губернского жандармского управления поступило заявление о том, что в селе Мечетке Бобровского уезда местные крестьяне регулярно

¹⁴ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 563.

¹⁵ Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917). СПб., 2017. С. 173 (примеч.).

¹⁶ Дневник Л.А.Тихомирова... С. 218.

собираются в чайной лавке, читают газетные статьи и телеграммы, которые «сопровождаются разными насмешками по отношению высшего начальства и по поводу войны»¹⁷.

В городах местами концентрации слухов становились очереди, рынки, трактиры, государственные и общественные учреждения, а также аристократические клубы. Исследователи указывают на роль светских, в первую очередь правомонархических, салонов в распространении слухов [Стогов 2007; Розенталь 2011]. Л.А. Тихомиров причислял к «творящим силам» Императорский Яхт-клуб, ставя его выше правительства и Думы, подчеркивая его влияние «в придворных сферах»¹⁸. Министерство внутренних дел интересовалось содержанием «клубных разговоров», хотя последние и характеризовались информаторами как басни¹⁹. Однако следует учитывать специфику аристократических сплетен, которые редко становились достоянием широких народных слоев. Великий князь Андрей Владимирович считал, что в городах и местечках, где располагались штабы, именно штаб был «исходной точкой» слухов²⁰. Полковник А.Е. Снесарев, наоборот, считал, что «фабрики слухов» расположены в небольших провинциальных городках недалеко от линии фронта, где отдыхают офицеры и скапливается много подозрительных типов: «Здесь полный тыл, который представляет удивительную для моего глаза картину: карты, вино, женщины. Офицеров масса, и откуда только все они; типы все подозрительные, вероятно, из улизувших с фронта. Здесь-то и плодится масса всяких слухов, растущих на этой благоприятной для них почве»²¹. В качестве примера «штабного слуха» можно привести рассказ князя В.А. Оболенского, возглавлявшего лазарет от «Союза городов»: в одном из штабов Западного фронта его уверяли, что «немцы приспособили к разведочному делу собак и что эти собаки-шпионы рыщут между нашими войсками»²².

¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 245. Д. 33. Т. 4. Л. 436.

¹⁸ См.: Дневник Л.А. Тихомирова... С. 111.

¹⁹ См.: Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 г. // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 8.

²⁰ См.: Дневники, воспоминания, письма великого князя Андрея Владимировича. М., 2018. С. 70.

²¹ Снесарев А.Е. Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012. С. 60.

²² Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники: Воспоминания: 1869–1920. Т. 2. М., 2017. С. 123. Вероятно, поводом к рождению этого слуха стали реальные факты использования немцами собак в качестве санитаров и курьеров.

Хотя термин «слух» этимологически связан с устной неофициальной информацией, тиражирование слухов происходило и посредством печати. Ряд газет, вне зависимости от своей политической направленности, заводил регулярные колонки «слухи и сплетни», в которых отражались общественные фобии. Страх перед «внутренним немцем» проявился в газетах уже в первые дни войны. Наиболее обсуждаемым в светских столичных кругах был растиражированный слух об аресте и казни за шпионаж графини М.Э. Клейнмихель – организовавшей в своем доме аристократический салон и устраивавшей костюмированные балы для ограниченного круга знати. А.И. Спиридович вспоминал, что салон Клейнмихель считали тайным логовом немецких шпионов²³. Говорили, что накануне войны Клейнмихель передала германскому кайзеру в коробке из-под конфет план военной мобилизации, познакомившись с которым Вильгельм II объявил России войну. Газеты сообщали, что вместе с Клейнмихель был казнен бывший градоначальник Д.В. Драчевский (вероятно, поводом к слухам послужила его отставка в июле 1914 г. из-за растраты денежных средств). Со ссылкой на некоего жандармского полковника, присутствовавшего на казни, рассказывали, что графиня Клейнмихель «очень храбро умирала, в то время как Драчевский дрожал от страха и молил о пощаде»²⁴. Эти истории не без любопытства читала в газетах 19 июля 1914 г. сама графиня, сидя на своей даче, а на следующий день во время высочайшего приема в Зимнем дворце обратила внимание, что генерал К.К. Максимович, завидев ее, «сделал такое изумленное лицо, будто перед ним стояло привидение».

Помимо «шпионских» историй и негативных слухов, основанных на общественных страхах, газеты распространяли и «позитивные» слухи, в которых воспевались успехи русской армии на фронте. Правда, по мере затягивания войны обыватели переставали им верить. Москвич Н.П. Окунев иронизировал в своем дневнике по поводу ура-патриотических публикаций прессы, рисовавших ситуацию на фронте в розовом свете: «Должен же я увековечить в своей летописи германского генерала Клука, сражающегося с французами и англичанами. О нем вот как с месяц пишут ежедневно: то он окружен, то разбит со своей армией, то он сдался, то он еще не сдался, но положение его критическое, то он бежит. Ну, одним словом, не было ни одного дня, когда бы этого бедного Клука не

²³ См.: *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция: 1914–1917. Кн. 1. Нью-Йорк, 1960. С. 17.

²⁴ *Клейнмихель М.Э.* Из потонувшего мира: Мемуары. Берлин, 1923.

разбивали и не “пленяли”, но он, как видится, жив и постреливает себе в своих неприятелей»²⁵.

С лета 1915 г. в общественном сознании произошла замена внешнего врага на врага внутреннего. Газеты сообщали о «темных силах». Как правило, под ними имелись в виду «внутренние немцы», но черносотенные издания, например «Земщина» Н.Е. Маркова-2, также акцент делали на еврейском вопросе, обвиняя иудеев в желании разрушить русские самодержавно-православные устои. С этой целью обращалось внимание на различные проявления кризиса повседневности. В частности, когда летом–осенью 1915 г. в столице обнаружился недостаток разменной медной и серебряной монеты (известный как «медный» или «разменный голод»), родилась версия, что все монеты были собраны евреями то ли с целью переправки их в Германию, то ли сохранения до лучших времен. Антисемитизм сочетался с фобиями перед учеными. Появлялись слухи о врачах-вредителях, которые якобы ампутируют без надобности конечности легкораненых русских воинов. В национальных окраинах империи обострялись местные этнические конфликты и появлялись характерные этнофобические сюжеты слухов. В нелояльности подозревали поляков, финнов, прибалтов, татар, кавказцев, персов и другие народы, которым приписывали всевозможные заговоры в интересах неприятеля.

Историк и издатель С.П. Мельгунов во время выступления в московском обществе деятелей периодической печати 28 февраля 1916 г. говорил: «Наша печать за самым малым исключением повинна в тяжком грехе распространения тенденциозных сведений, нервизирующих русское общество, культивирующих напряженную атмосферу шовинистической вражды, при которой теряется самообладание и способность критически относиться к окружающим явлениям»²⁶. С этим были согласны и в Совете министров, причем ответственность возлагали как на правые, так и «левые» издания. На секретном заседании Совета министров 16 августа 1915 г. министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов и государственный контролер П.А. Харитонов признавали, что «“Земщина” и “Русское знамя” вредят не меньше разных “Дней”, “Ранних утр” и т. п. органов»²⁷. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов крайне вредными

²⁵ *Окунев Н.П.* В годы великих потрясений: Дневник московского обывателя: 1914–1924. М., 2020. С. 51.

²⁶ *Мельгунов С.П.* О современных литературных нравах. М., 1916. С. 65.

²⁷ *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г.) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 76. В первоначальных записях А.Н. Яхонтова фраза П.А. Харито-

считал суворинские «Новое» и «Вечернее время», предлагая их «прихлопнуть», однако Харитонов сообщал, что эти две газеты «неприкасаемые», так как находятся под особым покровительством Ставки. Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин предлагал нанести удар по желтой прессе: петроградской и московской «Копейкам»²⁸. В августе 1915 г. во время всеподданнейшего доклада А.В. Кривошеина император «выражал неудовольствие по поводу резкого тона газет и вмешательства их в неподлежащие сферы»²⁹. Как следствие министры обсуждали закрытие крайне правых и крайне левых газет с целью устрашения издателей, а также возможности по ужесточению цензуры, игнорируя тот факт, что именно последняя подстегивала фантазию газетчиков. Не желая допускать независимость «четвертой ветви власти», министры обвиняли всю прессу в «распространении слухов в заведомо агитационных целях». «Особенно надо обратить внимание на статьи, которыми в обществе возбуждаются неосновательные надежды и ожидания. Здесь вранье с расчетом – оповестить, а потом свалить на правительство или, еще хуже, на влияния», – возмущался министр юстиции А.А. Хвостов³⁰.

Разбор основных сюжетов пессимистических политических слухов и их появления в столичном обществе позволяет представить динамику массовых настроений городских слоев. Всего можно выделить 55 распространенных сюжетов, которые относятся к семи общим группам: слухи о царской семье; об измене генералов и членов правительства; о тайной деятельности шпионов; о заговорах и приближающейся революции; ситуация на фронте; «распутини-ада»; бытовые проблемы. При этом по всем группам прослеживаются сквозные мотивы: шпиомания и формы ксенофобии, эсхатологические предчувствия, предчувствия революции. Развитие общественных настроений позволяет связать отдельные городские слухи в единый нарратив. Так, например, можно реконструировать представления обывателей о политической эволюции России сквозь призму августейших семейных отношений: Александра Федоровна, занявшись шпионской деятельностью, изолирует Николая II от генералов и министров, добивается того, что император

нова была лаконичнее: «“Земщина” и “Русское знамя” раздражают» (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 223).

²⁸ См.: Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны... С. 217.

²⁹ Яхонтов А.Н. Указ. соч. С. 75.

³⁰ Там же.

ее назначает регентом, настраивает мужа против Государственной думы, однако когда царь узнает о ее адюльтере с Распутиным, он разводится с царицей, отправляет ее в монастырь и передает Думе часть своей власти (а верховным главнокомандующим делает Брусилова). В этом нарративе можно расставить акценты в соответствии с наиболее популярными жанрами беллетристики: шпионского детектива (основоположником которого в России считался сын «бабушки русской революции» Н.Н. Брешко-Брешковский, эксплуатировавший в своих произведениях массовые слухи и общественные страхи периода Первой мировой войны) и декадентско-мистической драмы, влияние которой обнаруживается на творчестве многих именитых литераторов начала XX в., например Л. Андреева. В первом случае общий сюжет разбавляется техническими деталями (использование шпионских радиостанций, попытки воздействия на разум врагов с помощью радиолучей), посредничеством светских дам М. Клейнмихель, М. Васильчиковой, М. Мекленбург-Шверинской, формировавших шпионские сети; во втором случае, учитывая слухи об успехах Распутина в оккультных таинствах, «темные силы» представлялись не агентами германского генштаба, а посланниками самого дьявола.

Слухи деревенской среды складываются в сказочный нарратив, который можно реконструировать, отталкиваясь от изученной В.Я. Проппом морфологической структуры волшебной сказки [Пропп 1998]. Помимо царя с царицей здесь фигурируют три дочери (вероятно, по причине малолетства не упоминаются Анастасия и Алексей или ввиду известности портрета императорской семьи с тремя царевнами). Завязкой сказочного конфликта становилось неудавшееся сватовство. Упоминание в крестьянском дискурсе «министров-сволочей», которые куда-то ездили, после чего началась война, позволяет интерпретировать данный сюжет в качестве важного морфологического элемента сказки – козней антигероя. Этот антигерой, находящийся при дворе и манипулирующий императором, соответствует сказочному «ложному герою». Часто в сказках роль ложного героя отводится злой мачехе, однако встречаются варианты, когда и родные родители выступают отрицательными персонажами и стараются сгубить своих детей. При отсутствии в семье российского императора мачехи ее сказочная роль переходит к императрице-матери Марии Федоровне или императрице-супруге Александре Федоровне. Антагонисты, по мнению крестьян, либо шпионили в пользу Германии, либо вели дискредитирующий царскую династию распутный образ жизни (прикидываясь сестрой милосердия, царица вывозит своих дочерей из дворца и развращает их). Царь-дурак, лежащий на печи и не видящий того, что творят

под его носом ложные герои, наделяется отрицательными характеристиками и, по логике сказочного нарратива, должен быть либо изгнан (слухи о бегстве по подземному ходу), либо убит (слухи о покушениях). Третьим обобщающим вариантом окончания сказочной роли Николая выступает его ослепление, семантически связанное со смертью и попаданием в ад. Правда, в других вариантах этого сказочного дискурса царь выступал главным антигероем (слухи о том, что Николай – это царь-Ирод, Антихрист), отправлявшим своего слугу на смертельные испытания. В сказках этот сюжет также заканчивался победой простоватого Иванушки-дурачка над злым царем [Аксенов 2014]. Сравнение городских и деревенских руморологических нарративов обнаруживает противопоставление образов августейших особ. Так, императрица, считавшаяся крестьянами распутной, в городском фольклоре становится сумасшедшей, а Николай II, представляемый крестьянами в образе алкоголика, в городе превращается в наркомана.

Слухи поражали не только обывательские слои, но и захватывали органы власти, становясь фактором политики. Летом 1915 г. министры на секретных совещаниях обсуждали слухи о том, что Земгор создает собственную армию с «300 бронированными автомобилями», а некоторые депутаты Государственной Думы склонялись к мысли, что МВД готовит на улицах провокации, чтобы жестоко их подавить и еще больше ограничить свободы общества. «Шингарев выразил убеждение, что Маклаков занимается провокацией, стараясь вызвать недовольства и беспорядки, чтобы построить свою карьеру на подавлении их. Я сам почти уверен, что это так», – писал в своем дневнике петроградский городской голова И.И. Толстой весной 1915 г.³¹ Когда в десятых числах сентября 1915 г. в Москве начались рабочие беспорядки, некоторые современники были уверены в том, что побоище 14 сентября на Страстной площади было организовано градоначальником Е.К. Климовичем: якобы заранее к памятнику А.С. Пушкина свезли груды камней, а у Страстного монастыря в засаде засела полиция, ожидая трамвайную провокацию с участием солдата-георгиевского кавалера. Смысл этих действий усматривали в том, чтобы, спровоцировав революционный бунт, заключить сепаратный мир³². По другой версии, провокация была организована из Петрограда с целью разгромить московское общественное движение.

Нервозные настроения и чувство неопределенности охватили депутатов после думских демаршей ноября 1916 г. Кулуарно

³¹ ГА РФ. Ф. 102. ДП-ООО. П. 245. Д. 33. Т. 2. Л. 65.

³² Дневник Л.А. Тихомирова... С. 96.

обсуждали слухи о том, что к Таврическому дворцу будут стянуты войска и Дума будет окончательно закрыта, обсуждали информацию о подготовке убийства П.Н. Милокова, говорили о том, что осталось лишь два варианта: император распустит либо Думу, либо правительство и пр.³³ Депутат-кадет В.В. Лашкевич, когда шел в Думу 2 ноября, был уверен, что она уже закрыта³⁴. Член Государственной Думы М. Воронков писал 30 ноября 1916 г.: «Неопределенность сидеть в Питере. Есть такое предположение, что каждая фракция запретила своим членам разбегаться по домам. Последние дни передавали слухи о возможности образования общественного кабинета, но теперь все меньше и меньше верят. Положение действительно напряженное, в верхах какие-то комбинации зревают, но об истинных намерениях ничего неизвестно. Упорно говорили, что предполагается высокаторжественное совместное заседание Думы и Совета в присутствии государя»³⁵.

Погрязшую в слухах и сплетнях Думу изобразил в декабре 1916 г. художник А. Радаков. На его карикатуре «Наша зоология» в образе летучей мыши под сводами Таврического дворца парил депутат П. Крупенский, который отличался тем, что «все время перепархивает от депутатов к министрам и обратно – со всеми шепчется и переносит туда и сюда разные вести и сплетни»³⁶. Как впоследствии выяснилось, Крупенский был платным осведомителем Департамента полиции и внес свою лепту в «заражение» сознания властей конспирологическими слухами.

В декабре 1916 – январе 1917 г. политическая ситуация в стране окончательно вышла из-под контроля власти, пребывавшей в полной растерянности и питавшейся, как и все общество, слухами. В основе этих слухов лежали страхи, в том числе перед Государственной Думой. Конспирологическое сознание, оживающее тогда, когда теряется связь с реальностью, рисовало картины думского заговора. Петроградское охранное отделение со ссылкой на слухи сообщало: «Передают, как слух, о том, что накануне минувших рождественских праздников или в первые дни таковых состоялись якобы какие-то законспирированные совещания представителей левого крыла Государственного совета и Государственной думы»³⁷.

³¹ См.: *Толстой И.И.* Дневник: 1906–1916. СПб., 1997. С. 611.

³² См.: *Городицов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 476–477.

³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1401; Д. 1058. Л. 891, 899.

³⁴ Там же. Д. 1059. Л. 904.

³⁵ Там же. Д. 1064. Л. 1403.

³⁶ *Радаков А.А.* Наша зоология // Новый Сатирикон. 1916. № 50. С. 8.

³⁷ Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 161.

Тем самым слухи становились источником информации для исполнительных органов власти, определяя их последующие шаги. В другой записке петроградская охранка пыталась реконструировать планы Государственной Думы по организации переворота, ссылаясь на сообщение агента о проходившем 30 декабря 1916 г. совещании у П.П. Рябушинского: якобы после роспуска Государственной Думы она планирует переехать в Москву и оттуда обратиться к народу с воззванием о том, что правительство ведет страну к гибели. Организацией распространения воззвания на фронте должен был заняться А.И. Гучков³⁸. В начале февраля 1917 г. представители консервативных кругов пугали друг друга в письмах слухами о том, что П.Н. Милюков собирается захватить в стране власть³⁹.

Слухи о секретных совещаниях депутатов, вместе с информацией о деятельности рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, приводят к версии об их тесной связи. Накануне ареста рабочей группы 26 января 1917 г. Глобачев передает информацию, полученную от агентов, что рабочей группой ЦВПК управляют Родзянко и Милюков (*sic!*), которые с ее помощью пытаются организовать 14 февраля, в день открытия Думы, шествие к Таврическому дворцу, во время которого народ должен потребовать от Думы создать Временное правительство, или «правительство спасения»⁴⁰. В докладе сообщалось, что Гучков с князем Львовым считают «мечты о захвате власти при содействии демонстративно выступивших масс населения неосуществимыми», поэтому они разработали план, основанный на «уверенности в неизбежности “в самом ближайшем будущем” дворцового переворота, поддержанного всего-навсего лишь одной-двумя сочувствующими этому перевороту воинскими частями»⁴¹. Эти же слухи приводил в своем докладе и градоначальник А.П. Балк. Эта ошибочная информация приводит к ошибочным действиям властей, которые лишь приближают трагическую развязку: ликвидация рабочей группы, созданной для разрешения конфликтов рабочих с заводской администрацией, делает невозможным мирный исход забастовки на военном Путиловском заводе, результатом чего стал локаут 22 февраля, выбросивший на улицу 36 тысяч человек, которые на следующий день присоединились к забастовке женщин-работниц, требовавших хлеба. Считая именно Думу виновной в начавшихся 23 февраля беспорядках, император распоряжается ее распустить,

³⁸ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 165.

³⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 45.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669а. Л. 12–19.

⁴¹ Там же. Л. 14.

что переводит депутатов на сторону восставших. Тем самым в январе – феврале 1917 г. слухи стали значимым стимулом действий властей, реализуя упомянутую функцию «самоосуществляющегося пророчества». Напуганные предчувствиями грядущей революции власти, поверив слухам о заговорах в Государственной Думе, ЦВПК, бросили силы на «предотвращение» революции, чем только ускорили ее приближение.

Таким образом, слухи, являясь естественной структурой повседневности, выполняют разнообразные функции в жизни общества. Однако в кризисные периоды истории, когда нарушается доверие между властью и обществом, важную роль в чем играет государственная цензурная политика, происходит ограничение общественных свобод, разрастается информационный кризис, проявляющийся в повышении удельного веса устной, неофициальной информации, носящей дискредитирующий власть характер. Переход слухов с повседневного уровня на уровень политической делает их важным фактором политики, предопределяющим ошибочные стратегии власти и общества, которые ведут к революции.

Литература

- Аксенов 2014 – Аксенов В.Б. «Сказка о царе и мировой войне», или Опыт реконструкции мифологического дискурса российских крестьян в 1914–1917 гг. // Acta Slavica Iaponica. 2014. Vol. 34. P. 17–47.
- Аксенов 2017 – Аксенов В.Б. «Черное авто» как символ революционного насилия в 1917 г.: фобия, мифологема, эмоциональный стимул // Антропологический форум. 2017. № 32. С. 112–141.
- Аксенов 2020 – Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. 992 с.
- Аксенов 2023 – Аксенов В.Б. Война патриотизмов: пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М., 2023. 488 с.
- Булдаков 1997 – Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 965 с.
- Булдаков, Леонтьева 2015 – Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. 720 с.
- Булдаков 2018 – Булдаков В.П. Метанарративы и микронарративы Русской революции: к переосмыслению сложившихся представлений // Столетие русской революции 1917 г. и ее значение в мировой истории и культуре. Будапешт: Russica Pannonica, 2018. С. 77–90.
- Булдаков 2022 – Булдаков В.П. У истоков Первой мировой войны: смута в европейских умах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2022. № 2 (62). С. 5–27.

- Гайлит 2018 – *Гайлит О.А.* Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4 (20). С. 45–52.
- Колоницкий 1999 – *Колоницкий Б.И.* К изучению механизма десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999. С. 72–86.
- Колоницкий 2010 – *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 664 с.
- Побережников 1995 – *Побережников И.В.* Общественные настроения в уральской деревне XVIII–XIX вв.: опыт классификации слухов // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 58–73.
- Поппер 1992 – *Поппер К.* Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 49–79.
- Пропп 1998 – *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М., 1998. 224 с.
- Розенталь 2011 – *Розенталь И.С.* Политические клубы, кружки, салоны // Очерки русской культуры: конец XIX – начало XX в. Т. 2: Власть. Общество. Культура. М., 2011. С. 161–201.
- Стогов 2007 – *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2007. 310 с.
- Allport, Postman 1947 – *Allport G., Postman L.* Psychology of rumor. N.Y.: Henry Holt and Company, 1947. 269 p.
- Кнапп 1944 – *Knapp R.* A psychology of rumor // Public Opinion Quarterly. 1944. № 8 (1). P. 22–37.
- Merton 1968 – *Merton R.K.* Social theory and social structure. N.Y.: Simon and Schuster, 1968. 702 p.
- Shibutani 1966 – *Shibutani T.* Improvised news. A sociological study of rumor. Indianapolis, 1966. 262 p.
- Tesich 1992 – *Tesich S.* A government of lies // Nation. 1992. Vol. 254. No. 1. P. 12–14.
- Thomas 1928 – *Thomas W.I., Thomas D.S.* The child in America: Behavior problems and programs. New York: Knopf, 1928. 583 p.

References

- Aksenov, V.B. (2014), “The tale of the tsar and the World War, or the experience of reconstructing the mythological discourse of Russian peasants in 1914–1917”, *Acta Slavica Iaponica*, vol. 34, pp. 17–47.
- Aksenov, V.B. (2017), “ ‘Black auto’ as a symbol of revolutionary violence in 1917. Phobia, mythologeme, emotional stimulus”, *Antropologicheskii forum*, no. 32, pp. 112–141.
- Aksenov, V.B. (2020), *Slukhi, obrazy, emotsii: massovyie nastroeniya rossiyan v gody voiny i revolyutsii (1914–1918)* [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the war and revolution (1914–1918)], Moscow, Russia.

- Aksenov, V.B. (2023), *Voina patriotizmov: propaganda i massovye nastroyeniya v Rossii perioda krusheniya imperii* [The war of patriotisms. Propaganda and mass attitudes in Russia during the collapse of the empire], Moscow, Russia.
- Buldakov, V.P. (1997), *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red Troubles. The nature and consequences of revolutionary violence], Moscow, Russia.
- Buldakov, V.P. and Leont'eva, T.G. (2015), *Voina, porodivshaya revolyutsiyu* [The war that spawned the revolution], Moscow, Russia.
- Buldakov, V.P. (2018), "Metanarratives and micronarratives of the Russian revolution. On a rethinking of established perceptions", in *Stoletie russkoi revolyutsii 1917 goda i ee znachenie v mirovoi istorii i kul'ture* [The centenary of the Russian revolution of 1917 and its significance in world history and culture], Russica Pannonicana, Budapest, Hungary, pp. 77–90.
- Buldakov, V.P. (2022), "At the origins of the First World War. Turmoil in European minds", *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"*, vol. 62, no. 2, pp. 5–27.
- Gailit, O.A. (2018), "Research possibilities of rumors and issues of their study in the works of modern historians", *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, vol. 20, no. 4, pp. 45–52.
- Kolonitskii, B.I. (1999), "Towards the study of the mechanism of monarchy decentralization (Rumors and 'Political pornography' during the First World War)", in *Istoriik i revolyutsiya* [Historian and revolution], Saint Petersburg, Russia, pp. 72–86.
- Kolonitskii, B.I. (2010), *"Tragicheskaya erotica": obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny* ["Tragic erotica". Images of the imperial family during the First World War], Moscow, Russia.
- Poberezhnikov, I.V. (1995), "Public sentiments in the Ural village of the 18th – 19th centuries. An experience of rumors classification", *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 58–73.
- Popper, K. (1992), "The poverty of historicism", *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 49–79.
- Propp, V.Ya. (1998), *Morfologiya volshebnoi skazki* [The morphology of the fairy tale], Moscow, Russia.
- Rozental', I.S. (2011), "Political clubs, circles, salons", in *Ocherki russkoi kul'tury: konets XIX – nachalo XX veka. T. 2: Vlast'. Obshchestvo. Kul'tura* [Essays on Russian culture. Late 19th – early 20th c. Vol. 2: Power. Society. Culture], Moscow, Russia, pp. 161–201.
- Stogov, D.I. (2007), *Pravomonarkhicheskie salony Peterburga-Petrograda (konets XIX – nachalo XX veka)* [Right-monarchical salons of St. Petersburg-Petrograd (late 19th – early 20th century)], Saint Petersburg, Russia.
- Allport, G. and Postman, L. (1947), *Psychology of rumor*, Henry Holt and Company, New York, USA.
- Knapp, R. (1944), "A psychology of rumor", *Public Opinion Quarterly*, vol. 1, no. 8, pp. 22–37.

- Merton, R.K. (1968), *Social theory and social structure*, Simon and Schuster, New York, USA.
- Shibutani, T. (1966), *Improvised news. A sociological study of rumor*, Indianapolis, USA.
- Tesich, S. (19920, "A government of lies", *Nation*, vol. 254, no. 1, pp. 12–14.
- Thomas, W.I. and Thomas, D.S. (1928), *The child in America. Behavior problems and programs*, Knopf, New York, USA.

Информация об авторе

Владислав Б. Аксенов, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, Москва, Россия; 117292, Россия, Москва, ул. Д. Ульянова, д. 19; vlaks@mail.ru

Information about the author

Vladislav B. Aksenov, Dr. of Sci. (History), Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 19, D. Ulyanov St., Moscow, Russia, 117292; vlaks@mail.ru

УДК 17.024.1:821(470)
DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-125-138

Категория *совесть*
в советской литературе 1920-х гг.
(на материале романа А.А. Фадеева «Разгром»)

Михаил П. Одесский
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. В статье демонстрируется различие двух интерпретаций *совести* – традиционной и послереволюционной. В первом случае *совесть* – внутреннее различие добра и зла (В.И. Даль), которое присутствует у каждого человека. Во втором случае *совесть* – «ответственность за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» (С.И. Ожегов). Автор статьи показывает, что в романе А.А. Фадеева «Разгром» положительные персонажи эволюционируют в направлении от первой интерпретации *совести* ко второй интерпретации.

Ключевые слова: советская литература, категория *совесть*, А.А. Фадеев, «Разгром», В.И. Даль, С.И. Ожегов

Для цитирования: Одесский М.П. Категория *совесть* в советской литературе 1920-х гг. (на материале романа А.А. Фадеева «Разгром») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 125–138. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-125-138

The category of *conscience*
in Soviet literature of the 1920s
(on the material of A. Fadeev's novel "The Debacle")

Mikhail P. Odesskii
*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The article demonstrates the difference between two interpretations of *conscience* – traditional and post-revolutionary. In the first case, *conscience* is the inner distinction between good and evil (V. Dal'), which is present in every person. In the second case, *conscience* is "responsibility for one's behavior to other people, society" (S. Ozhegov). The author of the article shows that in A. Fadeev's novel "The Debacle" positive characters evolve in the direction from the first interpretation of *conscience* to the second interpretation.

© Одесский М.П., 2023

Keywords: Soviet literature, category of *conscience*, A. Fadeev, “The Debaclе”, V. Dal’, S. Ozhegov

For citation: Odesskii, M.P. (2023), “The category of *conscience* in Soviet literature of the 1920s (on the material of A. Fadeev’s novel ‘The Debaclе’)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 125–138, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-125-138

Русское слово «совесть» – древнее: это славянизм, искусственно созданный в качестве кальки греческого слова «συνείδηση»¹. Приставка «со» – калька греческой приставки «συν», а греческий корень «-είδηση» может передаваться как «ведение», «знание». В данном докладе рассматривается не вся история слова «совесть», а только его семантические трансформации, отразившие переворот 1917 г. и построение советского социума.

Как известно, авторитетные толковые словари не только фиксируют лексический узус, но одновременно диктуют его, определяют норму.

В качестве отправной точки, позволяющей демонстрировать дальнейшую эволюцию слова «совесть» в XX в., целесообразно принять «Толковый словарь живого великорусского языка» (1863–1866) В.И. Даля:

СОВЕСТЬ ж. (род) нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития. *Робка совесть, поколе не заглушишь ее. От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь. Совесть мучит, снедает, томит или убивает. Угрызение совести. У кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится. Беззуба, а с костями сгложет (или съест), совесть. Делай по совести, честно. Мы на совесть сделались, полагаясь на нее взаимно. Брать что на совесть, на свой нравственный ответ. Это у меня лежит на совести, сознаю себя должником, обязанным исполнить что. Надобно же и совесть знать, на все есть мера. <...>*².

¹ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб.: Азбука; Терра, 1996. Т. 3. С. 705.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1980. Т. 4. С. 256–257.

А вот – для сопоставления – дефиниция в однотомном «Словаре русского языка» (1949) С.И. Ожегова:

СОВЕСТЬ, -и, ж. Чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом. *Люди с чистой совестью. С. нечиста у кого-н. Со спокойной совестью делать что-н.* (будучи уверенным в своей правоте). *Угрызения совести. Поступить по совести* (как требует совесть). <...> *Этот поступок лежит на его совести* (он несет за это моральную ответственность). *На с. сделать* (добросовестно, хорошо). *Для очистки совести* (чтобы потом не винить себя в чем-н.). *По совести говоря* или *по совести* (вводн. сл.; говоря откровенно). *Надо и с. знать* (о чем-н. предосудительном: пора прекратить). *И как только у него совести хватило!* (как он не постыдился, не постеснялся)³.

Очевидно, что различия словарных определений – существенные, и не столько научные, сколько мировоззренческие. Можно даже утверждать, что в данном случае приходится говорить о двух интерпретациях «совести» – так сказать, «Совесть I» и «Совесть II» (табл. 1).

Таблица 1

<i>Совесть I (В.И. Даль)</i>	<i>Совесть II (С.И. Ожегов)</i>
«внутреннее сознание добра и зла»; «тайник души»	интериоризированное внешнее сознание – «нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» (ср. советский лозунг «Совесть – лучший контролер»)
вертикальное измерение сознания – «невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда»; в пределе – противостояние «окружающим людям, обществу» и единство с Богом	горизонтальное измерение сознания – единство с «окружающими людьми, обществом»

Соответственно, задача данной статьи – исследовать конфликт двух интерпретаций «совести», наглядно зафиксирован-

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1988. С. 605.

ный в хрестоматийном романе А.А. Фадеева «Разгром» (отдельное изд. – 1927)⁴.

* * *

«Разгром» – несмотря на острую литературную борьбу и принадлежность автора к агрессивной группе рапповцев – получил немедленное признание. Это было обусловлено успешным решением Фадеевым многоуровневых задач.

На первом уровне – беллетристическом, жанровом, сюжетном – построение романа о недавней Гражданской войне реализует привычную авантюрную схему – в духе романов об индейцах (которые Фадеев в юности читал): отряд «наших» ведет тяжелые бои с «чужими», многие персонажи погибают, но оставшиеся добиваются до спасительной цели. Динамичный событийный ряд включает батальные эпизоды, жестокость, эротику, используется грубая лексика. Вместе с тем – отметил в положительной рецензии оппонент рапповцев А.К. Воронский – «писателя интересует внутренний мир героев»⁵, что также способствовало читательскому успеху.

На втором уровне – идеологическом – автор показывает, что великая революция предполагает страдания и гибель многих. В романе красный партизанский отряд, руководимый коммунистом Левинсоном, отступает под давлением превосходящих сил врага; Левинсон выполняет приказ – не одержать решительную победу, но сохранить «боевые единицы», отступить и спасти отряд; в финальной главе в живых осталось всего 19 человек (Левинсон жив, а центральный персонаж Морозка убит). Тем не менее – благодаря всем перенесенным мукам – в конечном счете революция обязательно победит, и хотя отряд разгромлен, но сохранен в качестве «боевой единицы», то есть приказ выполнен. Локальное поражение трансформируется в универсальную победу.

Однако в «Разгроме» присутствует и третий смысловой уровень – антропологический. Ведь великая революция должна быть не узкоэкономической или социальной, но обязательно – антропологической. Ее цель и результат – создание нового человека.

Коммунист Левинсон ставит перед собой задачу – не только любой ценой сохранить «боевую единицу», но также – создать «нового, прекрасного, сильного и доброго человека». Равным образом, сам Фадеев – в позднейшей статье, содержавшей авторские

⁴ Роман цит. по изд.: *Фадеев А.А. Разгром* // Фадеев А.А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1979. С. 51–206.

⁵ *Воронский А.К. Избранные статьи по литературе* / Сост. Г.А. Воронская. М.: Худ. лит., 1982. С. 254.

комментарии к роману – выдвигал на первое место именно антропологический аспект революции и Гражданской войны:

Первая и основная мысль: в гражданской войне происходит отбор человеческого материала, все враждебное сметается революцией, все не способное к настоящей революционной борьбе, случайно попавшее в лагерь революции, отсеивается, а все поднявшееся из подлинных корней революции, из миллионных масс народа закаляется, растет, развивается в этой борьбе. Происходит огромнейшая переделка людей.

Эта переделка людей успешно происходит потому, что революцией руководят передовые представители рабочего класса – коммунисты, которые ясно видят цель движения и которые ведут за собой более отсталых и помогают им перевоспитываться⁶.

Если приложить авторские комментарии к системе персонажей «Разгрома», то реконструируется жесткая классификация человеческих типов.

Модель «нового человека» у Фадеева – как и у многих других социалистов – основана на двух критериях. Это – 1) классовое происхождение и 2) приобретенное мировоззрение, сознание. В «Разгроме» партизаны – потенциальные «новые люди» – антропологически разделены на четыре типа, 5-й тип – откровенные «враги» (табл. 2).

Таблица 2

Антропологический тип	Персонаж	Классовое происхождение, «человеческий материал»	Сознание
1.	Левинсон	еврей; «человек особой, правильной породы»	Коммунистический вождь, воплощение «осмысленного и решительного действия»; все ради «дела»; «вести за собой других людей можно, только указывая им на их слабости и подавляя, пряча от них свои»; способность «управлять событиями»

⁶ Фадеев А.А. Мой литературный опыт – начинающему автору // Фадеев А.А. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худ. лит., 1960. Т. 4. С. 103.

Окончание табл. 1

Антропологический тип	Персонаж	Классовое происхождение, «человеческий материал»	Сознание
2.	Бойцы-шахтеры, «угольное племя»	трудовое происхождение (оптимально – пролетарское)	«важный инстинкт», по которому все ... оправдано своей конечной целью»
3.	Морозка	пролетарское происхождение	«необдуманная» жизнь – «враг сидит в нем самом», мешающий ему осознать «конечную цель»
4.	Мечик	интеллигент; «чистенькие», «непостоянные, никчемные люди»; «никчемный пустоцвет»; ср. реплику другого персонажа, разумеется, отвратительного: «...скучно – интеллигентных людей тут мало»	вместо убеждений – поверхностная имитация, «натященные ими неизвестно откуда фальшивые, крашенные слова и поступки»; ср.: «ворох всяких добрых и жалостливых мыслей и чувствований»
5.	Белые офицеры, «человек в жилетке»	дворяне, деревенские богачи	коварные и жестокие враги, изображенные со стороны, без аналитики

При советской власти процесс формирования «нового человека» позиционировался как элемент коммунистической управленческой модели. Коммунистическая модель была нацелена как на управление социумом в целом, так и на управление «переделкой людей». А значит, процесс формирования «нового человека» предполагает, с одной стороны, наличие большинства – «человеческого материала», из которого формируются «новые люди», с другой же – меньшинства, коммунистов, которые управляют этим процессом и тем самым оказываются вне его.

Фадеев пишет в романе: «“Видеть все так, как оно есть, для того, чтобы изменять то, что есть, и управлять тем, что есть”, – вот к какой самой простой и самой нелегкой мудрости пришел Левинсон». По наблюдению специалиста-текстолога, с середины 1940 г. в результате авторской редакции этот фрагмент принял такой вид:

«Видеть все так, как оно есть – для того, чтобы изменять то, что есть, *приближать то, что рождается и должно быть*», – вот к какой самой простой и самой нелегкой мудрости пришел Левинсон. <...> Характерна реакция на это А.Т. Твардовского <...>: «...А Фадеев! Как он переделывал отличную, лучшую свою книгу “Разгром”. <...> Как ужасен в нем был этот алкоголический романтизм, которым он увлекся в угоду времени, и не только времени» [Гришунин 1998, с. 53–56].

Первоначально было жестче, трезвей, с установкой на данность: «то, что есть», без *«приближать то, что рождается и должно быть»*.

В мыслях Левинсона увязаны обе составляющие антропологической революции: и «человеческий материал» – «то, что есть», и способ «переделки» – «управлять». Но специфика «Разгрома» заключается в том, что для Фадеева отнюдь не первый тип, тип вождей-управленцев помещен в центр художественного изучения: они, так сказать, слишком идеальны и принадлежат к «особой, правильной породе» (символично – в «Разгrome» в качестве вождя фигурирует «чужой», еврей). Аналогично и второй тип – сознательные пролетарии – в определенной степени оказывается на периферии писательского интереса как близкий к идеалу.

Напротив, писатель тщательно анализирует то большинство, которое превращается в «новых людей», обретая правильное же сознание. Соответственно, с антропологической точки зрения принципиально занимательны третий и четвертый типы. В комментариях к «Разгрому» автор поясняет: для «переделки людей» надо, чтобы 1) Морозка и те, кто из «подлинных корней революции» (третий тип), отказались от «необдуманной» жизни, обрели правильное сознание и поднялись до второго типа, а 2) Мечик и интеллигенты (четвертый тип) – с их непролетарским происхождением – ушли бы из революции и из истории (они «отсеиваются»).

Наконец, в своих комментариях Фадеев высказался о судьбе пятого типа: враги обречены на безоговорочное уничтожение («все враждебное сметается») и автора они совершенно не занимают.

Суммируя: автор «Разгрома», в отличие от утопически настроенных мечтателей, делает акцент не на футурологической цели – «новом человеке» будущего, а на тех людях настоящего, которые предоставляют «человеческий материал» для будущего. Процесс переделки их в «новых людей» контролируется коммунистами, и можно сказать, что «переделка людей» даже важнее для Фадеева, чем политическая или военная победа.

Потому в финале «Разгрома» Левинсон, вырвавшись из окружения с девятнадцатью бойцами, готов не только продолжать вооруженную борьбу, но и фабриковать – очередных «новых людей»:

Левинсон обвел молчаливым, влажным еще взглядом это просторное небо и землю, сулившую хлеб и отдых, этих далеких людей на току, которых он должен будет сделать вскоре такими же своими, близкими людьми, какими были те восемнадцать, что молча ехали следом, – и перестал плакать; нужно было жить и исполнять свои обязанности.

* * *

Реконструировав логику «Разгрома», теперь правомерно сформулировать основной тезис статьи: становление «нового человека» есть – при условии пригодности «человеческого материала» – обретение правильного сознания, что есть собственно замена «Совести I» на «Совесть II». Эта идея пронизывает несколько ударных эпизодов романа.

В начале «Разгрома», пока отряд еще на отдыхе, Морозка крадет дыни у крестьян, которые поддерживают партизан, – крадет не по злему умыслу, а «необдуманно», по озорству. Левинсон собирает отряд, Морозку все осуждают, особенно – бойцы-шахтеры, ведь он подрывает солидарность мирного населения и партизан. Морозка болезненно переживает то, что говорят товарищи, и полностью согласен с ними. Но когда начинается отступление, то сам Левинсон в изменившихся экстремальных условиях «угонял коров, обирал крестьянские поля и огороды». Он тоже ворует, однако – в противоположность Морозке – ради коллектива, и это – совсем другое дело. Иными словами, если «Совесть I», движимая «невольной любовью к добру и к истине», внушает человеку «Не укради!», то «Совесть II» на общий вопрос «можно ли воровать?» не отвечает: в силу «нравственной ответственности за свое поведение перед... обществом» – нельзя воровать (когда это компрометирует отряд), и можно, когда отряд голодает.

Глава 11-я («Страда») содержит целый ряд жестоких поступков Левинсона, показанных – нарратологически – с точки зрения интеллигента Мечика, который, согласно комментариям Фадеева,

весьма «морален» с точки зрения десяти заповедей: он «искренен», «не прелюбодействует», «не крадет», «не ругается», но эти качества остаются у него внешними, они прикрывают его внутренний эгоизм, отсутствие преданности делу рабочего класса, его сугубо мелкий индивидуализм⁷.

⁷ Фадеев А.А. Мой литературный опыт – начинающему автору. С. 103–104.

У бедного крестьянина-корейца Левинсон отбирает последнюю свинью; Левинсон обрек семью корейца на голодную смерть, но накормил партизан. Жестокость по отношению к беззащитному тревожит «Совесть I» у Мечика, но Фадеев разоблачает нравственное чувство своего персонажа. «Нет, нет, это жестоко», – думает Мечик, но свинину ест, «потому что был голоден».

Левинсон приказывает отравить раненого партизана: шансов выжить нет, а взять его с собой отступающий отряд не может. Мечик, случайно подслушавший это, снова испытывает угрызения «Совести I», гласящей теперь «Не убий!». Узнав о приказе, Мечик кричит: «Обождите!.. Что вы делаете?..» Однако решение командира продиктовано ответственностью перед коллективом, и поведение Мечика все равно ничего не меняет: раненый только испытывает дополнительные страдания, поняв, в чем дело, но, осознавая нравственную обоснованность своей ликвидации, мужественно принимает яд.

Левинсон приказывает расстрелять представителя «врагов» – безымянного «человека в жилетке», который ранее помог белым убить партизана. Мечик не вмешивается, но приходит в ужас от убийства врага, и это опять – проявление «Совести I»: «...Они убили его, этого человека в жилетке <...> А он, наверно, плакал, бедный человек в жилетке...» И Фадеев опять дискредитирует подобную мотивировку. Оказывается, Мечик не просто не вмешался в расстрел, но и думал в конечном счете – о себе: «Они убьют и меня рано или поздно Но я и так не живу – я точно умер <...>».

В итоге тот самый Мечик, который находился в диалоге с «Совестью I», превращается в предателя. Более того, совершив предательство, Мечик не страдает, а приходит к выводу, что совести вообще не существует:

«А не все ли равно?» – вдруг подумал Мечик с той прямоотой и трезвостью, которую он теперь сам умел находить под ворохом всяких добрых и жалостливых мыслей и чувствований.

«Совесть I» не «тайник души», а фантом, «ворох всяких добрых и жалостливых мыслей и чувствований», оправдывающий самообман представителей четвертого, «никчемного типа». Напротив, Морозка без колебаний приносит себя в жертву во имя коллектива, что и есть подлинно нравственный поступок – регулируемый «Совестью II».

Итак, чтобы стать «новым человеком» – надо обрести правильное сознание, а значит, надо сделать прививку «Совестью II».

Завершая сопоставление двух интерпретаций «совести» в романе «Разгром», продуктивно заметить: отмена «Совести I»

жестко связана с отменой Бога. В романе Фадеева эта тема не развернута, но узнаваемо намечена. Например, когда бойцы хотят проверить, хорошо ли стреляет Мечик, ему предлагают в качестве мишени крест на часовне. Левинсон отговаривает подчиненных – по соображениям политической тактичности, а сам уверен, что новый человек необходим постольку, поскольку прежде люди верили в «злого и глупого бога», терпели насилие и обман и порождали человеческий «никчемный пустоцвет» вроде Мечика. Наконец, в последнем «религиозном» эпизоде соблазнительно заподозрить даже своего рода проговорку. Партизаны предлагают расстрелять священника просто за то, что был рад белым, Левинсон же останавливает товарищей: «Отпустите его, – ну его к черту!» Слова – многозначительные: с одной стороны, фразеологизм, имеющий переносный смысл «Не хочу иметь с ним дело!», с другой – если буквально – «Пусть священник идет к дьяволу!».

* * *

Борьба Фадеева с «Совестью I» разворачивается в романе «Разгром» как в плане нарратологии, так и в языковом плане.

Во-первых, в этом романе о совести слово «совесть» отсутствует в эпизодах, важных для авторского послания (вроде встречи Мечика с «Совестью I»), а всплывает исключительно во второстепенных эпизодах (шесть случаев).

Во-вторых, когда оно встречается, то никогда не обозначает «Совесть I».

Три примера позволяют толковать «совесть» как боязнь общественного мнения (сниженный вариант «Совести II»): 1) Морозку упрекнули, что он не в боевой части, а при штабе; упрек, по мнению самого персонажа, справедливый – ведь он не подвергает себя опасности ради коллектива, поэтому он может только беспомощно кричать «Совесть моя где?!»; 2) далее Морозка просит перевести его в боевую часть и объясняет: «Да долго рассказывать – очертело мне, поверь совести...»; 3) Морозка ревнует жену к Мечику (неоправданно) и ожидает с боязнью, «не покажутся ли две их совестливо крадущиеся фигуры?».

Три примера фиксируют некий дополнительный смысл (учтенный С.И. Ожеговым), когда «совесть» – это «добросовестно, хорошо»: 1) боец-партизан удивлен, как Мечику хватило «совести довести ее (лошадь. – М. О.) до такого (ужасного. – М. О.) состояния»; 2) в другом эпизоде партизан «на совесть гнал жеребца»; 3) в бою Мечик «вместе со всеми на совесть старался догнать врага» (во втором и третьем примерах «на совесть» – вообще наречие).

Показательно, что в личной переписке Фадеев употреблял слово «совесть» в смысле «добросовестно, хорошо», да еще и заключал в скобки. Так, 15 сентября 1955 г. – незадолго перед гибелью – он успокаивал корреспондента, что не забыл о просьбе:

Однако особенностью моего характера – особенно теперь под старость – можно признать то, что я и «совестлив», и «памятлив», и, как бы надолго ни затянул то или иное дело, большое оно или маленькое, обязательно его выполню, ежели это еще возможно⁸.

Но самое главное: в тексте «Разгрома» фигурирует слово, которое специально соотнесено с «Совестью II». Это – слово «сознательный», чрезвычайно сложное для интерпретации.

Морфологически прилагательное «сознательный» производно от существительного «сознание». Исходное «сознание» в русском языке – как и его аналоги в большинстве европейских языков – имеет много базовых смыслов (кстати, русское «сознание» морфологически калькирует то же греческое слово, что и «совесть»: «συνείδηση»).

Прилагательное «сознательный» сохранило смыслы «сознания» («сознательный поступок» – поступок, который совершается не аффективно, но в сознании, сознательно), однако при вхождении в социал-демократический и потом советский идеологический тезаурус оно усвоило актуальную идеологическую нагрузку.

А.М. Селищев в знаменитой монографии «Язык революционной эпохи» (1928) приводит показательное сочетание «сознательный и марксистски организованный пролетариат России»: по мнению лингвиста, здесь «сознательный» (семантическая калька французского “conscient”) – почти синоним словосочетания «марксистски организованный», т. е. принадлежит к

терминам, существовавшим уже в русской философской и общественно-политической литературе, но употреблявшимся редко. В течение времени некоторые из этих слов с распространением в широких кругах становились терминами обиходной речи, равнозначными с прежними словами, близкими к ним по значению [Селищев 2003, с. 87].

В официальной советской культуре «сознательный» – «идейный», усвоивший правильное (марксистское) мировоззрение. Это

⁸ Вокруг Фадеева: Неизвестные письма, заметки и документы / Сост. И.Н. Дикущина. М.: Литературный ин-т, 1996. С. 114.

значение фиксирует четырехтомный «Толковый словарь русского языка» (1935–1940) под редакцией Д.Н. Ушакова, предшествовавший ожеговскому: «сознательный» –

отдающий себе отчет в окружающей действительности и в том, как надлежит действовать, обладающий сознательностью (см. сознательность). *Сознательная деятельность общественного человека находится в тесной зависимости от его идей* (Плеханов)⁹.

В «Разгроме» слово «сознательный» как раз присутствует в упоминавшемся уже эпизоде суда над Морозкой, укравшем крестьянские дыни. Бойцы требуют: «Самого спросить!.. Пущай скажет, ежели сознательный!..» И впрямь Морозка осознал, что поступил бессовестно: не потому, что воровал, а потому, что воровал вопреки интересам коллектива. Поскольку он потом сделал и практические выводы, постольку он – как надеялись товарищи – стал «сознательным».

Однако – если учитывать, что в эпизоде с кражей речь собственно идет о *совести* – получается: «сознательный» – не просто «марксистски организованный», «идейный», а носитель «Совести II».

Более того, следует отметить (отвлекаясь от текста Фадеева), что производное от прилагательного «сознательный» существительное «сознательность», закрепляя новую семантику, превратилось для советской культуры в основополагающую идеологему.

В Толковом словаре Даля «сознательность» вообще отсутствует (в отличие от «сознание»), но предсказуемо включено в «Толковый словарь русского языка» Ушакова. Согласно Ушакову, «сознательность» – «способность, умение отдавать себе отчет в окружающей действительности и в том, как надлежит действовать»¹⁰.

Дефиниция – маловразумительная: если заранее не знать, что такое «сознательность», то определение ничего не объяснит. Зато значимость лексемы подкрепляется весомыми цитатами – из Ленина и сталинского соратника В.М. Молотова:

Нет и быть не может таких трудностей и таких препятствий, которые не преодолела бы, так или иначе, сознательность, активность и заинтересованность рабочих масс. *Ленин*.

⁹ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. Т. 4. С. 360.

¹⁰ Там же.

Наши съезды всегда освещали далеко вперед назревшие задачи партии и всегда были крупным этапом в подъеме коммунистической сознательности масс, в коммунистическом воспитании трудящихся. *Молотов*¹¹.

Из высказываний вождей явствует, что «сознательность» – свойство «масс» (управляемых) и позитивный признак нового социума, созданного под управлением коммунистов. Но, прежде всего, очевидно, что «сознательность» – вопреки или благодаря толкованию, еще более смутному, чем в случае с «сознательный», – функционирует в качестве официальной идеологемы, фактически обозначающей «Совесть II»: приобретенное человеком массы «умение» действовать надлежащим образом – в согласии с волей коллектива.

* * *

Итак, в системе романа «Разгром» «Совесть I», традиционная «совесть», – признак «ветхого Адама», а признак «нового человека» – «Совесть II», для которой обнаруживается и специальное обозначение – «сознательный», «сознательность». Эти выводы поможет представить табл. 3, дополняющая табл. 1.

Таблица 3

<i>Совесть I</i>	<i>Совесть II</i>
«внутреннее сознание добра и зла»; «тайник души»	интериоризированное внешнее сознание – «нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» (ср. советский лозунг «Совесть – лучший контролер»)
вертикальное измерение сознания – «невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда»; в пределе – противостояние «окружающим людям, обществу» и единство с Богом	горизонтальное измерение сознания – единство с «окружающими людьми, обществом»
атрибут каждого человека	атрибут представителей управляемого большинства («нового человека»)
традиционная «совесть»	«сознательность»

¹¹ Там же. Ср. в словаре Ожегова попытку упростить невнятную дефиницию, повторяя ее: «умение, способность правильно разбираться в окружающей действительности. *Политическая с. масс*» (*Ожегов С.И.* Словарь русского языка. С. 607).

Литература

- Гришунин 1998 – *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. 413 с.
- Селищев 2003 – *Селищев А.М.* Труды по русскому языку. Т. 1: Социоллингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2003. 610 с.

References

- Grishunin, A. (1998), *Issledovatel'skiye aspekty tekstologii* [Research aspects of textology], Nasledie, Moscow, Russia.
- Selishchev, A.M. (2003), *Trudy po russkomu yazyku. Tom 1: Sotsiolingvistika* [Works on the Russian language, vol. 1: Sociolinguistics], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; modessky@mail.ru

«Чудак» на сцене и драматург в жизни:
социокультурный контекст рождающегося сталинизма

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается пьеса А.Н. Афиногенова «Чудак» в контексте рождающегося сталинизма, который в момент своего становления требовал уже не революционного энтузиазма, о котором и говорилось и писалось много, а прямого подчинения распоряжениям партийного аппарата, – так возникает конфликт и в пьесе, и в советском обществе. Сам Афиногенов испытывал сложные настроения переходного времени, когда уходила либеральная эпоха нэпа и возвращалась эпоха гражданской войны. Драматург изобразил в пьесе энтузиаста Бориса Волгина, в образе которого видел своего друга Бориса Васильевича Игрицкого, и одновременно ему же писал о состоянии полной политической неопределенности, в которой пропадает перспектива и вера в будущее. Будучи драматургом «генеральной линии», Афиногенов подавлял в себе критическое настроение, пытаясь соответствовать новым временам, а они, в свою очередь, требовали не романтического героя, а классовой борьбы со всяким «выходом» за пределы полной и безусловной подчиненности решениям партии.

Ключевые слова: пьеса А.Н. Афиногенова «Чудак», новая экономическая политика, идеология сталинизма, Б.В. Игрицкий, И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, М.П. Томский, «правая оппозиция»

Для цитирования: Юрганов А.Л. «Чудак» на сцене и драматург в жизни: социокультурный контекст рождающегося сталинизма // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 139–158. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-139-158

The “Weirdo” on stage and the playwright in life. The sociocultural context of the emerging Stalinism

Andrei L. Yurganov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article deals with Afinogenov’s play “Weirdo” in the context of the emerging Stalinism, which at the moment of its formation demanded not revolutionary enthusiasm, which was much spoken and written about, but direct submission to the orders of the party apparatus – that is how the conflict appears in the play, and in the Soviet society. Afinogenov himself experienced the difficult moods of a transitional time, when the liberal era of the NEP was gone and the era of civil war was returning. The playwright portrayed the enthusiastic Boris Volgin, whom he saw as his friend Boris Igritsky, and simultaneously wrote to him about the state of complete political uncertainty, in which perspective and faith in the future are lost. As a playwright of the “general line” Afinogenov suppressed his critical mood in an attempt to correspond to the new times, which, in turn, demanded not a romantic hero, but a class struggle with any “exit” beyond the full and unconditional subordination to the decisions of the Party.

Keywords: Afinogenov’s play “Weirdo”, new economic policy, Stalinist ideology, I.V. Stalin, B.V. Igritsky, N.I. Bukharin, M.P. Tomsky, “right-wing opposition”

For citation: Yurganov, A.L. (2023), “The ‘Weirdo’ on stage and the playwright in life. The sociocultural context of emerging Stalinism”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 139–158, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-139-158

3 мая 1929 г. пьеса драматурга Александра Афиногенова «Чудак» была прочитана на заседании художественно-политического совета МХАТ 2-го, и 14 ноября того же года состоялась премьера. Всего этот спектакль выдержал более пятисот представлений, вызвал огромную полемику в театральной общественности, получил одобрение И.В. Сталина и ввел молодого драматурга в высший круг управленцев Пролеткульта.

Главный герой пьесы – Борис Петрович Волгин, заведующий расчетным столом Загрязской бумажной фабрики, ему 26 лет, он по духу энтузиаст. Волгин призывает организовать на фабрике кружок энтузиастов, зачитывает обращение. Директор фабрики, коммунист Андрей Викторович Дробный, не верит в энтузиазм

рабочих и готовится уехать в Ленинград на повышение. Председатель фабричного профсоюза Анна Лукинична Трощина старается выполнять все поручения и откровенно не понимает – а зачем нужен энтузиазм? Зачем делать больше, если нужно делать то, что предписано?

Рискованное противопоставление беспартийного Волгина партийному и профсоюзному руководству фабрики на самом деле было просчитано драматургом [Юрганов 2023, с. 156–174]: пьеса отвечала задачам идеологической кампании по «самокритике», которой руководил лично И.В. Сталин. Один из главных партийных исполнителей этой кампании, А. Сольц, хвалил премьерный спектакль: «Пьеса современная. Она изображает жизнь захолустной бумажной фабрики в Рязанской губернии и в общем дает правильную и нужную картину этого бытия»¹.

Он одобрил ту общую картину, которую многие не воспринимали как адекватную!

...В полном соответствии с нашим лозунгом самокритики (курсив мой. – А. Ю.) отражены теневые стороны нашей работы – чванство и невежество, хулиганство и антисемитизм, а также удушающий нас формализм еще довольно прочно сидит в нашей среде, а посмотреть эти язвы в виде живых человеческих образов, чтобы устыдиться их и всячески поработать над их изживанием, пожалуй, полезнее, чем слушать по этому поводу доклады. Артисты великолепно играют и живо отображают наши недостатки. Это хорошо»².

Кампания «критики и самокритики», начавшаяся весной 1928 г., была первой идеологической кампанией, в которой генеральный секретарь партии большевиков демонстрировал инициативу и личное руководство: это был хитрый ход в шахматной партии с далекоидущими планами, нацеленный на борьбу с группой Бухарина. Никто, кроме Сталина, не держал в уме подобных интриганских расчетов и планов, никто, кроме него, не претендовал на абсолютную власть в партии. Но сказать об этом прямо нельзя – нельзя допустить, чтобы столь возвышенная задача, как борьба с бюрократизмом, была распознана как тщательно подготовленная, но до времени скрытая игра Сталина против политических врагов...

13 апреля 1928 г. Сталин прочитал доклад на собрании актива московской организации ВКП(б), в котором дал отмашку в развертывании «самокритики» в рядах партии, в государственных органах

¹ РГАЛИ. Ф. 1990. Оп. 2. Д. 104. Л. 146.

² Там же.

власти. Он подчеркнул в своем докладе, что «лозунг самокритики нельзя считать новым лозунгом»³. Это нечто, что «лежит в основе режима диктатуры пролетариата». Раз уж большевики ни с кем не делят власть – нет других партий, кроме большевистской, – то «мы сами должны вскрывать и исправлять наши ошибки, если хотим двигаться вперед»⁴. Лозунг самокритики получил поддержку на XV съезде партии, – и в новой ситуации, когда нет больше оппозиции в партии, утверждал Сталин, нужна критика и самокритика, чтобы не «проникнуться чувством самодовольства, чувством самовлюбленности»⁵.

Казалось бы, все это «логично» в меру предлагаемых обстоятельств, – что можно придумать еще в качестве противоядия? Но критиковать «себя» – это значит критиковать партию, она ведь единственная, другой-то нет! Сталин ловко поставил вопрос так: пусть враги узнают не только об ошибках, но и о силе коммунистов, не боящихся правды.

Кампания самокритики была построена таким образом, что никто не мог ответить на главный вопрос – *как определить*, где критика «честная, открытая», а где она «контрреволюционная».

Каков же смысл энтузиазма в словах главного героя – с точки зрения драматурга?

Волгин отвечает Трощиной: «Если вы не поняли – я прочту еще раз. (*Читает.*) “Тысячи тысяч циркулярных писем кончаются лозунгом – строить социализм. Слова о социализме плывут мимо нас, как лодки, не оставляя никаких следов в сердце. Энтузиасты хотят начинить эти слова пироксилином (взрывчатым веществом. – А. Ю.), чтобы они дробили неповоротливые черепа и позволили видеть горизонт. Энтузиасты хотят на деле доказать, что они понимают значение этих двух слов и всю работу подчиняют им”. Неужели так сложно?...»⁶.

Возникает граница между обычным человеком, выполняющим предписания, и энтузиастом, для которого лозунги – отнюдь не пустой звук, а область воодушевления, даже пафоса. Казалось бы, кто против?

³ *Сталин И.В.* О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК: Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. М.: Государственное изд-во полит. лит., 1949. Т. 11. С. 29.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 30.

⁶ *Афиногенов А.Н.* Избранное: В 2 т. / Вступ. ст. А.В. Караганова; сост. и примеч. К.Н. Кириленко, В.П. Коршуновой. Т. 1: Пьесы, статьи, выступления. М.: Искусство, 1977. С. 139.

Однако Трощина возражает.

Слова, исходящие от партии, требуют именно исполнения. Если же кому-то хочется большего, то в таком случае надо признать, что этого не требует сама партия.

Волгин, вся партия строит социализм и эти слова понимает не хуже какого-нибудь интеллигента. Вот мы проводим соревнование, подписываемся на заем, а что с вами прикажете делать? По какой линии вы существовать будете, с кем планы увязывать, а?⁷

Выступая на обсуждении пьесы в МХАТе 2-м (3 мая 1929 г.), Афиногенов пояснял, как нужно воспринимать пьесу, чтобы это восприятие было правильным политически (он признавался: «Материал пьесы может дать различные поводы для его толкования, и от того, какое изберет театр, – зависит правильная политически подача пьесы»)⁸. Чтобы уйти от ненужных коннотаций, драматург свел всю драму к одной проблеме: «Основная проблема пьесы – это два пути беспартийной интеллигенции. Игорь и Борис – два начала пьесы, между ними развиваются основные столкновения, приводящие к вопросу: можно ли быть только “честным служакой”, или и за беспартийным остается право на энтузиазм социалистической стройки и это право должно быть развернуто в действие?»⁹.

Основной конфликт между друзьями интеллигентами – это принятие или неприятие пафоса социалистического строительства. Если человек не энтузиаст, он ищет себя в мимикрии: на словах вместе с партией, а на деле занят собой, своим успехом, карьерой и т. д.

Вот как это звучит в споре Бориса и Игоря (в диалоге участвует также жена Игоря, Юля):

Борис. Игорь, ты будешь замечательным энтузиастом.

Игорь. Э, нет. В этой затее я не участвую.

Борис и Юля. Игорь, как? Игорь?

Игорь. Спокойствие. Ты забыл, верно, кто мы такие? Я напому и прошу слушать. Мы – канцелярские крысы, беспартийные интеллигенты, Борис. Вдумайся хорошенько в значение этого ярлыка. Владей я партийным билетом – я был бы уже сейчас на месте Дробного, а через два года обогнал его. Сначала членом правления, потом председателем треста. А теперь выше стола управдела меня не пустят.

⁷ Там же. С. 139–140.

⁸ Там же. С. 469.

⁹ Там же.

Борис. Есть люди, для которых партийный билет – ключ к кабинету директора. Насколько мне известно – таких людей из партии выгоняют.

Игорь. Дело не в кабинете, Борис, а в перспективе. Пусть кричат об энтузиазме люди с билетами. У них есть перспектива, они могут бороться и критиковать, а нам нужно молча идти своей дорогой, в чужой монастырь нечего соваться со своим уставом.

Борис. Ну, знаешь... (*Подходит к нему, делает гимнастику.*) Джонни (собака Бориса. – *А. Ю.*), заткни уши, здесь всего наслушаешься. Все дело в том, что этот монастырь я, вместе со всеми, перестраиваю в небоскреб. Я не чужой в нем, я имею право радоваться каждому новому этажу и ругать ленивых каменщиков, будь они даже с партийными билетами.

Игорь. И когда-нибудь, помяни мое слово, ленивый каменщик с партийным билетом сбросит безбилетного энтузиаста на мостовую. Нет, нет, энтузиазм – это борьба, это политика, а политика не наша дорога, – подальше от нее; я вот через три года сдам экстерном на инженера узкой специальности, выучу английский язык и буду незаменимым спецом. По вечерам я зубрю забытые теоремы, извлекаю квадратные корни, черчу, вычисляю, – вот как надо работать. Пусть наша тропинка узковата с виду, но будет время, политики перегрызутся, энтузиасты выдохнутся, чудачки перемерут, – одни машины войдут в будущее. И кто хочет стать человеком будущего, – должен учиться на инженера, а не записываться в энтузиасты.

Юля. Какой ты у меня умный, Игорь. Но только неужели в социализме останутся одни инженеры? Боже мой, как это будет скучно.

Игорь. Для кого как. Социализм – это итог всей человеческой борьбы за существование. И победителем к финишу придет тот, кто дерется, а не философствует; кто высчитывает, а не полагается на энтузиазм. Победят не психологи, а математики, для которых таблица логарифмов звучнее всяких рапсодий Листа. Математики и инженеры сделают жизнь простой и легкой, как дважды два. Они стандартизируют не только пиджаки и автомобили, но и чувства людей. Человек-стандарт – вот идеал будущего. А Сократы, Шопены и Достоевские до социализма не доживут!

Юля. Какой ужас!

Борис. Не верь ему, Юля, не верь! Люди боролись и умирали за лучшее будущее не для того, чтобы стать рабами таблицы умножения или парового молотка. При социализме Шопенов будет в тысячу раз больше, чем поваров. Каждый слесарь будет... Сократом... Шопеном...

Игорь. Фантазия и мираж¹⁰.

¹⁰ Афиногенов А.Н. Указ. соч. С. 144–145.

Драматург выстроил целую галерею психологических типов советской действительности.

Безусловно положительный типаж, как он считал, – Борис Волгин. Но он не вписывается в привычную жизнь людей того времени: он скорее правильное исключение или необходимый угол зрения драматурга, чтобы показать недостатки других персонажей пьесы. На фоне Волгина его друг Игорь – американизированный человек, думающий о высоком стандарте жизни, которого следует достичь. Жену Игоря, Юлю, – как говорил Афиногенов в упомянутом выше выступлении, – «тоже нельзя до конца назвать хорошей в смысле противопоставления ее хорошесть – партийцам. Ибо порывы Юли, подымающие ее над уровнем обычных представлений о машинистках как о женщинах, пудрящих нос, – идут от Бориса. Это Борис толкает ее вперед, он почти отрывает Юлю от обычной для такого рода женщин дорожки, но только почти, так как Юля все же уезжает в Ленинград»¹¹.

В пьесе действуют положительные партийцы, это старый рабочий Петрович и молодой комсомолец Федя Вешняков, поэт. «Эти двое, – говорил Афиногенов, – олицетворяющие – один лучшую часть партийцев-рабочих, другой – пылкую порывистость смены этим Петровичам, эти двое друзья Бориса, они первые вступают в кружок и работают в нем»¹².

Коммунистов Дробного и Трощину драматург хотел изобразить «не как плохих от природы людей, влезших в партию с целью хорошенечко набюрократничать». Афиногенов говорил: «Я писал их как людей, пришедших в партию хорошими работниками, честными и преданными солдатами революции, отдавшими партии все. Но именно потому, что они без оглядки окунулись в будничную работу, случилось так, что *аппарат стал над ними, они не сумели удержать равновесия* (курсив мой. – А. Ю.). У Дробного получился явный крен в делячество, у Трощиной – в схематизм и преклонение перед инструкцией сверху»¹³.

Итак, в картине мира, созданной драматургом, к положительной характеристике относится все, что вдохновляет людей на большее, чем простое исполнение приказов. Но, создавая образ Бориса Волгина, Афиногенов понимал, что в нем сосредоточено внутреннее противоречие, которое простодушно выразила Трощина: «...по какой линии вы существовать будете?» Ведь всякий выход за пределы бюрократической нормы в сферу творчества и самоотдачи

¹¹ Там же. С. 470.

¹² Там же.

¹³ Там же.

будет непременно означать индивидуализм, осуждаемый партией, для которой культ коллективности культ основополагающий.

Афиногенов строит образ Волгина так, чтобы в нем сосуществовали два вектора поведения, едва ли не противоположных: энтузиазм героического свершения и железная дисциплина члена профсоюза. Эти качества формально противостоят друг другу, но драматург не только примиряет их, но пытается объяснить, почему такое сосуществование в советской действительности возможно: «...было бы непростительной ошибкой трактовать Бориса как Дон Кихота современности или как Манилова нашей эпохи. Высокий социальный оптимизм Бориса, исходящий от глубокой веры в свое органическое слияние с революцией, позволяет ему гораздо легче переживать все свои несчастья, чем Игорю – его одно. То, что Борис умеет всю даже мелочную работу подчинить великой единой цели – “строить социализм” – опять-таки, по-моему, характеризует его как личность в высокой степени социально полезную, несмотря на его кажущийся индивидуализм. Кажущийся, повторяю, ибо коллективная дисциплина в Борисе настолько велика, что он отказывается идти в рошу, к Симе, подчиняясь требованию Трощиной, являющейся представителем выборной организации»¹⁴.

Упомянутая Сима Мармер была еврейкой, которую травили на фабрике, и, если бы Борис Волгин не послушался Трощиной и пошел бы в рошу, чтобы защитить девушку от хулиганов, она бы не покончила с собой. Этого противоречия Афиногенов не замечает! Нравственные ориентиры выстраиваются в логике необходимого подчинения тому, что олицетворяет собой коллективную власть над личностью.

Но не все так просто и однозначно. Афиногенов говорил, что его пьеса «Чудак» была написана под некоторым воздействием знаменитой пьесы норвежского драматурга Генриха Ибсена «Враг народа». Главный герой этой пьесы, доктор Стокман, делает открытие, что лечебные воды одного приморского городка, в котором его брат Петер – глава города – заражены отходами канализации, и люди не лечатся, а заражаются новыми болезнями. Доктор предлагает дорогостоящий вариант очистительных сооружений, что не устраивает руководство города, а также большинство жителей, заинтересованных в получении прибыли от курорта. Стокмана объявляют «врагом народа», увольняют. Он приходит к выводу, который выражает собой дух всей пьесы: «враги истины и свободы – это сплоченное либеральное большинство». Для Генриха Ибсена такая категория, как свободная личность, – это не «чудак» в тоталитарном мире,

¹⁴ Афиногенов А.Н. Указ. соч. С. 471.

а фундамент мирового порядка, в котором истина не принадлежит большинству.

Обратим внимание на то, как Афиногенов расставил акценты, упоминая эту пьесу:

В маленьком городке жил маленький доктор. Затеял он небольшое дело – разоблачить администрацию местных минеральных вод; такими ли разоблачениями пестрят ежедневно наши газеты? Администрация, как часто бывает, уволила доктора и его сторонников. Заварилась история, очень схожая с преследованием смелого рабкора (имеется в виду Волгин. – А. Ю.), а из истории выросла пьеса – «Враг народа», вошедшая в мировую литературу и создавшая новый тип человека – доктора Штокмана. Маленькая история выросла в громадную тему. Современные драматурги чаще всего поступают наоборот. Берут громадную тему и превращают ее в маленькую историю. *Проблема вредительства?* Пожалуйста. Спец-вредитель, спец-честный, разлагающийся директор, смелый рабкор. *Семичасовой рабочий день?* Сколько хотите! Директор – за, фабком – против. Или наоборот. Помогает масса. *Пятилетка?* Есть! Все – за, кто-нибудь – против. Вывозит все та же масса¹⁵.

Бориса Волгина увольняют за то, что он взял на работу Симу Мармер, не имея на то прав и оснований, хотя все знали, что ее, еврейку, преследовали антисемиты–рабочие фабрики. Волгин спас девушку, но нарушил правила. К нарушению правил добавилась клевета об интимной связи Волгина с Симой.

Игорь обещает Борису поддержку. Но он мыслит себя успешным и стандартным работником, не берущим на себя дополнительных обязательств, а в случае с Волгиным надо быть выше правил – идти против течения, утверждать правду. Игорю и его жене Юле обещан Дробным переезд в Ленинград, там у них откроется будущее.

Влюбленный в Юлю Борис Волгин пытается оторвать ее от Игоря и предлагает путь энтузиастов – в неизведанных землях на неизведанных стройках: «Пойдем, Юля, пойдем, золотистая головка. Советской стране нужны преданные сердца и в тайге, и в Самарканде. Не оставайся с ним, он приспособит тебя к универсальной торговле убеждениями, мыслями, дружбой – всем, что еще не распродано»¹⁶.

Юля сначала решается уйти с Борисом, но ее охлаждает муж. Она понимает, что не способна «рыть торф на гнилом болоте или поливать хлопок»¹⁷.

¹⁵ Там же. С. 475–476.

¹⁶ Там же. С. 180.

¹⁷ Там же.

Концовка пьесы «Чудак» отличается по духу от концовки пьесы «Враг народа». Рабочие фабрики поддерживают Бориса Волгина, подписывают петицию о его возвращении. Подписывает эту петицию и Анна Трощина.

Но Волгин уходит. Он ищет новые места приложения своих сил...

В 1930 г. кое-где в стране уже стали запрещать спектакль «Чудак». Время кампании *самокритики* сменилось временем кампании по *чистке* партийных и государственных органов власти. Под особым подозрением оказывались именно специалисты, беспартийные интеллигенты, их разоблачали, если они скрывали свое социальное происхождение, просто выгоняли с работы, а иногда сознательно делали их «бывшими людьми» – безработными и бездомными.

1 февраля 1930 г. Афиногенов написал письмо Н.В. Петрову, художественному руководителю Ленинградского академического театра драмы, в котором дал рекомендации, как именно изображать Бориса Волгина: «Главное в Борисе – не делать его агнцем с сиянием на голове и дать почувствовать прочную его “землистость” (связь с рабочими, действенность его энтузиазма и пр.)»¹⁸. Психологическая установка драматурга исключала романтическую правду в борьбе с коллективностью. Изображая Волгина, он хотел изобразить *не правду личности*, а необходимый пафос, – необходимый для критики действительности и в самой действительности, как он ее понимал. А понимал он так (запись 1929 г.): «Писатель, оторвавшийся от масс, страдает психологизмом. Факт. Люди, которые не хотят страдать, – идут к массам и там постоянной работой и занятостью глушат вызревающие противоречия»¹⁹.

В 1930 г. был опубликован текст пьесы «Чудак». Предисловие написал Р. Пикель, член Главного репертуарного комитета, театральный критик, известный своими погромными статьями о драматургии М.А. Булгакова. Это был один из самых влиятельных государственных инквизиторов в литературе и искусстве. Его одобрение пьесы было больше, чем просто мнение. Это было очерчивание границ, в рамках которых пьесу можно принимать как пролетарскую. Но не скрывался и возможный другой смысл – совершенно недопустимый. Это предисловие как бы подводило итог всем статьям, спорам, которые велись вокруг пьесы «Чудак».

Самое важное из сказанного им – главный герой пьесы отнюдь не главный герой, и даже не положительный. Это ключ к пра-

¹⁸ Афиногенов А.Н. Указ. соч. Т. 2: Письма. Дневники. С. 27.

¹⁹ Там же. С. 134.

вильному пониманию ситуации. Р. Пикель повторил те же слова, которые говорила о кружке энтузиастов Анна Трощина. Чтобы не противопоставлять Волгина другим персонажам, партийным и профсоюзным, следует думать, что проект кружка энтузиастов «отдает некоторым беспочвенным романтизмом. Он (Волгин. – А. Ю.) скорее мечтатель, нежели строитель»²⁰.

Пикель ничего не пишет о *дурных качествах* Дробного и Трощиной, – а они представлены в пьесе резко отталкивающими. Зато он не жалеет черных красок для Волгина: «Первой и большой ошибкой всякого режиссера было бы, если бы он решил Волгина сделать центральной фигурой, превратить его в героя. Волгин не только чудак для окружающих, но – и по своей натуре. Он – нескладен, неряшлив, порой даже со стороны может произвести впечатление ограниченного человека. У него ничем не оправдываемый интеллигентский гонор (нежелание вмешать в свое личное дело кружок энтузиастов) и излишний сентиментализм (беседы с собакой). Наверяд ли в такие моменты он должен располагать к себе аудиторию»²¹.

Эпоха энтузиазма уходила за горизонт прежней революционности; энтузиаст – вне учета и контроля. Пикель писал: «Основное в пьесе – окружение Волгина. Вокруг Волгина группируются все действующие лица. Он – узел проблемы, но не разрешение ее»²².

Реальным прототипом Волгина был близкий друг Афиногенова, Борис Васильевич Игрицкий. Ему и посвящена пьеса.

25 марта 1929 г. драматург написал письмо, используя в нем строфический размер.

Оно начинается так:

Я не пишу тебе потому, что пишу о тебе.
И то, что я пишу о тебе – посвящено тебе
И придет в виде объемистого семидесятистранич-
ного произведения в Новороссийск. Жди.
Наташа шепнула мне: «Напиши Борису».
Я пишу Борису, хотя ежевечерне по
Три-четыре часа разговариваю Борисом
На страницах в муках рождающейся пьесы.
Она называется «Чудак». Это – разумеется, ты – чудак²³.

²⁰ Пикель Р. Предисловие // Афиногенов А.Н. Чудак. М.: Театроиздат, 1930. 84 с.

²¹ Там же. С. 7–8.

²² Там же. С. 8.

²³ Афиногенов А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 22.

Борис Васильевич Игрицкий (1901–1968) был заметной фигурой среди партийных журналистов. Родился он в г. Елец Орловской губернии, окончил реальное училище, вступил в РКП(б) в октябре 1918 г., участвовал в Гражданской войне. В 1921 г. – редактор газеты. Он был активистом в г. Скопине, где и познакомился с А.Н. Афиногеновым. С 1921 по 1924 г. он учился в Московском институте журналистики. Затем работал на Кавказе, в Сибири. Был репрессирован, воевал на фронте, имел высокие награды. Афиногенов не ошибся, называя своего друга настоящим энтузиастом и преданным партии человеком.

Письмо Б.В. Игрицкому от 25 марта 1929 г. было опубликовано в 1977 г., во втором томе сочинений А.Н. Афиногенова, но со значительными куптурами:

Два акта ее (пьесы. – А. Ю.) – читал Каргошка²⁴ – и сказал:
 «Мне нравится человечность и теплота, с которой она написана. Пиши дальше, пиши и пиши Бориске. Пиши». Я пишу.
 Так что мне странно немножечко сейчас разрывать образ Бориса надвое, – один из которых в «Чудаке», другой – в Новороссийске²⁵.

Афиногенов отмечает в письме надвигающиеся перемены и состояние общества, готовящегося их пережить. Его волнуют не только хозяйственные проблемы страны, но и политические дела в партии большевиков:

Ты просишь новостей. Увы – я не могу порадовать тебя ничем, что могло бы быть написано в категорической форме. Сейчас весна, люди ходят в калошах и говорят о погоде. Они говорят также о хлебных карточках, о сахарной спекуляции, о Турксибе, об отстрочке конкуренции и пленума, о новых займах²⁶.

Дальше – изъятие при публикации слова драматурга о политической неопределенности. Афиногенов дописывает пьесу «Чудак» с пафосом строительства социализма, обращается к другу, в котором

²⁴ Александр Дмитриевич Каргополов – писатель, журналист, друг А.Н. Афиногенова.

²⁵ Афиногенов А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 22.

²⁶ Там же. С. 23.

видит реального энтузиаста, но все, что он создает своим воображением в пьесе, никак не сочетается с тем, что происходит в партии большевиков, по его же собственной интерпретации:

Но все это не то, не то, не то.
Удивительная бесперспективность (курсив мой. – А. Ю.).
Дезориентированы все, никто в
точности не знает – как повернут
руль через неделю, а питаться сплетнями,
которых бесконечное количество – право
не имеет смысла. Диапазон разговоров
громданный – от зерновых фабрик до войны²⁷.

Пафос строительства социализма никуда не уходит, конечно, но встречает в сознании Афиногенова свою «диалектическую» противоположность:

На Урале строится Магнитогорский
Завод. Завод проглотит сорок тысяч ра-
бочих и один – перекроет всю про-
дукцию Уральского предгорья.
На Турксиме – в мороз и вьюгу – молодняк
инженеров ведет линию стройки, удешевив
строительство на двадцать миллионов. Работают
дьявольски. – Узбеки некогда помолиться.
А – сахару дают по два кило в месяц.
А – хлеба четыреста грамм в Москве и
триста – двести в провинции. А – Сибирь
мрачно ждет результатов зимних морозов²⁸.

Дальше – вновь о политической ситуации в стране. Этот текст тоже был изъят при публикации письма:

А Бухарин и Томский –
отошли от работы и молчат,
упорно отнекиваясь. Молчат, не
разделяя курса и требуя перемен.
Блоки создаются и рассыпаются,
Настоящих людей не хватает. «Из-
вестия» сидят без редактора – ибо
некого посадить. Некого²⁹.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 2172. Оп. 2. Д. 52. Л. 53 об.

²⁸ Афиногенов А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 23.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2172. Оп. 2. Д. 52. Л. 54.

Здесь требуется комментарий. Как это возможно, что Бухарин и Томский «молчат, не разделяя курса и требуя перемен»? Очевидно, речь идет о каком-то своеобразном «молчании» в политическом противостоянии...

9 февраля 1929 г. Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и М.П. Томский передали заявление объединенному заседанию Политбюро и Президиума ЦКК, в котором сообщалось, что против них велась и ведется «травля» уже несколько месяцев и они не согласны с подготовленной резолюцией Пленума, переполненной «утверждениями, которые мы затрудняемся квалифицировать иначе, как грубейшее извращение истины»³⁰.

24 января 1929 г. на заседании Политбюро была зачитана «троцкистская прокламация», в которой был опубликован записанный Львом Каменевым разговор с Бухариным летом 1928 г., когда Бухарин сам пришел к своему бывшему политическому оппоненту, чтобы рассказать о невозможности работать со Сталиным из-за тяжелых разногласий и интриг партийного аппарата. Разговор этот Каменев записал, отправил письмо Г. Зиновьеву, а дальше случилась странная история: письмо попало в руки «троцкистов», и они выпустили листовку, в которой опубликовали это письмо.

Бухарин категорически возражал, что в разговоре с Каменевым речь шла о создании фракции. Между тем была составлена партийная резолюция, в которой осуждалось поведение Бухарина за попытку создать именно фракцию, – это запрещалось резолюцией Десятого съезда партии (1921). То, как было организовано «обсуждение» на пленуме (в феврале 1929 г.), указывало, по мнению авторов заявления, на активное участие Сталина: «...формальная сторона дела представляет собою вопиющее нарушение элементарных правил партийного разбора дела, а вся история с подозрительной прокламацией есть не что иное, как своего рода дрейфусиада»³¹.

Сам разговор Бухарин не отрицал – он состоялся 11 июля 1928 г. Чтобы упрочить тезис о «фракционной» деятельности Бухарина, намеренно распространялось утверждение, что Бухарин разделяет взгляды тов. Фрумкина, которого считали безусловно «правым» за письма в ЦК, в которых видный экономист не соглашался с «чрезвычайными мерами» Сталина против крестьянства. В заявлении

³⁰ Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1928 гг.: В 5 т. Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. / Редкол. тома: В.П. Данилов, А.Ю. Ватлин, О.В. Хлевнюк (ответственные редакторы), Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: МФД, 2000. С. 604.

³¹ Там же. С. 606.

трех членов Политбюро говорилось: «Ни ЦК, ни партия в целом отнюдь не провозглашали теории “дани”: тов. Сталин эту теорию провозгласил и не хочет признавать свои ошибки»³². О сталинской теории «дани» сказано предельно жестко: «Эта ошибка состоит в неправильной, антиленинской, антимарксистской характеристике социального отношения пролетариата и крестьянства, что ведет неминуемо и к практике чрезмерного обложения, подрывающего основы союза рабочих и крестьян. Дань есть категория эксплуататорского хозяйства. Если крестьянин платит дань, значит, он – данник, эксплуатируемый и угнетенный, с точки зрения государства, – не гражданин, а подданный. Можно ли соучастие крестьянства в строительстве промышленности обозначать как дань? Это вздорно, неграмотно и политически опасно. Какой же союз с середняком можно наладить, если считать его за данника?»³³.

Интересно, что авторы заявления попутно высказались о психологическом портрете Сталина: никто не хотел на июльском пленуме ЦК 1928 г. разжигать спор со Сталиным, ибо все знали, «как воспринимает тов. Сталин любое критическое замечание по своему адресу»³⁴. Авторы заявления напомнили, что в ноябре 1928 г. они подавали (перед пленумом ЦК) коллективное письмо об отставке: «Почему мы подали в отставку? Потому что мы не хотели внутренней борьбы, дискуссии, какой бы то ни было групповщины, потрясения партии. Мы предпочитали пожертвовать собою во имя мира в партии, мы отказались от борьбы за то, что считали правильным. Мы не хотели отвечать на “проработку” контрмерами»³⁵.

Сила этого заявления заключалась в том, что три члена Политбюро, не признавая своих ошибок, согласны были покинуть свои руководящие посты, чтобы не нарушать единства партии. Как было сказано о Бухарине и Томском в заявлении трех, «почти весь аппарат (Коминтерна. – А. Ю.) и значительная часть представителей важнейших секций в связи со всем происходящим считают его каким-то уклонистом, а он пусть “руководит”. Это – сухая вода! Это – невозможность! Если бы тов. Бухарин пошел в КИ, он был бы там только физически, а не политически. На такую роль можно приискать и манекен. Как тов. Бухарин будет “руководить” “Правдой”, когда проверяющие его каждодневно (по разъяснению документа комиссии) т. Крумин и др. обучают его “азам ленинизма” ... Как

³² Там же. С. 607.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 608.

³⁵ Там же. С. 617.

может тов. Томский работать в ВЦСПС, когда за одно согласие с ним снимают работников?»³⁶.

Это был ход, который возымел сильное действие, – никто из сталинского окружения не хотел, чтобы «правые уклонисты» уходили, не признав своих ошибок. Добровольный уход – это протест, в котором остается правда протестующего, и она может обрести все большим количеством сторонников. На апрельском пленуме ЦК сталинское окружение дружно осуждало Бухарина и Томского за попытку ухода со своих должностей. Удивительно это стремление – беспощадно критиковать «правых», не жалея сил и самых резких слов, но при этом *не давать им даже малейших прав* на уход!

Главный обвинитель «правого уклона», Емельян Ярославский, выступавший первым на апрельском пленуме, не стал скрывать того, почему сталинское большинство опасается отставки трех членов Политбюро: «Опасность заключается в том, что тов. Бухарин, Рыков и Томский могут очутиться, сами не желая этого, знаменем для всех подобных групп, для всякого рода уклонистских и раскольнических групп, которые борются против линии партии и Коминтерна. Вот в чем опасность»³⁷.

Добровольная отставка в партии – это право быть несогласным, но с *обязательством* выполнять все решения партии. Казалось бы, такое понимание не должно противоречить «демократическому централизму», о котором говорил В.И. Ленин. Но ситуация в 1929 г. была уже другая. Она стала похожа на жизнь религиозно мыслящего Ордена, в котором нельзя быть несогласным исполнителем, нельзя формально подчиняться, ибо «генеральная линия» партии – это сама воплощенная и окончательная истина, с которой ты или согласен, или ты ее враг. Наиболее ярко эту мысль выразил М.П. Томский. Он говорил, что в Политбюро уже невозможно простое обсуждение дел, в котором люди могут расходиться во взглядах:

Допустим, может быть, тов. Бухарин ошибался. Всякое обсуждение, всякое выяснение вопроса из чего складывается? Один предлагает одно, другой другое. В чем заключается смысл коллегиальной работы? Каждый, кто вносит предложение, знает одно: либо его предложение будет принято, либо будет отвергнуто. Если оно будет принято, значит, оно верно, если будет отвергнуто, значит – неверно. Если поступать иным образом: когда один вносит предложение, остальные его принимают, *но ничем это не отмечают, а когда предложение отвергают, начинают из этого делать сперва ошибку, затем уклон, вынося это за*

³⁶ Как ломали нэп... С. 618.

³⁷ Там же. С. 32.

двери того учреждения, где это происходит, тогда никакая работа невозможна! (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.) Нигде никакая работа при таких условиях – я утверждаю – невозможна! Если вы установите в любом коллективе или бюро такую систему работы, что должны вноситься *только абсолютно безгрешные, безошибочные предложения, а если ты внесешь такое предложение, которое будет отвергнуто или видоизменено, то это будет рассматриваться так: вот внес предложение имярек, которое мы отвергли или изменили, потому что оно ошибочно, а ошибочно потому, что он ошибся, а ошибся он потому, что у него вообще ошибочная установка, а затем и уклон*, – тогда вообще никакая работа не будет возможна, и вся наша система коллективной работы сведется к тому, что в каждом бюро будет сидеть *один или два безусловно безгрешных апостола, которые будут изрекать бесспорные истины, диктовать свои постановления, а все кроме этого будет считаться «уклоном»*, – остальным остается только внимать и слушать, но своих предложений не вносить, потому что они могут быть признаны ошибкой, а это значит уклон³⁸.

М.П. Томский недоумевал: «Сегодня большевик-ленинец, завтра пошел к черту, оппортунист. Как это легко, как все это поразительно легко делается!»³⁹. Вся «фракционность» группы Бухарина придумана, «из пальца высосана!» – утверждал он на пленуме⁴⁰. Томский вспомнил слова Ленина: «Политбюро – такое учреждение, где можно колебаться»⁴¹.

Теперь же колебаться нельзя:

У нас этой атмосферы товарищеской терпимости к чужим мнениям нет. У нас каждый теперь обязан вносить на 100% безошибочные предложения. Если оно будет на 2% ошибочным или, как было с Бухариным, на $\frac{9}{10}$ с ним согласились, а на $\frac{1}{10}$ не согласились, то эта $\frac{1}{10}$ является «антипартийной» и т. п. К этому же пришиваются любые уклоны, а затем из секретного закрытого заседания это прорывается за двери и делается предметом широкого обсуждения⁴².

То, что Томский ничего не преувеличил, подтверждают, как ни странно, выступления самых активных критиков «правого уклона», которым приходило в голову защищать Сталина от «нападок».

³⁸ Там же. С. 62.

³⁹ Там же. С. 72.

⁴⁰ Там же. С. 74.

⁴¹ Там же. С. 75.

⁴² Там же.

Один из них, М.Ф. Шкирятов, утверждал, что Сталин вообще не делает ошибок!⁴³

Психологически точно и глубоко Томский определил, что именно чувствовали члены Политбюро ЦК, подавая в феврале 1929 г. заявление об отставке: «Не сказал ничего, сидишь, молчишь – саботаж. Хочешь бороться – фракционность. Не борешься, говоришь: черт с вами, я уйду – саботаж, дезертирство. Что же вы от нас хотите?»⁴⁴.

Общая тенденция борьбы с «правым уклоном» сводилась, как заметил один участник апрельского пленума ЦК, сторонник Бухарина, к тому, чтобы *не упоминать в печати имени Бухарина, но спорить с его идеями, которые пересказываются с большими искажениями*. Это делалось специально, чтобы отвести от агитпропа подозрения в необъективности и травле, а с другой стороны, опорочить человека так, чтобы он не смог указать на себя в той или иной публикации: «...в печати появляются статьи, в которых не упоминается прямо имя тов. Бухарина, но в которых тов. Бухарин характеризуется как схоластик, правый уклонист и т. д.»⁴⁵.

Почти полное умолчание имени Бухарина в разоблачениях «правого уклона» было связано также и с оценкой степени уклонения... в «правый уклон». Почти все участники апрельского пленума настаивали на том, что Бухарин, Рыков и Томский пока лишь сближаются с «правой платформой», но не сливаются с нею полностью. Чтобы не совершить это слияние, им нельзя покидать самостоятельно свои должности, нельзя протестовать против решений ЦК, нельзя иметь свое мнение даже при условии подчинения решениям ЦК, а нужно – признать все свои утверждения политическими и теоретическими ошибками и только тогда уходить с должностей. Мнение А.И. Рыкова, здравое и вполне политически обоснованное, о том, что можно иметь «оттенки» мнений, но при этом выполнять коллективные решения, не было услышано и понято, потому что утратила свою силу прежняя политическая трактовка демократического централизма (Анфертьев 2020). На ее смену пришла установка, согласно которой «генеральная линия» – истина, которую можно либо полностью (без всяких оттенков) разделять, либо быть ее врагом...

Вернемся к письму Афиногенова.

В контексте «молчащих» Бухарина и Томского упоминается в письме Генрих Ибсен и его пьеса, которую Афиногенов назвал не

⁴³ Как ломали нэп... С. 92.

⁴⁴ Там же. С. 82.

⁴⁵ Там же. С. 97.

«Враг народа» (как у Ибсена), а «Доктор Штокман» (как в постановке К.С. Станиславского):

Ты читаешь – «Фауста»?
Я – «Доктора Штокмана».
Славный старик – в наши
Дни он служил бы в Здрав-
отделе и был бы уволен за
склочное поведение и несрабо-
танность. Наташа читает «Нору»
и восхищается ее странной судь-
бой. Видишь – Ибсен почетный гость,
у которого я собираюсь учиться муд-
рой простоте и ясности...⁴⁶

Что бы ни думал Афиногенов, характеризуя политическую обстановку тех лет, – а думал он о неопределенности будущего, – очевидно, что он почувствовал перемены, которые вот-вот последуют.

Сталинизм порождает культ усреднения и исполнительства в бюрократически завершенной системе. Афиногенов тонко уловил, что управление сознанием людей осуществляется путем устрашения, ибо логика решения («никто в точности не знает – как повернут руль через неделю») ускользает от общественности; нет никакой взаимосвязи между обществом и властью («и все говорят о погоде – и все предпочитают обходить остроту, все предпочитают ждать»).

Сталинизм утверждался как Культ ошибки. Этот культ не предусматривал ни в каком виде правоту личности в духе Генриха Ибсена. Симпатия Афиногенова к автору пьесы «Враг народа» показывает, что он не вполне еще понял, в каком именно направлении произойдет смена эпох. Ему хочется дописать пьесу («...завтра я вновь возвращусь к Борису, продолжая пьесу. И если даже пьеса нигде не пойдет – все равно я допишу ее»). Пьесу он допишет, и спектакль будет успешным. Но урок партийной коррекции он выучит как прилежный ученик – и следующая пьеса «Страх», в условиях новой кампании «чистки» партийного и государственного аппарата, покажет, что Афиногенов не собирается возвращаться к милым чудачкам, да еще и беспартийным, – новая и неординарная пьеса, написанная в духе «чистки», будет утверждать правду выдвинутых-рабочих, а людьми сомнительными станут беспартийные интеллигенты.

⁴⁶ Афиногенов А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 24.

Литература

- Анфертьев 2020 – *Анфертьев И.А.* Модернизация советской России в 1920–1930-е гг.: программы преобразований РКП(б) – ВКП(б) как инструменты борьбы за власть. М.: ИНФРА-М, 2020. 593 с.
- Юрганов 2023 – *Юрганов А.Л.* «Бобруйское дело» и пьеса А.Н. Афиногенова «Чудак»: социально-политические реалии сталинизма и советская драматургия // Россия и современный мир. 2023. № 2 (119). С. 156–174.

References

- Anfert'ev, I.A. (2020), *Modernizatsiya sovetskoi Rossii v 1920–1930-e gody: programmy preobrazovaniia RKP(b) – VKP(b) kak instrumenty bor'by za vlast'* [Modernization of Soviet Russia in the 1920s – 1930s. Programs of reforms of the RCP(b) – VKP(b) as instruments of struggle for power], INFRA-M, Moscow, Russia.
- Yurganov, A.L. (2023), “‘The Bobruisk Case’ and A.N. Afinogenov’s play ‘Weirdo’. Social and political realities of Stalinism and Soviet dramaturgy”, *Rossia i sovremnyi mir*, vol. 119, no. 2, pp. 156–174.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 64; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrei L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; Iurganov@yandex.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
№ 9
2023

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Н.В. Москвина

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодичность 10 раз в год

Подписано в печать 21.11.2023

Выход в свет 27.11.2023

Формат 60 × 90^{1/16}.

Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,0

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 1841

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru